

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 6 (609) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Михайлович Карамзин* (1766–1826), русский писатель и историк.

Карамзин родился в дворянской семье. Точное место рождения историка до сих пор обсуждается: одни источники указывают село Михайловка в Оренбургской губернии, другие — село Знаменское в Симбирской губернии. Его отец, Михаил Егорович Карамзин, владел имениями в Оренбургской и Симбирской губерниях. Мать, Екатерина Петровна Пазухина, умерла, когда Николаю было всего три года. С раннего детства Николай проявлял страсть к чтению и языкам: уже в восемь лет читал Тита Ливия на латыни, а к десяти годам свободно говорил на французском и немецком, позже освоив английский, итальянский и греческий.

Образование Карамзин получил в частных пансионах Симбирска и Москвы, также учился в пансионе профессора Иоганна Матиаса Шадена при Московском университете. В 1781 году, по обычаю того времени, он был зачислен в Преображенский гвардейский полк, но военная служба была ему не по душе. Не дождавшись 18-летия, он подал в отставку с чином поручика, чтобы посвятить себя литературе и науке.

Вернувшись к гражданской жизни, Карамзин быстро вошел в московские интеллектуальные круги, где общался с переводчиками и публицистами. Его литературная карьера началась с переводов, в первую очередь с немецкого. В 1791 году он основал и редактировал «Московский журнал» — первый русский литературный журнал, в котором публиковались не только художественные произведения, но и критические статьи, рецензии и театральные разборы.

Именно в «Московском журнале» в 1792 году появилась повесть, принесшая Карамзину всероссийскую славу, — «Бедная Лиза». Это произведение стало вершиной русского сентиментализма: трогательная история любви крестьянки к дворянину, завершающаяся трагедией, глубоко взволновала читателей. Карамзин умел передать внутренний мир героя с невиданной ранее тонкостью, сделав чувства центром художественного произведения.

Позже он создал альманах «Аглая» (1794–1795) и поэтическую антологию «Аониды» (1796–1799), где публиковал не только свои стихи, но и произведения современников — Державина, Дмитриева, Хераскова. В 1798 году вышел сборник «Пантеон иностранной словесности», в который вошли его прозаические переводы.

Наиболее значительным художественным трудом Карамзина стали «Письма русского путешественника» (1791–1792), написанные по итогам его двухлетнего путешествия по Европе (1789–1790). В этих письмах сочетаются философские размышления, лирические зарисовки природы, культурные наблюдения и глубокая рефлексия. Это произведение стало настоящим прорывом в русской

литературе — оно ввело в обиход «новую чувствительность», сменив холодный классицизм на живое, личное, эмоциональное слово.

Карамзин сыграл ключевую роль в формировании современного русского литературного языка. Он сознательно отказался от церковнославянской лексики и тяжеловесных синтаксических конструкций, ориентируясь на живую разговорную речь и французский стиль. Он ввел в язык множество новых слов: «благотворительность», «влюбленность», «достопримечательность», «промышленность» (в современном значении), «ответственность», «трогательный», «занимательный» и многие другие. Именно он популяризировал букву «ё», впервые использовав ее в журнале «Аониды» в 1797 году.

Эта реформа вызвала ожесточенные споры, в частности с академиком Шишковым, который выступал за сохранение старославянизмов. Но именно карамзинский стиль стал основой дальнейшего развития русской литературы и повлиял на Пушкина, Батюшкова, Баратынского и других писателей золотого века.

С 1803 года Карамзин полностью посвятил себя созданию масштабного труда — «Истории государства Российского». По указу императора Александра I он был назначен единственным официальным историографом России. Работа над этим 12-томным трудом заняла более двух десятилетий. Первые восемь томов были опубликованы в 1818 году и разошлись за месяц.

«История государства Российского» охватывает период с древнейших времен до Смутного времени. Карамзин не просто пересказывал летописи — он создал цельное, художественно выстроенное повествование, наполненное драматизмом, афоризмами и глубокими размышлениями. Его стиль сочетал архаизмы с простотой и ясностью, придавая тексту величие и достоверность.

В 1811 году Карамзин написал «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» — консервативный политический трактат, в котором выступал против радикальных реформ. Он утверждал, что Россия должна развиваться постепенно, опираясь на традиции и монархию. Эта «Записка» сыграла важную роль в отставке реформатора Михаила Сперанского в 1812 году и была одобрена императором Александром I.

Николай Михайлович умер 22 мая (3 июня) 1826 года в Санкт-Петербурге. Его похоронили на Ново-Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Он был удостоен высоких почестей при жизни: стал действительным статским советником, почетным членом Петербургской академии наук (1818), кавалером ордена Святого Владимира III степени и ордена Святой Анны I степени.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Альбицкая А. А.**
Особенности применения Примечаний к статье 134 УК РФ..... 233
- Альбицкая А. А.**
Отграничение преступления, предусмотренного статьей 134 УК РФ, от развратных действий и насильственных преступлений 236
- Ахметзянов Б. Р.**
Актуальные вопросы оформления протокола дистанционного следственного действия 239
- Борисова С. В.**
Дифференцированные виды мошенничества..... 241
- Бугрова И. В.**
Проблемы отграничения изнасилования от смежных составов преступлений 243
- Гарлыев А. Г.**
Правовая защита объектов культурного наследия: национальный опыт Туркменистана и международная практика.... 245
- Глаголева Д. В.**
Институт исковой давности в гражданском праве 249
- Гудова Е. Д.**
Эволюция и современные подходы к пониманию предмета гражданского права: теоретико-методологический обзор 252
- Дмитриева М. Г.**
Понятие, правовая природа и отличительные черты переговоров и преддоговорных правоотношений..... 255
- Донгак А. А.**
Административная ответственность за нарушения общественного порядка 259
- Дорофеев И. А.**
Автономные мобильные средства в городской среде: преодоление доктринального вакуума и разработка комплексной модели административно-правового регулирования 261
- Дорофеев И. А.**
Применение современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве.... 268
- Дюндюкова Ю. А.**
Проблемы взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков на этапе досудебного урегулирования спора..... 270
- Клищенко Е. С.**
История развития прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства в России..... 272
- Корсакова А. А.**
Фактическое принятие наследства в российском праве: современные вызовы 275
- Кудинова Е. С.**
Проблемы разграничения полномочий между органами публичной власти на муниципальном уровне..... 277
- Кузнецова К. А.**
Служебный долг сотрудника правоохранительных органов: правовой аспект 279
- Куртуков Р. С.**
Требования неимущественного характера, содержащиеся в исполнительных документах: теоретико-правовое осмысление понятия, конститутивных признаков и оснований для их классификации..... 282
- Лагуткина А. А.**
Особенности квалификации ДТП: разграничение ответственности между водителем и лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства: криминологический аспект 284

Макаренко И. А. Ответственность за пытки в современном российском уголовном праве..... 288	Невзгодин А. А. Проблемы реализации принципов правового государства в России..... 295
Макаренко И. А. Проблемы уголовно-правовой оценки превышения должностных полномочий..... 290	Никифорова О. В. Правовые основы обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий 297
Миронова К. С. Основные принципы организации исполнительной власти субъектов Российской Федерации 292	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности применения Примечаний к статье 134 УК РФ

Альбицкая Анастасия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Луговенко Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье исследуются особенности применения Примечаний к ст. 134 УК РФ, регламентирующей ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Ключевые слова: статья 134 УК РФ, Примечания к статье 134 УК РФ, половая неприкосновенность несовершеннолетних, квалификация преступлений, судебная практика, освобождение от наказания, возраст сексуального согласия.

Features of the Application of Notes to Article 134 of the Criminal Code of Russian Federation

Albitskaya Anastasia Aleksandrovna, master's student

Scientific advisor: Lugovenko Tatyana Petrovna, candidate of legal sciences, associate professor, head of department
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article examines the specific features of applying the Notes to Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation, which regulates liability for sexual intercourse and other acts of a sexual nature with a person who has not reached the age of sixteen.

Keywords: article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation, Notes to Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation, sexual inviolability of minors, qualification of crimes, judicial practice, exemption from punishment, age of sexual consent.

Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ внес изменения в Уголовный кодекс, в результате чего ст. 134 УК РФ была дополнена Примечанием 1, согласно которому лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим) [4].

Таким образом, возможность освобождения лица от уголовной ответственности возможна лишь при наличии совокупности следующих факторов:

1. Лицо совершило преступление, квалифицируемое по ч. 1 ст. 134 УК РФ.
2. Преступление было совершено впервые, т. е. ранее лицо не привлекалось к уголовной ответственности.
3. Официальная регистрация брака между лицом, совершившим противоправное деяние, и потерпевшей (потерпевшим).
4. Установлено, что лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи с вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Проанализируем каждое из данных условий подробнее.

Суть первого условия заключается в том, что освобождение от наказания применяется к лицам, совершившим преступление, предусмотренное исключительно ч. 1 ст. 134 УК РФ, а именно добровольное половое сношение (естественный половой акт между мужчиной и женщиной) с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, но достигшим возраста четырнадцати лет, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. В связи с этим, при добровольных действиях сексуального характера совершеннолетнего с лицом того же пола (ч. 2 ст. 134 УК РФ), а также при добровольном половом сношении совершеннолетнего с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшего возраста четырнадцати лет (ч. 3 ст. 134 УК РФ), возможность освобождения от уголовного наказания отсутствует.

Второе условие: преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, должно быть совершено впервые. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.13 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уго-

ловной ответственности» лицом, впервые совершившим преступление, стоит считать лицо:

1. Совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено.

2. Предыдущий приговор, в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

3. Предыдущий приговор, в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности.

4. Предыдущий приговор, в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено.

5. Которое ранее было освобождено от уголовной ответственности. [6]

Следовательно, данное основание допускает возможность многократного освобождения от наказания по примечанию 1 к ст. 134 УК РФ.

Третьим условием является официальная регистрация заключения брака между виновным и потерпевшей (потерпевшим). Наличие данного условия является самым важным, однако и самым сложным при его реализации.

Сложность реализации обусловлена тем, что статья 13 Семейного кодекса РФ устанавливает в Российской Федерации брачный возраст с 18 лет. Тем не менее, при наличии таких условий как беременность, рождение общего ребенка, непосредственная угроза жизни одной из сторон (перечень не является исчерпывающим), органы местного самоуправления могут принять решение о снижении брачного возраста до 16 лет после обращения к ним с соответствующим заявлением и подтверждающими документами. Данная статья Семейного кодекса предоставила возможность самостоятельно определять порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста 16 лет. Однако, не все субъекты РФ воспользовались данным правом.

Так, вступить в брак с 14 лет можно в следующих субъектах: Чеченская Республика, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Владимирская, Вологодская, Калужская, Магаданская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Сахалинская, Тамбовская, Тульская, Тюменская области, Еврейская автономная область, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа.

Вступить в брак с 15 лет возможно в Челябинской, Рязанской, Мурманской, Тверской областях, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республике.

Многие ученые считают, что предпосылкой для введения Примечания 2 послужило Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нару-

шение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации». И. В. Павлов подал жалобу в Конституционный суд Российской Федерации о нарушении его конституционных прав и свобод статьей 134 УК РФ, поскольку он был привлечен к уголовной ответственности за половые сношения с четырнадцатилетней девушкой, с которой продолжительное время находился в отношениях. На момент постановления приговора молодые люди, исходя из особых обстоятельств, указанных в п. 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ и ч. 2 ст. 12 Семейного кодекса Республики Башкортостан, подали заявление о заключении брака в органы ЗАГС, который был официально зарегистрирован уже после постановления приговора. [5]

Следует обратить внимание на то, что намерение вступить в брак также не является основанием освобождения от наказания, но может быть учтено в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Однако на практике суд использует возможность освобождения виновного от уголовной ответственности при наличии у него намерения вступить в брак.

Так, гражданину В. было выдвинуто обвинение в половом сношении с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. У гражданина В. возник преступный умысел, направленный на неоднократное совершение половых сношений по обоюдному согласию без применения насилия с несовершеннолетней К. путем введения полового члена ей во влагалище. Обвиняемый и потерпевшая состояли в сексуальной связи продолжительное время, в результате чего последняя забеременела. Гражданин В. признал свою вину, общественную опасность, совершенных им действий, а также заявил о намерении зарегистрировать брак с несовершеннолетней К., с которой проживает совместно, а также о желании воспитывать с ней их общего ребенка.

Фрунзенский районный суд г. Иваново постановил прекратить уголовное дело и уголовное преследование в отношении гражданина В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, на основании ст. 76.2 УК РФ, 25.1 УПК РФ и назначить ему меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 30 000 рублей.

Иная ситуация сложилась при рассмотрении уголовного дела № 1-13/2021. Гражданин А., реализуя свой единый преступный умысел и систематически, не менее двух раз в неделю, совершая в период с 1 ноября 2018 года до 1 мая 2019 года, половые сношения с несовершеннолетней Г. и удовлетворяя свои половые потребности, гражданин А. достоверно знал, что несовершеннолетняя Г. не достигла шестнадцатилетнего возраста, и осознавал, что тем самым оказывает отрицательное, развращающее влияние на нормальное физическое и нравственное формирование личности несовершеннолетней. В результате систематических половых сношений гражданина А. с несовершеннолетней Г. наступила беременность у последней. При этом обращения в органы ЗАГС с целью регистрации брака не было. На основании чего Фрунзен-

ский районный суд г. Иваново приговорил гражданина А. по ч.1 ст.134 УК РФ к 2 годам лишения свободы.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что не в каждом регионе Российской Федерации имеется возможность заключить брак с 14–15 лет. Следовательно, не на всей территории РФ может быть применено положение Примечания 1 к ст.134 УК РФ, что приводит к нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Таким образом, видится целесообразным установить на всей территории Российской Федерации единый порядок и условия, при которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста 16 лет, а также установить в качестве минимально допустимого возраста вступления в брак возраст 14 лет.

Четвертое условие состоит в том, что виновное лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи с вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Данное условие видится неясным, расплывчатым, поскольку не является понятным, как и какими способами, методами законодатель собирается устанавливать данный факт. [7]

В доктрине уголовного права активно ведется дискуссия по настоящему вопросу. Основным объектом спора является то, что, если лицо, вступив в брак, перестает быть общественно опасным, то перестает ли быть таковым само совершенное деяние? Например, Ю. В. Козубенко придерживается точки зрения, что деяние не перестает быть общественно опасным, просто *post factum* происходит так называемое «процессуально оформленное согласие потерпевшей на причинение себе вреда». [8]

Можно предположить, что деяние перестает быть общественно опасным в случае, когда лицо, достигшее 18 лет, и потерпевшая (потерпевший) долгое время сожительствовали, и последующее вступление в брак лишь узаконило их отношения, основанные на взаимности и добровольности. Однако данный факт противоречит Примечанию 1 ст. 134 УК РФ, поскольку лицо, должно совершить преступление впервые, то есть факт сожи-

тельства длительное время должен быть исключен, либо лицо должно иметь погашенную или снятую судимость за данное преступление.

В связи с отсутствием на законодательном уровне критериев оценки отпадения общественной опасности преступления и преступника в рассматриваемом случае, суд при применении Примечания 1 руководствуется именно фактом регистрации брака в органах ЗАГС.

Распространенным фактом является заключение фиктивного брака между виновным и потерпевшей (потерпевшим). Следовательно, суду при вынесении решения следует руководствоваться не только самим фактом заключения брака, но также установить, имело ли место быть воздействие на потерпевшее лицо со стороны виновного путем подкупа, угроз и психологического давления, являлся ли брак для потерпевшего добровольным. [9]

Примечание 2 было введено Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера».

Сущность данного примечания заключается в том, что наказание в виде лишения свободы к подсудимому (подсудимой) не применяется в случае, если разница в возрасте между потерпевшей(-им) и виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 134 или частью 1 статьи 135 УК РФ, составляет менее четырех лет.

Целесообразность данного примечания обусловлена тем, что разница в возрасте менее четырех лет возможна лишь в случае, когда потерпевшему от четырнадцати до шестнадцати лет, а виновному в совершении преступления от восемнадцати до двадцати лет. Представители данной возрастной группы нередко находятся в одной компании, в постоянном взаимодействии друг с другом, что способствует выстраиванию взаимоотношений с возможностью дальнейшего вступления в сексуальную связь. Закон не запрещает сексуальные контакты между несовершеннолетними, так как не усматривает в этом общественной опасности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. — 27.03.2023. — № 13. — Ст. 2361.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.05.2023) // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1998. — № 26. — Ст. 3014; Собрание законодательства РФ. — 01.05.2023. — № 18. — ст. 3227.
4. Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 03.08.2009. — № 31. — Ст. 3921.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации». Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21102008-n-568-o-o-ob/>
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.13 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». «Российская газета». — № 145. — 05.07.2013.
7. Антонов, А. Г. К вопросу об утрате общественной опасности виновного и преступления, им совершенного, в связи с освобождением от наказания в соответствии с Примечанием 1 к ст. 134 УК РФ [Электронный ресурс] // Правовые проблемы укрепления Российской государственности. — 2021. — № 89. — С. 9–11. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47334534>
8. Зворыкина, Е. В. О применении нормы Примечания 1 статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник магистратуры. — 2018. — № 5–4 (80). — С. 174–176. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-primenenii-normy-primechaniya-1-stati-134-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii>
9. Булычев, Е. Н. Правовой анализ условий освобождения от наказания за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ) [Электронный ресурс] // Евразийская адвокатура. — 2019. — № 5 (42). — С. 41–43. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-analiz-usloviy-osvobozhdeniya-ot-nakazaniya-za-polovoe-snoshenie-s-litsom-ne-dostigshim-shestnadsatiletnego-vozrasta-st-134-uk>

Отграничение преступления, предусмотренного статьей 134 УК РФ, от развратных действий и насильственных преступлений

Альбицкая Анастасия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лугovenko Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассматривается проблема отграничения преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), от смежных составов: развратных действий (ст. 135 УК РФ) и насильственных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности (ст. 131–132 УК РФ).

Ключевые слова: статья 134 УК РФ, статья 135 УК РФ, статья 131 УК РФ, статья 132 УК РФ, половая неприкосновенность несовершеннолетних, квалификация преступлений, отграничение составов, насилие, развратные действия.

Distinguishing the crime under Article 134 of the Criminal Code of Russian Federation from lewd acts and violent crimes

Albitskaya Anastasia Aleksandrovna, master's student

Scientific advisor: Lugovenko Tatyana Petrovna, candidate of legal sciences, associate professor, head of department
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article discusses the problem of distinguishing the crime provided for in Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation (sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of sixteen) from related crimes: depraved acts (Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation) and violent crimes against sexual freedom and sexual integrity (Articles 131–132 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation, sexual integrity of minors, qualification of crimes, delineation of offenses, violence, and depraved actions.

Действующий уголовный закон устанавливает ответственность за насильственное и добровольное осуществление действий сексуального характера, за понуждение к означенным действиям и за развратные действия. В силу

отсутствия законодательного определения «иных действий сексуального характера» возникает ряд проблем отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, от смежных составов.

При анализе судебной практики можно прийти к выводу, что ключевым признаком, отграничивающим составы преступлений, закрепленных статьями 131 и 132, от преступления по ст. 134 УК РФ является то, что уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, наступает в случаях, когда половое сношение и иные действия сексуального характера совершены без применения насилия или угрозы его применения, а потерпевшее лицо понимало характер и значение совершаемых действий. [7]

Рассмотрим подробнее отличительные признаки изучаемого состава преступления от изнасилования и насильственных действий сексуального характера по статьям 131 и 132 УК РФ:

1. Субъект преступления ст. 134 УК РФ специальный — вменяемое лицо мужского или женского пола, достигшее 18-летнего возраста, в отличие от изнасилования, где субъектом преступления выступает лицо исключительно мужского пола, которое на момент совершения преступления достиг возраста четырнадцати лет (ч. 2 ст. 20 УК). Тем временем, субъектом насильственных действий сексуального характера является лицо мужского или женского пола, достигшее четырнадцатилетнего возраста;

2. В качестве потерпевшего по ст. 134 УК РФ выступает лицо как женского, так и мужского пола, которое на момент полового сношения, мужеложства, лесбиянства достигло 12 лет, но не достигло возраста шестнадцати лет. По ст. 131 УК РФ потерпевшим может быть лицо исключительно женского пола, потерпевшим по ч. 1 ст. 132 УК РФ является лицо, как мужского, так и женского пола, потерпевшим по п. «д» ч. 2 ст. 132 УК РФ является несовершеннолетнее лицо, по п. «б» ч. 4 ст. 132 — лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста, мужского или женского пола.

Важным является тот факт, что потерпевшей по ст. 131 УК РФ признается любая женщина, независимо от возраста, родственных или иных отношений с насильником, а также предшествующего поведения потерпевшей (нахождение в зарегистрированном или гражданском браке, занятие проституцией, аморальное поведение) [7]. Потерпевшим по ст. 131 УК РФ не может быть лицо мужского пола. Если насильственные сексуальные действия совершены в отношении мужчины, то ответственность наступает по ст. 132 УК РФ.

3. Способы изнасилования и насильственных действий сексуального характера характеризуются применением насилия или угрозы его применения либо использованием беспомощного состояния потерпевшей. Тем временем, как по ст. 134 УК РФ со стороны виновного лица насилие отсутствует, и потерпевший(-ая) вступает в сексуальную связь добровольно. [5]

Следует особое внимание обратить на отграничение полового сношения по ч. 1 ст. 134 УК от изнасилования с использованием беспомощного состояния. По данному вопросу п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 04.12.2014 № 16 дает следующее пояснение: «... Изнасилование следует признавать совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному».

Важным является осознание виновным лицом беспомощного состояния потерпевшего лица. Так, для квалификации преступления по ст. 134 УК РФ суду необходимо выяснить, действительно ли потерпевший осознавал значение совершаемых с ним действий, и был ли он способен осознанно дать добровольное согласие на вступление в половой контакт с виновным.

Как ранее уже отмечалось, серьезной проблемой применения положений ст. 134 УК РФ является то, что наименование настоящей статьи гораздо шире содержания ее диспозиций по ч. 1 и ч. 2, поскольку в них описаны лишь половое сношение, мужеложство и лесбиянство. Совершение в отношении потерпевшего(-ей), не достигшего(-ей) шестнадцатилетнего возраста, с его(ее) добровольного согласия иных сексуальных действий, которые не указаны в диспозиции ст. 134 УК РФ, требует квалификации по ст. 135 УК РФ (развратные действия).

Верховный Суд РФ в п. 17 Постановления дает разъяснение относительно сущности развратных действий: под развратными действиями стоит понимать любые действия (кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства), направленные на удовлетворение сексуального влечения виновного, либо вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. [3]

В таком случае может возникнуть вопрос: как рассматривать имитацию полового акта и совершение полового акта в присутствии несовершеннолетнего? Если рассматривать со стороны содержания подобных действий, то это разновидность половых отношений — действия сексуального характера, а если со стороны позиции Верховного Суда РФ, то следует понимать их как развратные действия.

В результате вышеизложенного, можно наблюдать смягчение наказания за совершенное преступление, поскольку санкция ст. 135 УК РФ мягче санкции ст. 134 УК РФ. [5] Например, оральный секс с мальчиком, не достигшим 16-летнего возраста, попадает под объективную сторону ст. 134 УК РФ, и наказанием за совершение данного преступления является лишение свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет, тем временем, как те же действия с девочкой, не достигшей шестнадцати лет, квалифицируются по ст. 135 УК РФ как развратные действия и наказываются лишением свободы на срок до трех лет с лишением

права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет.

Таким образом, можно наблюдать, что правовая оценка одних и тех же действий будет отличаться в зависимости от пола ребенка, что противоречит принципу справедливости и целям уголовного наказания.

Исходя из вышеизложенного, во избежание ошибок в квалификации, связанных с правовой оценкой этого деяния в зависимости от пола несовершеннолетнего анальный и оральный секс с девочкой, не достигшей шестнадцатилетнего возраста, следует квалифицировать по статье 134 УК РФ.

Иным способом устранения данной проблемы является внесение изменений в ч. 2 ст. 134 УК РФ, а именно сделать указание на иные действия сексуального характера, которые были совершены с проникновением, т.е. путем введения части тела или другого объекта, имитирующего мужской половой орган, в отверстие тела (рот, влагалище, задний проход). Так, диспозиция ч. 2 ст. 134 УК РФ будет иметь следующую формулировку: «Мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера, сопряженные с проникновением, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости внесения изменений в название нормы с целью его приведения в соответствие с диспозициями анализируемой статьи. Например, Л. В. Лобановой предлагает изменить название данной статьи на «Половое сношение или иные ненасильственные сексуальные контакты с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», а Н. Н. Сяткин на «Ненасильственные половое сношение, гомосексуальный контакт или иные действия сексуального характера». [4]

Иным способом устранения недостатка законодательной регламентации объективной стороны рассматриваемого преступления является определение понятия

«иных действий сексуального характера» путем внесения в Постановление Пленума Верховного суда в следующей формулировке: иные действия сексуального характера — действия, совершаемые виновным лицом для достижения им сексуального удовлетворения, сопряженные с проникновением, либо связанные с любым манипулированием виновным обнаженными половыми органами потерпевшего.

Ключевым признаком, отграничивающим составы преступлений, закрепленных статьями 131 и 132, от преступления по ст. 134 УК РФ является то, что уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, наступает в случаях, когда половое сношение и иные действия сексуального характера совершены без применения насилия или угрозы его применения, а потерпевшее лицо понимало характер и значение совершаемых действий. Также субъект преступления ст. 134 УК РФ специальный — вменяемое лицо мужского или женского пола, достигшее 18-летнего возраста, в изнасиловании — субъект преступления лицо исключительно мужского пола, которое на момент совершения преступления достиг возраста четырнадцати лет.

Потерпевшим по ст. 134 УК РФ выступает лицо как женского, так и мужского пола, которое на момент полового сношения, мужеложства, лесбиянства достигло 12 лет, но не достигло возраста шестнадцати лет. По ст. 131 УК РФ потерпевшим может быть лицо исключительно женского пола.

На основании анализа ст.ст. 134 и 135 деяние в форме анального секса с девушкой, не достигшей 16-летнего возраста, следует квалифицировать не по ст. 135 УК РФ (развратные действия), а по ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста) с целью недопущения ошибок в квалификации, связанных с правовой оценкой данного деяния в зависимости от пола несовершеннолетнего.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. — 27.03.2023. — № 13. — Ст. 2361.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Российская газета. — № 284. — 12.12.2014
4. Бимбинов, А. А. Действия сексуального характера, предусмотренные статьей 134 УК РФ [Электронный ресурс] // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2014. — С.81–85. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/deystviya-seksualnogo-haraktera-predusmotrennye-statii-134-uk-rf>
5. Волкова, Н.А., Слепова, В. В. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Тенденции развития науки и образования. — 2018. — № 37–3. — С. 45–47. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_35093394_13371102.pdf

6. Кравченко, О. О. Актуальные вопросы уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // E-SCIO. — 2021. — № 9 (60). — С. 485–494. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47127850>
7. Романов, В. Г. Проблемные вопросы квалификации деяния, предусмотренного ст. 134 УК РФ и отграничение данного состава преступления от смежных составов (ст. 131, ст. 132 УК РФ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 2 (118). — С. 297–302. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18855783>
8. Теймуршахов, Т. Н. Потерпевшие по делам об изнасиловании // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 3. — С. 91–98. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poterpevshie-po-delam-ob-iznasilovanii>

Актуальные вопросы оформления протокола дистанционного следственного действия

Ахметзянов Булат Робертович, аспирант
Севастопольский государственный университет

Статья посвящена анализу актуальных вопросов оформления протокола дистанционного следственного действия. Подчеркивается, что дистанционный вид проведения следственного действия представляет собой формат, при котором инициатор и следователь, курирующий действие, находится вне основной локации производства следствия по уголовному делу. В статье выделены основополагающие признаки протокола дистанционного следственного действия. Значимым признаком протокола дистанционного следственного действия является необходимость указания формы дистанционного порядка и обозначения технического средства, применяемого при обращении к такому формату.

Ключевые слова: видеоконференц-связь, дистанционное следственное действие, досудебное следствие, протокол следственных действия, следственное действие, следователь, технические устройства.

В последние годы получило распространение проведение дистанционного следственного действия. Следует подчеркнуть, что внимание ученых в сфере уголовно-процессуальной отрасли правовых наук не единожды обращалось к дистанционному порядку производства следственных действий. Только в 2025 году были успешно защищены 6 диссертационных исследований, которые комплексно или фрагментарно посвящены дистанционным технологиям и новым техническим возможностям при проведении следственных действий [2, 3, 4, 6, 7, 8].

Исследовательский контекст требует серьезного аналитического подхода, в рамках которого оправдано изучение актуальности применения современных технических средств при проведении различных следственных действий.

Категориальный аппарат уголовно-процессуальных научных трудов в современном контексте включает понятия «цифровой» и «информационный», которые часто смешиваются. Представляется, что в этом кроется дефинитивная ошибка. Термин «информационный» интерпретируется применительно к технологиям как «связанный с хранением и обработкой массивов информации, предоставлением к ним доступа». Цифровые технологии являются видом более обширного понятия «информационные технологии», поскольку последнее распространяется не только на цифровую среду, но и на автоматизированные системы (сами компьютеры, серверы, маршрутизаторы и т. д.), инфор-

мационно-телекоммуникационную систему, программы ЭВМ, информационную безопасность и т. д. Цифровые технологии применяются в качестве вспомогательных средств при осуществлении досудебного следствия.

Дистанционный вид проведения следственного действия, так же, как и в судопроизводстве, в основном, представляет собой формат, при котором инициатор и следователь, курирующий действие, находится вне основной локации производства следствия по уголовному делу.

Подчеркивая значение интеграции цифровых технологий в судебную и следственную деятельность, А. А. Сафонов преимущественное внимание уделяет дистанционным следственным действиям, совершение которых стало возможным при помощи видеоконференц-трансляций [5, с. 135].

В научной литературе в контексте изучения дистанционных следственных действий внимание ученых привлекают предложение А. А. Смирнова о современных технологиях, которые необходимо распространить в целях повышения эффективности следствия, в частности внедрить специальное мобильное приложение [6, с. 10–11]. Особо пристальное внимание уделено современным цифровым средствам, которые как уже внедрены в следственную и криминалистическую деятельность, так и перспективные технические приемы.

Т. В. Горбенко предлагает авторскую формулировку категории «дистанционное следственное действие», вычлняя

в качестве значимых условий специальные основания, которые побуждают следователя обратиться к дистанционному формату [2, с. 11]. Дистанционный формат актуален для устных действий, связанных с опрашиванием участников, свидетелей, специалистов. В связи с этим выстраивается специальный механизм, создающий необходимые условия для получения «качественных» доказательств, то есть тех, которые будут отвечать требованиям допустимости. Поэтому требуется специальная платформа, обеспечивающая безопасный канал связи и учреждение, на базе которого производится непосредственный вербальный опрос отсутствующего участника следственного действия. С 2021 года в уголовное процессуальное законодательство были внесены изменения, посредством введения статьи 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], в которой регламентирована процедура проведения следственных действий с помощью технических средств, позволяющих осуществить аудиовизуализацию.

Как известно, этап составления протокола является необходимым в процедуре следственного действия.

Представляется необходимым выделить признаки протокола дистанционного следственного действия. Следует отметить, что основополагающий признак протокола следственного действия, а именно относимость к процессуальной документации, распространяется на все его разновидности, как на традиционный протокол следственного действия, осуществляемого непосредственно в очном формате, так и на его антипод — протокол дистанционного следственного действия.

Вторым признаком протокола дистанционного следственного действия является необходимость указания формы дистанционного порядка и обозначения технического средства, применяемого при обращении к такому формату. Кроме того, от следователя требуется указание объема обращения к дистанционному формату и причину, по которой очный порядок невозможен или крайне затруднителен.

В протоколе дистанционного следственного действия в обязательном порядке указывается не только наимено-

вание, место нахождения следственного органа, имя следователя, который проводит соответствующее действие, но и место фактического (реального) места, где находится опрашиваемый.

Так, наиболее распространенным случаем дистанционного следственного действия является проведение видеоконференцсвязи. Такой способ безусловно оказывает благотворное воздействие на деятельность следственных органов, способствует процессуальной экономии. В особенности, в рамках уголовного следственного процесса сокращаются временные издержки на проведение следственных действий, отпадает необходимость выжидать время для осуществления допроса лица, который временно отсутствует в соответствующей местности.

В случае проведения очной ставки, допроса или опроса посредством видеоконференцсвязи имеет место быть сохранение видеозаписи соответствующего действия, в связи с чем в обязательном порядке к протоколу необходимо приобщение видеозаписи. При этом остается дискуссионным вопрос целесообразности отображения в протоколе дистанционного следственного действия всего его хода, фактически дублируя содержание видеозаписи (вопросы и ответы опрашиваемым). Полагаем, что отказ от протоколирования содержательной части следственного действия, проводимого дистанционно, является неосмотрительным, поскольку может повлечь ряд сложностей. Первый уязвимый момент может возникать в связи с утерей видеозаписи или существенного её повреждения, а в дальнейшем к невозможности повторных просмотров. Вторая проблема может быть связана с артикуляционными дефектами, которые затрудняют слуховое восприятие представленной видеозаписи.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть особое значение протокольного документа, в котором фиксируются его результаты. Небрежное отношение к вопросу составления данного процессуального документа может повлечь отрицательные последствия, а именно порочность доказательства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (часть I). — ст. 4921.
2. Горбенко Т. В. Дистанционное проведение следственных действий, связанных с обследованием местности: автореф. дис.... кандидата юридических наук. — Краснодар, 2025. — 26 с.
3. Кулаевский А. В. Алгоритмизация деятельности следователя по установлению лица, совершившего дистанционное мошенничество: автореф. дис.... кандидата юридических наук. — Калининград, 2025. — 25 с.
4. Самсонов П. А. Дистанционное участие в досудебном уголовном производстве: правовое регулирование и правоприменение: автореф. дис.... кандидата юридических наук. — Москва, 2025. — 34 с.
5. Сафонов А. А. Цифровое правосудие: правовые и процессуальные вопросы применения видеотехнологий в следственных действиях и судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. — 2025. — № 3. — С. 133–141.
6. Смирнов А. А. Криминалистика в условиях изменения парадигмы научно-технологического развития на современном этапе формирования информационного общества: теоретические и практические аспекты: автореф. дис.... кандидата юридических наук. — Санкт-Петербурга, 2025. — 40 с.

7. Фарафонова О. А. Производство вербальных следственных действий посредством видео-конференц-связи: автореф. дис.... кандидата юридических наук. — Москва, 2025. — 27 с.
8. Фролов В. В. Использование информационных технологий в методике расследования дорожно-транспортных происшествий: автореф. дис.... кандидата юридических наук. — Краснодар, 2025. — 24 с.

Дифференцированные виды мошенничества

Борисова Софья Викторовна, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена исследованию дифференцированных видов мошенничества в современной правовой реальности. Рассматриваются основные формы проявления мошеннических деяний, их классификация и квалификация в рамках российского уголовного законодательства. Анализируются характерные признаки и особенности каждого типа мошенничества, включая схемы обмана, используемые злоумышленниками, способы выявления и предотвращения противоправных действий. Особое внимание уделяется развитию новых способов мошенничества в условиях цифровой экономики и виртуализации финансовых операций. Предлагаются меры по повышению уровня информированности населения и профилактике мошенничеств.

Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, квалификация преступлений, профилактика правонарушений, цифровые технологии, киберпреступность, уголовное право, защита собственности.

Мошенничество является одним из наиболее распространённых имущественных преступлений, характеризующихся разнообразием методов и форм осуществления противоправных действий. Согласно ст. 159 Уголовного кодекса РФ, мошенничество определяется как хищение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием. Сегодня ситуация осложняется стремительным развитием цифровых технологий, создающим новые возможности для совершения преступлений подобного рода. Современные реалии потребовали разработки классификации мошенничества, позволяющей чётко различать отдельные виды такого деяния и выбирать адекватные методы борьбы с ними. Цель данной статьи заключается в изучении основных типов мошенничества, анализе тенденций современного мошеннического поведения и разработке предложений по оптимизации мер противодействия этому виду преступлений.

1. Понятие и общая характеристика мошенничества

Мошенничество традиционно классифицируется по следующим критериям:

- Объект преступления (имущество гражданина, организации, государства),
 - Субъект преступления (физическое лицо, юридическое лицо, организованная группа),
 - Способ достижения цели (прямое введение в заблуждение, опосредованное воздействие на жертву, эксплуатация доверия жертвы),
 - Средства совершения преступления (цифровые технологии, традиционные коммуникации, социальные сети). Кроме того, выделяются особые разновидности мошенничества:
 - Кредитное мошенничество,
 - Страхование мошенничество,

- Инвестиционное мошенничество,
- Интернет-мошенничество,
- Телефонное мошенничество,
- Банковское мошенничество.

Каждому типу присущи специфические характеристики, позволяющие выявить механизмы и модели противоправных действий.

2. Основные типы мошенничества

Традиционными видами мошенничества остаются сделки купли-продажи недвижимости, оформление займов и кредитов, создание лжефирм и получение предоплаты за несуществующие товары и услуги. Такие схемы продолжают активно использоваться ввиду простоты реализации и слабых механизмов контроля. Примером традиционного мошенничества служит схема «продажа квартиры», когда продавцом выступает подставное лицо, либо сделка оформляется фиктивными документами.

Электронные и цифровые виды мошенничества стали массовыми благодаря широкому распространению Интернета и электронных платежей. Среди популярных схем выделяются фишинг, взлом банковских счетов, вирусные атаки и программы-шпионы, похищающие персональные данные пользователей. Цифровая экономика открывает простор для распространения сложных многоуровневых схем вымогательства денег посредством онлайн-технологий.

Психологическая составляющая играет важную роль в большинстве случаев мошенничества. Жертвами часто становятся граждане пожилого возраста, одинокие пенсионеры, социально-незащищённые слои населения. Преступники используют доверие и неопытность жертв, применяя приёмы социальной инженерии, манипуляции

сознанием и эмоциональное давление. Например, псевдобанкировские звонки с сообщениями о подозрительных операциях на счёте заставляют пожилых людей добровольно передавать деньги преступникам.

3. Проблемы профилактики и противодействия мошенничеству

Современные мошеннические схемы характеризуются высоким уровнем профессионализма преступников, быстрым обновлением методик и отсутствием чётких границ ответственности правоохранительных органов. Это создаёт серьёзные трудности для своевременного обнаружения и пресечения преступлений. Для эффективного решения проблемы необходимы:

- Повышение осведомлённости граждан о методах защиты от мошенников,
- Развитие специализированных подразделений полиции и киберполиции,

– Улучшение нормативно-правового регулирования сферы электронного оборота денежных средств,

– Совершенствование уголовной репрессивной системы и повышение ответственности за совершение экономических преступлений. Таким образом, борьба с мошенничеством требует комплексного подхода, включающего профилактику, образование и модернизацию законодательной базы.

Рассмотрев основные виды мошенничества и проанализировав их влияние на общество, можно сделать вывод о необходимости усиления предупредительной работы среди населения и совершенствования правового регулирования. Особое внимание должно уделяться защите электронной инфраструктуры и борьбе с финансовыми махинациями в цифровой среде. Решение обозначенных проблем позволит снизить уровень преступности и повысить защищённость граждан от посягательств на их имущество.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Приказ МВД России от 15.10.2013 N 845 (ред. от 31.12.2018) «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.02.2014 N 31238) // СПС «КонсультантПлюс»
4. Волков Г А Расследование мошенничества в сфере кредитования. / Волков Г А 4. — Текст: непосредственный // Журнал уголовного права и криминалистики. — 2022. — № 3. — С. 34–41.
5. Галактионов, О. А. Мошенничество в сфере страхования. / О. А. Галактионов. — Учебное пособие. — Новосибирск: НГАУ, 2022. — 56 с. — Текст: непосредственный.
6. Голованов, А. А. Информационная безопасность в противодействии электронному мошенничеству. / А. А. Голованов. — Текст: непосредственный // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2023. — № 4. — С. 58–63.
7. Ильин, А. С. Новеллы судебной практики по делам о мошенничестве Научно-практический комментарий / А. С. Ильин. — Омск: ОмЮА, 2024. — 71 с. — Текст: непосредственный.
8. Козлов, В. А. Общие принципы предупреждения мошенничества. Учебное пособие. / В. А. Козлов. — Саратов: Саратовский юридический ин-т, 2023. — 15 с. — Текст: непосредственный.
9. Кустов, Л. М. Проблема квалификации мошенничества в условиях цифровой экономики. / Л. М. Кустов. — Монография. — Воронеж: ООО «Научная книга», 2024. — 37 с. — Текст: непосредственный.
10. Медведев, А. Б. Теоретические основы оценки ущерба от преступлений против собственности. / А. Б. Медведев. — Екатеринбург: УрФУ, 2022. — 74 с. — Текст: непосредственный.
11. Смирнова, А. И. Социальные риски и экономическая безопасность: мошенничество в российском обществе. / А. И. Смирнова. — Барнаул: Алтайская акад. образования, 2023. — 17 с. — Текст: непосредственный.
12. Шаров, Д. Н. Современные проблемы противодействия мошенничеству в Интернете / Д. Н. Шаров. — Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. — Челябинск: Челябинский госуниверситет, 2024. — 59 с. — Текст: непосредственный.

Проблемы отграничения изнасилования от смежных составов преступлений

Бугрова Ирина Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В рамках научной статьи проведен анализ проблем отграничения изнасилования от смежных составов преступлений. На основе проведенного исследования сделан вывод о наиболее эффективных способах разрешения данных проблем.

Ключевые слова: изнасилование, отграничение, состав преступления, смежный.

Problems of distinguishing rape from related crimes

Bugrova Irina Vladimirovna, master's student

Scientific advisor: Lepeshkina Oksana Ivanovna, phd in law, associate professor

North-West Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)

Within the framework of the scientific article, the modern problems of distinguishing rape from related crimes are analyzed. Based on the conducted research, the most effective ways of resolving these problems are concluded.

Keywords: rape, differentiation, crime, related crime.

Феномен смежных составов преступлений — один из наиболее значимых в доктрине уголовного права. От степени его разрешения во многом зависит современное состояние практики реализации уголовной ответственности, а также может быть оценено состояние законодательства. Сказанное относится и к процессу отграничения изнасилования от смежных составов преступлений.

Рассматривая данное преступление, в первую очередь, отграничение необходимо проводить от насильственных действий сексуального характера. Отличием в данном случае является потерпевший от преступного деяния. Изнасилование может быть совершено исключительно в отношении женщины, тогда как насильственные действия сексуального характера могут быть совершены и в отношении лица мужского пола. Так, П. и Р. совместно распивали спиртные напитки. В процессе распития, между ними произошел конфликт и, впоследствии, обоюдная драка. В результате, П. нанес Р. несколько ударов по голове, от которых последний потерял сознание. У П. возник умысел совершить в отношении Р. насильственные действия сексуального характера, для чего он вставил в задний проход Р. черенок от швабры, расположенной в квартире Р. Действия Р. были квалифицированы, как насильственные действия сексуального характера [5].

Основные отличия насильственных действий сексуального характера — в объективной стороне преступления. Данный элемент состава преступления раскрыт в ч. 1 ст. 132 УК РФ. Законодатель обеспечил достаточно обширное описание признаков рассматриваемого преступления, предусмотрел раскрытие каждого способа, посредством которого может быть совершено данное общественно опасное деяние. Правоприменитель, при квалификации

преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, обязан обеспечивать полное соответствие своей позиции требованиям законодателя. В частности, возможно указать на следующие основные аспекты соответствия:

1. В основе общественно опасного деяния, квалифицируемого по ч. 1 ст. 132 УК РФ, лежат конкретные активные действия, состав которых определен в соответствующей диспозиции. При этом речь идет об альтернативно возможных действиях, поскольку для квалификации достаточно совершения хотя бы одного из таких действий;

2. Преступление совершается исключительно со способом «применение насилия», либо «угроза применения насилия». При отсутствии указанного способа, преступление может быть совершено только с использованием беспомощного состояния потерпевшего;

3. Сексуальный контакт при насильственных действиях сексуального характера происходит вопреки воле потерпевшего (потерпевшей).

Еще одно отличие — в субъекте совершения преступления. В частности, речь идет о поле преступника. Изнасилование в контексте полового сношения может быть совершено только лицом мужского пола — в отличие от преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ. При этом для случаев, когда и потерпевший, и преступник — лица одного пола, законодатель сформулировал соответствующие формы совершения преступного деяния. Речь идет о мужеложестве и лесбиянстве.

Законодательно закрепленные понятия мужеложества, лесбиянства, а также иных действий сексуального характера отсутствуют. Данный вопрос решается в поле правоприменительной (судебной) практики.

В частности, суды при рассмотрении уголовных дел по факту совершения мужеложества, указывают, что в его

основе лежит процесс ввода активным партнером своего полового члена в задний проход пассивного партнера. При этом таким образом происходит удовлетворение половой страсти [8]. Так, П. совершил в отношении К. насильственные действия сексуального характера, путем введения полового члена в задний проход, с применением насилия, с угрозой его применения к потерпевшему, соединенное с угрозой убийством, причинив К. разрыв (по типу трещины) в области слизистой заднего прохода, не повлекшего за собой кратковременного расстройства здоровья или значительной стойкой утраты общей трудоспособности, оценивается как повреждение, не причинившее вред здоровью [7].

Отметим, что в научной литературе высказывается мнение, что мужеложество следует определять и в других случаях, помимо введения полового органа в задний проход потерпевшего. Например, Я. М. Яковлев указывал, что мужеложством считается оральная половая связь между мужчинами [9, с. 201]. Тем не менее, на наш взгляд, мужеложество — это, в первую очередь, и одновременно исключительно половое сношение между двумя мужчинами. Рассматриваемый случай может быть разрешен посредством правоприменительной аналогии. В частности, речь идет о соотношении полового сношения с тем понятием, которое дано для регламентации уголовной ответственности за изнасилование. Соответственно, половым сношением в случае мужеложества будет считаться исключительно процесс ввода полового органа одним мужчиной в задний проход другого. Совершение же иных действий должно подпадать под квалификацию в качестве насильственных действий сексуального характера.

В отношении лесбиянства также следует констатировать двойственность применяемых подходов к определению и квалификации.

Ряд авторов считает, что лесбиянство не следует ограничивать конкретными действиями, а лишь характеризовать, исходя из двух критериев — сексуальной направленности и женского пола партнеров [1, с. 201].

Другие авторы, напротив, считают, что лесбиянство следует ограничить по примеру мужеложества, одним или максимум несколькими действиями. Например, С. Д. Цэнгел считает, что в составе ст. 132 УК РФ лесбиянство может быть квалифицировано только в тех случаях, когда участвует половой орган женщины. Некоторые авторы указывают на орально-генитальный характер совершения рассматриваемого преступления [3, с. 8].

Мы склонны согласиться с авторами первого из представленных мнений. На наш взгляд, целесообразно солидаризироваться с позицией М. А. Горбатовой, которая пишет следующее: «И все же, учитывая многообразие способов удовлетворения половой потребности между женщинами, часть из которых может совершаться вопреки воле и согласию партнерши, следует согласиться с мнением тех авторов, которые не ограничивая спектр совершаемых женщинами действий, уточняют, что в любом случае они должны иметь сексуальную направленность» [4, с. 144].

Изнасилование необходимо ограничивать от понуждения к действиям сексуального характера. Ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 133 УК РФ. Помимо объекта преступления, два общественно опасных деяния объединяет форма их совершения (половой акт), а также цель, которую преследует преступник — удовлетворение своего сексуального желания. Так, основным отличием в данном случае выступает способ воздействия на потерпевшую. Если при изнасиловании речь идет исключительно о насилии, угрозе его применения, а равно использованию беспомощного состояния потерпевшей, то деяние, предусмотренное ст. 133 УК РФ, может быть совершено посредством таких действий, как шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица.

Отметим, что в научной литературе долгое время идет дискуссия относительно правильности определения рассматриваемого преступления в системе уголовного законодательства. Основным «камнем преткновения» является вопрос о насильственной или ненасильственной сущности данного преступного деяния. На наш взгляд, более корректной является вторая из озвученных точек зрения. На ненасильственный характер понуждения к действиям сексуального характера указывает, в первую очередь, позиция законодателя. Анализ содержания ст. 133 УК РФ показывает, что насилие, как способ совершения данного преступления, его применение или угроза применения исключены из соответствующих диспозиций. Это означает, что в случае наличия указанного признака квалификация понуждения к действиям сексуального характера невозможна.

Таким образом, можем указать, что понуждение к действиям сексуального характера относится к разряду ненасильственных преступлений против половой свободы личности. Это главное отличие рассматриваемых преступных деяний. В частности, понуждение к половому сношению осуществляется исключительно ненасильственными способами. Это могут быть уговоры, обман, шантаж. Однако применение насилия в данном случае исключает возможность квалификации преступления по ст. 133 УК РФ. В этом видится главное и фундаментальное различие рассматриваемых преступных деяний.

Также, в отличие от изнасилования, потерпевшими от понуждения к действиям сексуального характера могут быть как женщины, так и мужчины. Во-первых, на это прямо указано в ч. 1 ст. 133 УК РФ. Во-вторых, это подтверждается анализом материалов судебной практики. Так, ФИО2 был осужден за понуждение потерпевшего к мужеложству и иным действиям сексуального характера путем шантажа. Преследуя цель мужеложства и иных действий сексуального характера путем шантажа в виде угроз распространения общественности порочащих и позорящих ФИО1 сведений о его сексуальной ориентации, понуждал последнего к мужеложству и совершению иных действий сексуального характера [6].

Наконец, изнасилование следует отличать от развратных действий, ответственность за которые предусмотрена ст. 135 УК РФ. Основопологающим отличием в данном случае является признак насилия. В случае, если деяние сопровождается применением насилия, тогда речи о квалификации развратных действий быть не может. Не может быть квалифицировано в качестве развратного деяние, по своей объективной стороне совпадающее с изнасилованием.

Отличие рассматриваемых преступлений также заключается в потерпевшем от указанных общественно опасных деяний. Жертвой развратных действий в соответствии с позицией законодателя может выступать только лицо, достигшее

возраста 12 лет и не достигшее возраста 16 лет. В свою очередь, при совершении развратных действий по отношению к лицу, не достигшему 12-летнего возраста, необходимо руководствоваться положениями Примечания к ст. 131 УК РФ.

Таким образом, в завершение исследования можем сделать вывод о значимости вопроса формулирования правильных и четких критериев отграничения изнасилования от смежных составов преступлений. В рамках проведенного исследования такие критерии были нами определены и сформулированы. Основываясь на них возможно решать вопрос отграничения с должной, необходимой степенью эффективности.

Литература:

1. Бимбинов, А. А. Некоторые проблемы квалификации насильственных преступлений против сексуальной свободы личности (статьи 131–132 УК РФ) / А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин // Вопросы безопасности. — 2018. — № 6. — С. 9–16.
2. Богунова, Г. В. Нормативное закрепление уточнения квалификации половых преступлений в отношении несовершеннолетних / Г. В. Богунова // Юридическая наука. — 2023. — № 6. — С. 133–136.
3. Квалификация изнасилований: учеб. пособие / Л. А. Андреева, С. Д. Цэнгэл; С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: РИО С.-Петерб. юрид. ин-та, 2004 (С.-Петербург. юрид. ин-т). 291 с.
4. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / Д. А. Гарбатович, И. М. Беляева, М. С. Кириенко [и др.]. — Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2016. 199 с.
5. Приговор Дзержинского районного суда г. Нижнего Тагила № 1–278/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1–278/2020 // СПС «Консультант Плюс».
6. Приговор Мирного судьи судебного участка № 105 города Кизляра Республики Дагестан // СПС «Консультант Плюс».
7. Приговор Новосибирского районного суда Новосибирской области по делу № 1–80–10 // СПС «Консультант Плюс».
8. Справка Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда «О результатах обобщения судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 134 УК РФ» // СПС «Консультант Плюс».
9. Яковлев Я. М. Половые преступления [Текст] / Я. М. Яковлев; Таджик. гос. ун-т им. В. И. Ленина. — Душанбе: Ирфон, 1969. — 452 с.

Правовая защита объектов культурного наследия: национальный опыт Туркменистана и международная практика

Гарлыев Айхан Гурбангельдыевич, соискатель

Туркменский государственный университет имени Махтумкули (г. Ашхабад, Туркменистан)

В статье анализируются международно-правовые основы и национальный опыт Туркменистана в сфере защиты объектов культурного наследия. Рассматривается развитие законодательства Туркменистана и его взаимодействие с международными конвенциями ЮНЕСКО, направленными на охрану материального и нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: Туркменистан, национальное законодательство, международное право, культурное наследие, правовая защита.

Защита культурного наследия является важным направлением в международном праве, которое координируется с различными международными договорами

и институтами. Культурные ценности или культурное наследие, воплощают материальную и духовную жизнь прошлых поколений и многовековую историю человечества.

Во многих международных правовых документах также используется понятие «культурные ценности» и подчёркивается, что эти два понятия имеют одинаковое значение. Некоторые международно-правовые инструменты ссылаются на всемирное культурное наследие, другие — на культурные ценности народов [1, с.27].

В Туркменистане законодательство об охране объектов культурного наследия, в частности историко-культурных памятников, начало формироваться в 1920-х годах. В 1925 году было создано краеведческое общество, в 1926 году — археологическая группа при краеведческом музее, в 1928 году — краеведческий семинар, а в 1929 году — Туркменский институт культуры [2, с. 1]. В 1920-х и 1930-х годах общественные организации и государственные органы проводили работы по охране и реставрации памятников. В 1948 году было принято постановление о мерах по улучшению охраны культурных памятников Туркменистана. Согласно этому постановлению, на Комитет по деятельности исполнительных органов городских, районных и сельских советов и образовательных учреждений при правительстве была возложена ответственность по сохранению, защите и надзору за памятниками, а также за инициирование работ, контроль за реставрацией и учет их использования. Указанным постановлением также были утверждены «Положения об охране памятников культуры». Также подчеркивалось, что все памятники научного, исторического или культурного значения на территории Туркменистана являются неприкосновенной национальной собственностью и находятся под государственной охраной, а также определялись правовые нормы охраны историко-культурных памятников. В 50-е годы прошлого века работа по охране объектов культуры продолжалась. 27 мая 1952 года было принято постановление «О состоянии, регистрации и охране памятников культуры», а 18 июня 1957 года — постановление «О состоянии памятников и мерах по улучшению их охраны» [2, с. 2]. Для всестороннего регулирования охраны объектов культуры и памятников на правовой основе 8 июня 1966 года в Туркменистане (в то время в Туркменской ССР — А.Г.) было принято постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию регистрации, охраны и популяризации памятников материальной культуры». В этом документе отмечалось создание общества по охране историко-культурных памятников Туркменистана, реставрация многих памятников государственными органами охраны. Одновременно с этим в постановлении отмечалось усиление соблюдения законодательства об охране памятников.

Обмен опытом в области охраны объектов национального культурного наследия продолжался на международных научных конференциях. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры ЮНЕСКО провела в Ашхабаде международную конференцию с 26 сентября по 5 октября 1972 года, посвященную социально-культурному развитию стран Центральной Азии в XIX-XX веках [3, с. 72]. В кон-

ференции приняли участие около 300 представителей из 23 стран мира. В выступлениях участников конференции были затронуты вопросы истории социально-культурного развития стран Центральной Азии, а также различные аспекты охраны объектов культурного наследия. На этом международном форуме, получившем название Ашхабадская конференция ЮНЕСКО, была принята рекомендация о дальнейшем сотрудничестве в рамках проектов ЮНЕСКО в Центральной Азии. Эта международная конференция сыграла значительную роль в изучении культурного наследия Центральной Азии, а также Туркменистана, и в популяризации культурного наследия. Это вновь открыло миру культурное наследие, созданное туркменским народом [4, с. 24].

С первых лет независимости Туркменистан ведет всестороннюю, комплексную и систематическую работу по сохранению, реставрации и популяризации объектов культурного наследия [5, с. 73]. В этой связи был принят ряд важных законов. В качестве примера можно привести Законы «Об охране памятников истории и культуры Туркменистана» от 19 февраля 1992 года, «О музеях и музейной деятельности» от 18 января 1997 года и «Об охране и вывозе культурных ценностей» от 13 октября 1998 года. Достигнут большой прогресс в сохранении и реставрации уникального культурного богатства страны, открытии новых пластов духовного наследия, укреплении правовых основ, передачи культуры из поколения в поколение и дальнейшем развитии системы законодательных актов по охране культурных ценностей в виде особо ценных объектов исторического, культурного и природного наследия [5, с. 12].

В 2010 году был принят Закон Туркменистана о культуре. Закон Туркменистана о культуре дает следующее определение культурных ценностей: «Нравственные и эстетические идеалы, нормы и модели поведения, языки, диалекты и речь, национальные и этнические традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, прикладные и декоративные народные ремесла, литературные и художественные произведения, результаты и методы научных исследований в области культуры (нематериальные ценности), а также здания, сооружения, предметы и технологии историко-культурного значения, места и объекты историко-культурной редкости (материальные ценности)».

В 2012 году был принят Закон об охране объектов историко-культурного наследия Туркменистана. Этот закон регулирует отношения в области идентификации, сохранения, использования, распространения и государственной охраны объектов национального историко-культурного наследия; право туркменского народа на сохранение и развитие своей культурной и национальной идентичности, на защиту, реставрацию и сохранение историко-культурной среды своей жизни; обеспечивает сохранение и защиту источников информации о формировании и развитии культуры на территории Туркменистана.

В 2015 году был принят Закон об охране национального нематериального культурного наследия Туркмени-

стана, регулирующий отношения в сфере сохранения нематериального культурного наследия туркменского народа и устанавливающий: «Национальное нематериальное культурное наследие — это совокупность духовных ценностей, присущих этническому, социальным или конфессиональным группам туркменского общества. Это эстетическая, социально-культурная, историческая и иная ценность, имеющая важное значение для сохранения и развития национальной и культурной идентичности туркменского народа».

Закон Туркменистана об охране, вывозе и ввозе движимых ценностей национального историко-культурного наследия, принятый в 2016 году, гарантирует право туркменского народа на сохранение и развитие своей национальной культурной самобытности и призван содействовать развитию международного культурного сотрудничества, определяя отношения в области охраны движимых ценностей национального историко-культурного наследия. Согласно Закону, к движимым ценностям национального историко-культурного наследия относятся движимые материальные произведения общественной и человеческой деятельности, созданные пятьдесят и более лет назад, и другие ресурсы, представляющие большую культурную ценность, в частности, этнографические, археологические, исторические, художественные, научные, технические, религиозные и другие ресурсы, а также формы, характеризующие общие и уникальные события жизни туркменского народа. Эти законы Туркменистана играют важную роль в охране объектов культурного наследия.

Туркменистан активно сотрудничает с мировым сообществом в вопросах бережного сохранения культурного наследия. 17 августа 1993 года Туркменистан стал полноправным членом ЮНЕСКО. Эта организация играет значительную роль в защите культурного и природного наследия на международном уровне. В 1994 году Туркменистан подписал Конвенцию ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия. В рамках этой Конвенции ряд историко-культурных памятников Туркменистана был включен в Список всемирного наследия человечества. Многие культурные ценности, созданные народами мира, представляют большой интерес и в этом отношении должны быть защищены как объекты всемирного наследия человечества. В 2005 году ЮНЕСКО разработала десять характеристик объектов культурного наследия (шесть культурных и четыре природных): объект является примером творческого гения человека; свидетельством взаимосвязи и взаимного обмена универсальными человеческими ценностями; редким представителем существовавшей или исчезнувшей культурной традиции и цивилизации; выдающимся сооружением важного этапа развития человеческой истории; выдающимся примером использования традиционных человеческих поселений, земли или моря как формы культуры; выдающимся объектом всемирного наследия, прямо или косвенно связанным с событиями и традициями жизни,

искусства, литературы; природными объектами исключительной красоты и эстетической ценности; конкретный пример основных этапов истории Земли, включая следы древней жизни, геологические, геоморфологические, физиографические события; важные и значимые экологические и биологические события; природные территории, имеющие большое значение [6, с. 4].

Требования к охране культурного наследия впервые были закреплены в Парижской конвенции 1815 года. Этот документ говорит о важности обеспечения целостности музеев и библиотек. Договор об охране учреждений, служащих целям науки и искусства (более известный как Пакт Рериха от 05.04.1935) определяет «исторические памятники, музеи, учреждения, служащие целям науки, искусства, образования и культуры» как объекты охраны. Однако в этом документе не используется понятие «культурное наследие». Это понятие впервые было использовано в Конвенции об охране культурного наследия в случае вооруженного конфликта, подписанной в Гааге 14 мая 1954 года. В этой Конвенции культурное наследие определяется как движимое и недвижимое имущество, имеющее большое значение в культурном наследии каждого народа, независимо от его происхождения и права собственности.

Гаагская конвенция была принята на дипломатической конференции под эгидой ЮНЕСКО. Принятие Гаагской конвенции совпало с периодом восстановления после самой разрушительной войны в истории человечества — Второй мировой войны. В этой войне многие культурные ценности, созданные человечеством, были уничтожены, утрачены и разрушены. Конвенция предписывает охрану и уважение культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, включая обязанность государств предотвращать их разрушение, повреждение, разграбление и незаконный вывоз. Туркменистан присоединился к этой Конвенции в 2017 году. Таким образом, возникла острая необходимость в принятии международных правовых инструментов для защиты культурного наследия.

Согласно Гаагской конвенции, культурным наследием, независимо от происхождения и права собственности, считаются следующие объекты: а) движимое или недвижимое имущество, такое как архитектурные, художественные или исторические памятники, религиозные или светские, археологические объекты, представляющие исторический или художественный интерес, архитектурные комплексы, произведения искусства, имеющие художественную, историческую или археологическую ценность, рукописи, книги, другие предметы, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивные материалы или репродукции вышеупомянутых объектов, имеющие большое значение для культурного наследия каждого народа; б) здания, такие как музеи, крупные библиотеки, архивы, как указано в подпункте «а», основное и реальное назначение которых — хранение или демонстрация движимого культурного наследия, а также убежища, предназначенные для сохранения движимого культурного наследия в случае вооруженного

конфликта, как указано в подпункте «а»; в) так называемые «центры концентрации культурного наследия», где хранится большое количество культурного наследия, перечисленного в пунктах «а» и «б» [7, с. 5].

В 1970 году ЮНЕСКО приняла Конвенцию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Туркменистан присоединился к этой Конвенции в 2022 году. Конвенция является договором, направленным на защиту культурного наследия от незаконного оборота. Конвенция устанавливает руководящие принципы и правила для предотвращения утраты и уничтожения культурного наследия [8].

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия является наиболее представительной из всех конвенций и программ в области охраны окружающей среды. Эта Конвенция была принята 16 ноября 1972 года. Понятие «культурное наследие» в этой Конвенции означает как памятники: архитектурные произведения, монументальная скульптура и живопись, элементы или сооружения археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, представляющие выдающуюся общую ценность с исторической, художественной или научной точки зрения; группы: группы зданий, как отдельные, так и соединенные между собой, архитектура, единство или связь с ландшафтом которых представляют выдающуюся общую ценность с исторической, художественной или научной точки зрения; места: территории, содержащие творения человека или сочетание творений человека и природы, а также археологические памятники, представляющие выдающуюся общую ценность с исторической, эстетической, этнологической или антропологической точки зрения [9].

Термин «природное наследие» в настоящей Конвенции означает: природные памятники, состоящие из физических и биологических структур или групп таких структур, имеющих выдающуюся универсальную ценность с эстетической или научной точки зрения; геологические и физиографические структуры и строго определенные территории, представляющие собой среду обитания исчезающих видов фауны и флоры, имеющие выдающуюся универсальную ценность с научной или природоохранной точки зрения; природные памятники или строго определенные природные территории, имеющие

выдающуюся универсальную ценность с научной, природоохранной или живописной точки зрения. Главная цель Конвенции — объединить усилия международного сообщества по выявлению, защите и популяризации выдающихся культурных памятников и природных объектов, а также повысить их эффективность. Комитет и Фонд всемирного наследия были созданы в 1976 году, а два года спустя началось включение первых культурных и природных объектов в Список всемирного наследия.

17 октября 2003 года Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры приняла Конвенцию об охране нематериального культурного наследия. Туркменистан присоединился к этой Конвенции в 2011 году. Цели настоящей Конвенции: а) защита нематериального культурного наследия; б) содействие уважению нематериального культурного наследия заинтересованных общин, групп и отдельных лиц; в) повышение осведомленности о важности нематериального культурного наследия и его взаимном признании на местном, национальном и международном уровнях; г) содействие международному сотрудничеству и помощи [10].

Таким образом, международно-правовые акты, направленные на защиту объектов культурного наследия, совершенствуются благодаря непрерывному развитию международного права в этой области. Правовые акты Туркменистана в этой сфере создают благоприятные условия для разработки конкретных мер по защите культурного наследия, оценки их значимости, включения в списки международных организаций посредством национального законодательства и предоставления им соответствующего правового статуса. Инструменты, включенные в международно-правовую основу защиты объектов культурного наследия, демонстрируют активный поиск наиболее эффективных подходов к обеспечению выполнения международных обязательств по сохранению культурного и исторического наследия человечества. Развитие международного права важно для дальнейшего расширения международной системы защиты и использования культурного наследия. Анализ международно-правовой системы защиты культурного наследия и мирового культурного наследия позволяет сделать вывод о ее обширности. Анализ международно-правовых инструментов позволяет проследить их значение в практике сохранения культурного наследия.

Литература:

1. Молчанов, С. Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие (достояние)» в международном праве (информационно-аналитический обзор) // Московский журнал международного права. — 2000. — № 2.
2. Байрыев, К. Советское законодательство об охране памятников // Памятники Туркменистана. — 1968. — № 2 (6).
3. Уранов, Г. В. ЮНЕСКО: 40-летие ее деятельности. М.: Международные отношения, 1986.
4. Меликов, Г. Событие большого научно-культурного значения // Памятники Туркменистана. — 1982. — № 2 (34).
5. Атаджанова, Ш. Историческое и культурное наследие нашего народа — основа демократизации туркменского общества // Постоянный нейтральный Туркменистан — ЮНЕСКО: оценка историко-культурных ценностей и определение путей сохранения памятников всемирного наследия. — Ашхабад: Ылым, 2006.

6. Содружество Независимых Государств: объекты всемирного наследия. — М.: Новая элита, 2011.
7. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага 1954 год). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf (Дата обращения: 05.02.2026)
8. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж 1970 год). https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000152755_rus (Дата обращения: 05.02.2026)
9. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 1972 год). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (Дата обращения: 05.02.2026)
10. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (Париж, 2003 год). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 05.02.2026)

Институт исковой давности в гражданском праве

Глаголева Дарья Валерьевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Данная статья посвящена исследованию функциональной сущности института исковой давности в гражданском праве, а также выявлению актуальных проблем правоприменения в части применения норм данного гражданско-правового института.

В процессе исследования формируется вывод о том, что с одной стороны, институт исковой давности в гражданском праве на сегодняшний день обеспечивает дисциплинирующую и стимулирующую функцию в рамках соблюдения положений гражданского законодательства. В то же время осуществлённый комплексный обзор литературы и практики правоприменения позволяет сделать вывод о значительной регулятивной неопределённости, которая существует в рамках данного правового института. В результате исследования формируется вывод о том, что неоднозначность, выявляемая в современной практике правоприменения по отношению к применению нормы института исковой давности, отражает также неоднородность, многообразие и содержательную сложность развивающихся гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: *исковая давность, субъективное право, защита интересов, правовая определённость, срок, общий срок давности, специальный срок давности.*

В настоящее время принята и действует часть первая Гражданского Кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ, в которой раскрываются современные особенности института исковой давности. Глава 12 «Исковая давность» содержит 14 статей (ст.ст. 195–208).

Несмотря на то, что институт исковой давности в системе гражданского законодательства Российской Федерации (далее по тексту — РФ) интегрирован с момента изначального принятия ГК РФ, даже на сегодняшний день в практике правоприменения и доктрине гражданского права не утихают споры относительно однозначности правового регулирования гражданских правоотношений, возникающих в связи с применением норм данного гражданско-правового института.

Прежде чем раскрыть проблемные аспекты относительно института исковой давности в гражданском праве, следует первоначально раскрыть общую правовую сущность и характеристику данного правового института. Так, профессор В. Г. Голубцов и учёные А. К. Шульга, А. М. Соловьев и Л. В. Щенникова, рассматривают исковую давность применительно к гражданско-правовому полю в двух смыслах: объективном и субъективном.

В объективном смысле исковая давность — это система однородных норм гражданского законодательства, регулирующих правоотношения, вытекающие из установления сроков, возникновения момента течения и прекращения сроков, а также возникновения самого субъективного права по защите гражданских прав в установленные законодательством РФ сроки.

В субъективном смысле под исковой давностью упомянутые учёные понимают субъективное, гражданское право лица, чьи законные права, свободы и интересы были нарушены в системе гражданских правоотношений, обеспечить их защиту посредством использования действующего срока исковой давности, предоставленного для этой защиты [8].

Как утверждает Д. Н. Кархалев, исковая давность — это срок, в течение которого право на иск может быть осуществлено в принудительном порядке. В добровольном порядке защита нарушенного права не ограничивается какими-либо сроками. Право на защиту — более широкое понятие. Оно существует и за пределами срока исковой давности, пока нарушенное право фактически будет восстановлено (исполнение решения суда). То есть право на иск прекращается после вступления решения суда в за-

конную силу, а право на защиту — с момента восстановления права [12].

Исследователь О. С. Полевая рассматривает исковую давность через призму законодательно предусмотренного, императивно закреплённого нормами соответствующего гражданско-правового института срока, которым предусмотрены для защиты нарушенного или нарушаемого в данный момент права и (или) охраняемого законом интереса [9].

Интересный подход отражен и в работе К. Г. Савина, отмечающего, что по своей сущностной природе гражданско-правовой институт исковой давности относится к гибриднему, то есть смешанному, правовому институту, в связи с чем отношения, регулируемые по поводу защиты прав и свобод заинтересованного лица в установленные законом сроки, регулятивно предопределены действием не только норм материального права, но и также действием таких гражданско-процессуальных норм [10].

Однако, с нормативной точки зрения, согласно ст. 195 ГК РФ исковая давность — это срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено [1].

Институтом исковой давности, а именно ст. 196–197 ГК РФ, устанавливаются общие и специальные сроки исковой давности.

По общим правилам — общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 ГК РФ, то есть, со дня, когда лицо, чьё право нарушено, узнало или должно было узнать о соответствующем нарушении (в частности о том, кто является надлежащим ответчиком), либо по гражданским обязательствам с определённым сроком действия — с момента окончания срока исполнения этих обязательств. При этом, по тем гражданским обязательствам, по которым срок исполнения обязательства не определён, течение общего срока исковой давности начинается с дня предъявления кредитором требования о необходимости исполнения обязательства должником [7]. Соответственно по регрессным обязательствам, как это следует из нормы ч. 3 ст. 200 ГК РФ, начало действия срока исковой давности начинается с дня, когда должником было исполнено основное обязательство.

Нормой ч. 2 ст. 196 ГК РФ также предусмотрено, что в исключительных случаях срок исковой давности может быть больше 3 лет, но во всяком случае не превышать 10 лет со дня фактического нарушения. Данное исключение применимо по требованиям, связанным с ничтожными сделками, по искам о самовольных постройках, а также по иным делам, когда законодательством не установлено специальное ограничение срока [4].

В остальных случаях, согласно ст. 197 ГК РФ для отдельных видов требований гражданским законодательством РФ допустимо установление сокращённых или наоборот длительных сроков, нежели это предусмотрено нормой ст. 196 ГК РФ. Так, согласно ч. 3 ст. 250 ГК РФ иск о переводе прав и обязанностей покупателя на участника долевой собственности при нарушении преимуществен-

ного права покупки может быть подан в течение 3 месяцев. Ещё один пример — сокращённый срок для оспаривания решения собрания общества, который согласно ч. 5 ст. 181.4 ГК РФ составляет 6 месяцев. Другой пример в части увеличения сроков — для исков о возмещении вреда, причинённого окружающей среде вследствие нарушений обязательных требований, который составляет 20 лет согласно специальной норме ч. 3 ст. 78 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [2].

В целом же, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, можно отметить, что институт исковой давности в системе гражданских правоотношения позволяет обеспечить упорядочивание гражданского оборота, в частности, дисциплинирует участников соответствующих правоотношений, тем самым внося некоторую долю определённости и устойчивости оборота [3]. Также, следует отметить, что в ином случае при отсутствии нормативных рамок временного ограничения защиты нарушенных прав и интересов заинтересованных субъектов повлекло бы за собой дестабилизацию гражданских правоотношений, что выражалось бы, в частности, в необоснованном затягивании сроков защиты, ущемлении интересов ответчиков, которые спустя длительное время не смогли бы собрать надлежащий объём доказательств для своей защиты в рамках рассматриваемого дела.

Следует отметить, что за закреплением в гражданском законодательстве конкретных сроков для защиты прав и интересов заявителя, стоит также идея охраны публично-правовых интересов. Речь идёт о том, что через институт исковой давности обеспечивается недопущение к рассмотрению в судах гражданских споров, доказательства и факты по которым либо были полностью, либо частично утрачены, а равно по которым доказательственная база объективно устарела, и которая не может быть использована для вынесения правильного, объективного и всестороннего решения суда.

Несмотря на то, что данный гражданско-правовой институт нацелен на гармонизацию гражданско-правовых отношений, в частности на создание стабилизационных основ, как показывают многочисленные научно-практические исследования, данная сфера правового регулирования и правоприменения не лишена недостатков. К примеру, наиболее проблемным аспектом в стезе действия института исковой давности остаётся однозначное регулирование момента возникновения права на иск, а значит и такого момента течения срока исковой давности для защиты.

В течение длительного времени российские суды по делам о неосновательном обогащении, вызванном умышленным или случайным перечислением денежных средств на банковский счёт другого лица, применяли подход, связанный с началом течения срока с момента формирования кредитором требования к должнику о возврате средств. Однако в 2022 году Верховный Суд РФ сформировал диаметрально противоположную позицию, отметив, что

в рамках таких споров течение срока исковой давности начинается с момента перечисления этих средств, ведь в своей сущности субъективное обязательство должника возникает сразу [6].

Как справедливо отмечает С. М. Савина, соответствующая проблема определения момента начала течения сроков исковой давности в частности может быть обусловлена сложной структурой «момента начала течения сроков», которая определяется как субъективным (знание о нарушении), так и объективным критерием (наступление юридически значимого юридического факта, с которым связывается начала срока исковой давности). Как следствие, в одни и тех же спорах, которые, к примеру, касаются нарушения интересов потребителя при приобретении некачественного товара, работ или услуг, в одном случае суд может признать правомерным исчисление сроков с момента обнаружения недостатков, а в другом случае — с момента получения результатов экспертизы о качестве товара, работы или услуги [11].

Из споров, вытекающих из приобретения некачественного товара, работ или услуг, возникает и другая проблема, связанная с тем, что общего срока в три года может быть недостаточно для обнаружения скрытых дефектов и иных недостатков, которые были выявлены потребителем спустя продолжительное время, выходящее за пределы общих сроков исковой давности. Даже при наличии бесспорных доказательств ненадлежащего качества работы, услуги или товара, суды придерживаются формального подхода, отказывая в рассмотрении дела вследствие истечения сроков исковой давности.

В действующей практике правоприменения, несмотря на законодательный запрет, также существует и практика изменения сроков исковой давности. Как правило, речь идёт об умышленном изменении таких сроков посредством их уменьшения более сильной стороной по

договору, которая навязывает условия гражданско-правового соглашения слабой стороне. В одном из дел, Верховный Суд РФ, отменяя решения нижестоящих судов, которые признали правомерным договорное регулирование сроков исковой давности защиты прав и интересов в рамках сложившихся договорных отношений, отметил, что условие договора о сохранении его действия до полного исполнения обязательств не влияет на исчисление срока исковой давности и не продлевает его течение, поскольку в своей сущности лишь определяет период, в течение которого к отношениям сторон применяются условия договора. При этом также дополнил, что изменение сроков исковой давности соглашением сторон недопустимо, а попытки включить такие условия в договор не имеют юридической силы, поскольку нарушают права и интересы слабой стороны по договору, ставя её в ещё большую зависимость [5].

Таким образом, подводя итоги исследованию, можно резюмировать, что с одной стороны, институт исковой давности в гражданском праве на сегодняшний день обеспечивает дисциплинирующую и стимулирующую функцию в рамках соблюдения положений гражданского законодательства. В то же время обзор литературы и практики правоприменения позволяет прийти к выводу о значительной регулятивной неопределённости, которая существует в рамках данного правового института. Очевидно, что неоднозначность, выявляемая в современной практике правоприменения по отношению к применению нормы института исковой давности, отражает также неоднородность, многообразие и содержательную сложность развивающихся гражданско-правовых отношений. В связи с этим необходимо осуществление дальнейших научных изысканий в направлении нормативного совершенствования основ исследуемого гражданско-правового института.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 05.12.1994. — № 32. — ст.3301.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 14.01.2002. — № 2. — ст.133.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 03.11.2006 № 445-О «По жалобам граждан Бронникова Валерия Акимовича и Володина Николая Алексеевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65328/
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186662/e56d839a0ad0e654a2e5e6f707ad68873afe9bb1/
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2022 по делу 305-ЭС21-22289 // КАД Арбитр. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/af28ff6e-3fb0-42fd-8003-8f9fbc2fa4c1/54ef00e9-d8fc-4e8d-b6df-12e6b288ae42/A40-199994-2020_20220526_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.02.2022 № 305-ЭС21-20994 по делу № А40-155242/2020 // Время бухгалтера. — Режим доступа: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-sudebnoy-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verhovnogo-93/>

7. Волобуев А. А. Исковая давность по гражданскому законодательству Российской Федерации / А. А. Волобуев // Синергия Наук. — 2022. — № 68. — С. 50–56.
8. Гражданское право. Общие положения: учебник / В. Г. Голубцов [и др.]; под общ. ред. В. П. Камышанского. — Краснодар: КубГАУ, 2022. — 263 с.
9. Полевая О. С. Исковая давность в российском гражданском праве: дисс. канд. юр. наук: 12.00.03 / О. С. Полева. — Москва, 2004. — 195 с.
10. Савин К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве: дисс. канд. юр. наук: 12.00.03 / К. Г. Савин. — Москва, 2019. — 204 с.
11. Савина С. М. Актуальные проблемы исковой давности в гражданском праве и пути их решения / С. М. Савина // Молодой ученый. — 2025. — № 39 (590). — С. 221–224.
12. Кархалев Д. Н. Срок исковой давности в гражданском праве / Д. Н. Кархалев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 2. — С. 79–83

Эволюция и современные подходы к пониманию предмета гражданского права: теоретико-методологический обзор

Гудова Екатерина Денисовна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена комплексному анализу научных основ понимания предмета гражданского права в их историческом развитии и современном состоянии. Рассмотрены ключевые этапы эволюции научных представлений — от до-революционной цивилистики до современного «постнеклассического» этапа, характеризуемого интеграцией цифровых и корпоративных элементов в предмет гражданского права. Особое внимание уделено методологическим подходам и категориальному аппарату, используемым для исследования предмета гражданского права в период 2024–2026 гг. В работе выявлены основные доктринальные противоречия, связанные с определением границ предмета гражданского права, и предложены направления дальнейших исследований. Используются методы историко-правового, системного, сравнительно-правового и междисциплинарного анализа. Результаты исследования могут быть использованы в научной и педагогической деятельности, а также при совершенствовании гражданского законодательства.

Ключевые слова: гражданское право, предмет гражданского права, цивилистика, имущественные отношения, корпоративные отношения, цифровое право, методология, научный обзор.

Определение предмета гражданского права традиционно является одной из центральных проблем отечественной цивилистики, выполняющей роль «краеугольного камня» всей системы частного права. Дискуссии о его содержании ведутся более полутора веков, что обусловлено динамизмом общественных отношений, их постоянной трансформацией под влиянием экономических, социальных и технологических факторов. Актуальность данной темы в современных условиях многократно возрастает в связи с процессами цифровизации, глобализации экономики и усложнения структуры гражданского оборота, что требует переосмысления классических подходов и выработки новых теоретико-методологических оснований. Целью настоящего обзора является систематизация и анализ эволюции научных представлений о предмете гражданского права, выявление ключевых тенденций его современного понимания и обозначение перспективных направлений дальнейших исследований.

Начало формирования научных представлений о предмете гражданского права в России связано с дореволюционным периодом (вторая половина XIX — начало XX вв.),

когда была заложена основа частноправовой доктрины. Классическое деление права на публичное и частное стало методологической базой. Д. И. Мейер, которого справедливо называют «отцом» российской гражданской науки, определял предмет через категорию «имущественного интереса», подчеркивая, что гражданское право регулирует сферу частной свободы индивида [1]. Более системный подход предложил Г. Ф. Шершеневич, выделивший четыре группы отношений: вещные, обязательственные, семейные и наследственные [2]. В этот период ядром предмета признавался товарный оборот, а личные права рассматривались как производные от имущественных.

Радикальный перелом произошел после 1917 года, когда отмена частной собственности сместила акцент с индивидуальных на коллективные интересы. Официальное признание «предмета» в качестве главного критерия выделения отрасли права на Первой научной сессии 1938 года закрепило новый вектор развития. Однако подлинная теоретическая революция связана с дискуссией 1954–1955 годов, инициированной С. Н. Братусем, ко-

торый обосновал необходимость включения в предмет гражданского права личных неимущественных отношений, не связанных с имущественным интересом [3]. Это превратило гражданское право из «права о вещах» в «право о личности».

Возвращение к частноправовым идеалам в 1990-е годы и принятие Гражданского кодекса РФ (1994 г.) закрепило в ст. 2 ГК РФ структуру предмета, а последующая реформа (2012 г.) официально включила в него корпоративные отношения. Современный этап, охватывающий период 2024–2026 гг., характеризуется как «постнеклассический», где традиционные границы предмета подвергаются глубокому переосмыслению под влиянием цифровизации.

В современной цивилистической науке сформировались два основных концептуальных лагеря. Сторонники «ядерной» модели (Е. А. Суханов, В. В. Витрянский) настаивают на сохранении жесткой связи предмета с товарно-денежной формой, допуская включение неимущественных элементов лишь постольку, поскольку они обслуживают имущественный оборот [4]. Такой подход обеспечивает четкость границ и правовую определенность.

Представители «широкого» подхода (Ю. К. Толстой, А. Я. Рыженков) утверждают, что к 2026 году предмет гражданского права окончательно утратил сугубо экономический характер и должен включать отношения по защите базовых социальных ценностей, не поддающихся рыночной оценке. Это превращает гражданское право в «право гражданского общества» [5].

Параллельно развиваются дискуссии о природе новых элементов предмета:

1. Корпоративные отношения, легализованные ст. 2 ГК РФ, характеризуются через категории «управленческой воли» и «членства» (И. С. Шиткина, Н. В. Козлова). Они вносят элемент коллективной воли, ставя под вопрос абсолютность принципа автономии воли [6].

2. Цифровые явления интегрируются в предмет через три ключевых подхода: теорию «цифровых объектов» (цифровые права как новый объект), концепцию «автоматизированных отношений» (смарт-контракты, ИИ) и сетевой подход (децентрализованные автономные организации — DAO) [7].

3. Организационные отношения (предварительные договоры, опционы) все чаще рассматриваются не как факультативные, а как самостоятельная категория, обеспечивающая гибкость и динамику оборота (С. Ю. Филиппова) [8].

4. Личные неимущественные отношения трансформируются под влиянием концепции «цифровой личности», а персональные данные приобретают черты «цифрового актива» с меновой стоимостью (М. Н. Малеина) [9].

Исследование предмета гражданского права в современных условиях требует обновленного методологического аппарата. Фундаментом остается диалектический метод, позволяющий рассматривать предмет в развитии и противоречии. Системный подход (О. А. Кузнецова) подчеркивает, что предмет — целостная система со свой-

ством эмерджентности, где элементы (имущественные, корпоративные, личные) взаимосвязаны [10].

В рамках исследования применяется комплекс специально-юридических методов. К ним относится формально-догматический метод, используемый для детального анализа текста правовых норм, в частности статей 2 и 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Важную роль играет сравнительно-правовой метод, направленный на сопоставление отечественных подходов к определению предмета гражданского права с моделями, существующими в государствах БРИКС и ЕАЭС, что, как отмечает Е. А. Белокрылова, является необходимым условием для гармонизации трансграничного частноправового оборота [11]. Параллельно с классическими подходами в современной методологии активно используются инновационные методы. Функциональный подход, разработанный С. Ю. Филипповой, акцентирует внимание не на статическом содержании норм, а на их практических функциях и роли в обеспечении динамики имущественного оборота. Цифровой (алгоритмический) метод, представленный в работах М. А. Рожковой, позволяет анализировать правовые отношения, формирующиеся в виртуальной среде, где наряду с юридическими нормами регулятором выступает программный код смарт-контрактов и цифровых платформ [12]. Герменевтический метод применяется для глубокого толкования оценочных категорий, таких как добросовестность и разумность, играющих ключевую роль в гибком правовом регулировании. Завершает методологический арсенал междисциплинарный анализ, интегрирующий данные экономики и социологии. Особое место в нём занимает экономический анализ права (Law and Economics), который даёт инструменты для оценки эффективности включения в предмет гражданского права новых видов отношений, например, связанных с обработкой больших данных (Big Data).

Современная понятийно-категориальная характеристика предмета гражданского права в период 2024–2026 годов выступает не просто как совокупность изолированных дефиниций, а как динамичная и взаимосвязанная система, ярко отражающая его интегративную природу. Каждая категория претерпевает существенную трансформацию, адаптируясь к вызовам цифровой экономики и усложнению социальных взаимодействий, что в совокупности формирует целостную картину частноправового регулирования.

Традиционно фундаментальной категорией остаются имущественные отношения, однако их сущностное наполнение радикально изменилось. Если классическая доктрина акцентировала исключительно «вещный» характер имущества, то современная цивилистика, в трудах таких авторов, как Е. А. Суханов, оперирует более сложной и гибкой категорией «имущественного комплекса». Данное понятие охватывает не только материальные объекты, но и совокупность имущественных прав и обязанностей, а также бездокументарные ценности. Ключевым

эволюционным признаком становится «стоимостная определенность» благ, что позволяет включать в орбиту имущественных отношений цифровые активы, криптовалюты и иные виртуальные объекты, лишенные физической формы, но обладающие реальной меновой стоимостью и способностью к гражданскому обороту [4]. Таким образом, категория имущественных отношений трансформируется в универсальный инструмент интеграции любых экономически значимых связей в гражданско-правовое поле.

Логическим продолжением и развитием системы выступают корпоративные отношения, официально включенные в предмет гражданского права. Их доктринальное осмысление, представленное в работах И. С. Шиткиной и Н. В. Козловой, строится вокруг категорий «управленческой воли» и «членства». В отличие от классических обязательственных связей, где стороны противостоят друг другу, корпоративная категория описывает внутренние связи единого субъекта — юридического лица. Это приводит к формированию синтетической категории «имущественно-организационных» отношений, где имущественные интересы участников тесно переплетены с процедурными аспектами управления и контроля, что характерно для современного предпринимательского оборота.

Особую сложность и актуальность в понятийном аппарате представляют личные неимущественные отношения. В условиях цифровизации их характеристика неразрывно связывается с концепцией «цифровой личности». Традиционные блага — честь, достоинство и репутация — дополняются новыми правовыми конструкциями, такими как «право на цифровое забвение» и «право на охрану цифрового образа». Как отмечает М. Н. Малейна, несмотря на сохраняющиеся свойства абсолютности и неотчуждаемости, эти отношения все чаще вступают в симбиоз с имущественными интересами, что особенно наглядно проявляется в процессе коммерциализации персональных данных, которые начинают восприниматься как «цифровые активы». Этот категориальный сдвиг свидетельствует о капитализации личных благ и рассмотрении личности не только как этической ценности, но и как социально-правового ресурса.

Важную связующую и обеспечительную функцию в системе выполняют организационные отношения. Долгое время считавшиеся факультативными, в доктрине 2024–2025 годов они возводятся в ранг самостоятельной научной категории (С. Ю. Филиппова). Эти отношения характеризуются как «процедурные» связи, направленные на упорядочивание будущего или существующего имуще-

ственного оборота. К их инструментарию относятся предварительный договор, опцион на заключение договора, корпоративный договор и иные конструкции, которые предоставляют субъектам гражданского права возможность самостоятельно и гибко моделировать свое взаимодействие, обеспечивая адаптивность оборота к быстро меняющимся рыночным условиям.

Таким образом, все рассмотренные категории — имущественные, корпоративные, личные неимущественные и организационные — не существуют изолированно. Они находятся в состоянии постоянной интерференции и взаимовлияния. Их динамичное взаимодействие и взаимопроникновение образуют единую, сложноорганизованную ткань современной частноправовой реальности, способную эволюционировать и интегрировать новые формы социальных связей, что в полной мере отражает интегративный и адаптивный характер предмета гражданского права в условиях технологического прогресса.

Проведенный обзор позволяет сделать следующие выводы.

1. Научные представления о предмете гражданского права претерпели значительную эволюцию: от узкого, имущественно-центрированного понимания до сложной, многоуровневой системы, включающей личные неимущественные, корпоративные и цифровые отношения.

2. Современная доктрина (2024–2026 гг.) характеризуется противостоянием «ядерной» и «широкой» моделей, а также активным осмыслением новых реалий (цифровые активы, DAO, коммерциализация данных), что свидетельствует о переходе цивилистики в «постнеклассическую» стадию.

3. Методологическая база исследования обогащается за счет междисциплинарного синтеза и новых подходов (цифровое моделирование, экономический анализ), позволяющих адекватно анализировать усложняющийся предмет регулирования.

4. Понятийно-категориальный аппарат приобретает интегративный характер, отражая динамику и взаимопроникновение различных групп отношений.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: углубленный анализ правового режима цифровых активов и искусственного интеллекта; разработка баланса между автономией воли и коллективными интересами в корпоративных отношениях; эмпирическая верификация теоретических выводов через изучение судебной практики; сравнительно-правовые исследования для гармонизации законодательства в условиях цифровой экономики.

Литература:

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003.
2. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2017.
3. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963.
4. Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть: учебник / под ред. Е. А. Суханова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2024. — 576 с.

5. Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 435 с.
6. Шиткина И. С. (отв. ред.) Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. 3-е изд. М.: Статут, 2025.
7. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. — Москва: ООО «4 Принт», 2020. — 304 с.
8. Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права: автореферат дис. ... доктора юридических наук. М., 2013. — 50 с.
9. Малеина М. Н. Личные неимущественные права и цифровые технологии: проблемы гармонизации // Вестник гражданского права. 2025. № 3. С. 112–125.
10. Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы. М.: Статут, 2024.
11. Белокрылова Е. А. О роли и значении методологии сравнительного правоведения при осуществлении современных эколого-правовых исследований // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 1. С. 83–88.
12. Право цифровой экономики — 2021 (17): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. — Москва: Статут, 2021. — 476 с.

Понятие, правовая природа и отличительные черты переговоров и преддоговорных правоотношений

Дмитриева Марина Гирихановна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В данной статье проводится комплексный анализ правовой природы переговоров как стадии заключения договора и преддоговорных правоотношений. Автор исследует теоретические позиции по вопросам определения содержания понятия «переговоры». Особое внимание уделяется правовой природе преддоговорной ответственности согласно ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающей обязанность сторон действовать добросовестно. В работе раскрываются основания возникновения, изменения и прекращения преддоговорных правоотношений, структура преддоговорного обязательства, а также границы ответственности за срыв переговоров.

Ключевые слова: договор, переговоры, преддоговорные правоотношения, правовая природа, добросовестность, гражданское право.

Процесс заключения любого договора характеризуется тем, что к моменту начала этого процесса содержание воли каждой из сторон договора уже сформировано и предельно конкретизировано — потенциальные контрагенты, исходя из своего интереса, имеют четкое представление о том, что они хотят получить от подлежащего заключению договора. Чтобы воля одного лица стала понятной и доступной для другого, достаточно, чтобы одно из них направило оферту, а в ответ получило безусловное согласие — уведомление об акцепте. Если в конечном итоге волеизъявления сторон совпадут (то есть предложение заключить договор на условиях, указанных в оферте, будет принято без изменений), то процесс заключения договора перейдет в финальную стадию — проявление согласованной воли обеих сторон (совершение договора; перфекция). Однако если обе стороны заинтересованы в установлении договорных отношений, но при этом не имеют четких представлений о том, что и на каких условиях готовы предложить друг другу, возникает необ-

ходимость в проведении переговоров. Важно отметить, что участие в переговорах не накладывает на ни одну из сторон обязательств по инициированию оферты.

Переговоры всегда рассматриваются вне процесса заключения договора. Более того, они юридически безразличны для цели установления будущей правовой связи (возникновения договорного правоотношения), поскольку в ходе проведения переговоров не возникает ни прав, ни обязанностей по поводу заключения договора [14, с. 63].

Так, Г. Ф. Шершеневич в свое время писал о юридическом безразличии переговоров, отмечая, что «переговоры не имеют юридического значения и не обязывают вступивших в них» [17, с. 449].

Из аналогичного восприятия переговоров исходил П. И. Стучка, говоря о том, что «переговоры сами по себе не представляют ничего обязательного...» [13, с. 222]

Несомненно, основатели современного гражданского права, создатели проекта Гражданского кодекса Россий-

ской Федерации (далее — ГК РФ), заняли аналогичную позицию. Именно поэтому переговорный процесс долгое время оставался за пределами норм позитивного права. Ситуация не изменилась даже с введением в 2013 г. нового принципа добросовестности в рамках основ гражданского законодательства (Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации»). Обозначенный принцип в конечном счете стал основой для разработки норм, которые устанавливают общие стандарты добросовестного поведения участников гражданского оборота, включая те, что регулируют процесс переговоров о заключении соглашений.

Необходимо отметить, что в 2015 г. законодатель, оформляя общую модель добросовестного поведения участников переговорного процесса, четко обозначил позицию о том, что такие участники «не отвечают за то, что соглашение не достигнуто» (п. 1 ст. 434.1 ГК РФ), тем самым подтвердив тезис о том, что проведение переговоров о заключении договора юридически безразлично относительно того, будет или нет в итоге заключен договор.

При введении поправок в ГК РФ законодатель не закрепил легальной дефиниции в ст. 434.1 ГК РФ для четкого определения существа переговорного процесса. Это породило довольно много вопросов среди отечественных правоведов, приводящих к сложности трактовки переговоров в российском гражданском праве. Заслуживает внимания мнение С. К. Соломина и Н. Г. Соломиной, которые определяют переговоры о заключении договора как «совокупность фактических действий участников переговорного процесса, направленных на уяснение возможных вариантов установления и развития будущей договорной связи между ними» [12, с. 42].

В свою очередь, В. В. Саркисян в своих исследованиях делает акцент на организационном характере переговорного процесса и относит его к конструкции организационных договоров вместе с предварительным и рамочным договорами. С этим мнением, несомненно, можно согласиться, так как переговоры представляют собой процесс, в котором систематизируется взаимодействие сторон, стремящихся к достижению соглашения с партнером или к установлению новых правовых отношений [11, с. 9].

Вопрос о характере организационных договоров вызывает значительный интерес и требует тщательного анализа. Эта проблема уже рассматривалась с различных точек зрения, однако чаще всего признаётся, что организационные правоотношения не могут быть однозначно отнесены к имущественным или личным неимущественным. Причина этого заключается в сложности дифференциации предмета таких отношений в рамках российского гражданского законодательства. Для решения этой проблемы исследователями предлагалось внести изменения в ст. 2 ГК РФ и отразить организационные правоотношения в качестве самостоятельного элемента, внеся тем самым их в предмет гражданско-правового регули-

рования. Это, безусловно, станет важным шагом, способствующим более четкому пониманию предмета гражданской правозащиты. Однако можно рассмотреть и иной подход: связать организационные правоотношения с основными, так как они по своей сути направлены на достижение определенной цели в рамках этих основных отношений.

Исследование природы гражданских отношений оправданно и может быть осуществлено через анализ взаимосвязи между организационными и основными правоотношениями. Это позволит глубже понять их суть и функциональную роль. Важно отметить, что процесс переговоров может иметь место даже при отсутствии окончательного соглашения. Стороны могут не прийти к консенсусу по ключевым условиям разрабатываемого договора, однако связь между намерением заключить соглашение и самим процессом переговоров остается нерушимой. Ведь добросовестные переговоры строятся на искреннем стремлении достичь результата в форме подписания контракта. В связи с вышеизложенным целесообразно исследовать характер переговорного процесса и различных видов организационных договоров (таких как предварительные, рамочные, опционные, контракты на проведение торгов, договоры на организацию грузоперевозок и др.) в контексте предшествующих им правоотношений. Переговорный процесс охватывает вопросы как владения и распоряжения имуществом, так и личных неимущественных отношений, которые тем не менее тесно связаны с имущественной сферой [16, с. 186].

Переговоры о заключении договора, в отличие, например, от предварительного договора, практически во всех случаях являются длящимися отношениями. Сложно представить, что переговорный процесс можно свести к одной быстрой встрече — на практике он может растянуться на месяцы или даже годы. Как было упомянуто ранее, важным аспектом переговоров является наличие ограниченного волевого характера. ГК РФ различает добросовестные и недобросовестные переговоры исходя из наличия или отсутствия намерения достичь соглашения. Это значит, что добросовестные переговоры должны быть основаны на искреннем желании сторон прийти к общему консенсусу. При этом обе стороны должны быть готовы к тому, что в конечном итоге их переговоры могут и не завершиться подписанием договора.

Часть 2 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает, что неожиданное и неоправданное прекращение переговорного процесса при заключении договора является недобросовестным действием, однако следует отметить, что не является недобросовестным внезапное прекращение переговоров, если контрагент мог разумно предполагать, что лицо может покинуть переговорный процесс по своим причинам [4]. Принцип добросовестности в переговорах также подразумевает обязательство предоставлять полную и достоверную информацию, а также сохранять конфиденциальность информации исключительно в рамках данного процесса. За нарушения, которые могут

привести к признанию переговоров недобросовестными, ГК РФ устанавливает ответственность, заключающуюся в возмещении расходов, понесенных стороной в ходе переговоров, а также убытков от утраты возможности заключения договора с третьими лицами [6, с. 32].

Следовательно, переговоры в гражданском праве Российской Федерации — это свободный процесс урегулирования споров или обсуждения условий будущих договоров, регламентируемый ст. 434.1 ГК РФ, который основан на добросовестности, свободе сторон и возмещении убытков за недобросовестное ведение переговоров, включая предотвращение недобросовестных действий и конфиденциальность информации. Они могут быть как обязательными, так и добровольными, а их результат не гарантирован, но при этом стороны несут ответственность за недобросовестное поведение.

Основные аспекты переговоров в гражданском праве таковы.

Во-первых, свобода и добросовестность. Стороны свободны в проведении переговоров, но обязаны действовать добросовестно, не вступая в них, не имея намерения достичь соглашения. За недобросовестное ведение или прерывание переговоров (например, когда одна сторона заведомо не собирается заключать договор) предусмотрена обязанность возместить убытки другой стороне.

Во-вторых, конфиденциальность. Информация, полученная в ходе переговоров как конфиденциальная, не подлежит раскрытию и ненадлежащему использованию, независимо от исхода переговоров.

В-третьих, обязательность и добровольность. Переговоры могут быть добровольными для примирения сторон (ст. 153.4 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Они становятся обязательными, если это прямо предусмотрено федеральным законом или условиями заключенного договора [5, с. 19].

Переговоры в гражданском праве Российской Федерации — это гибкий и юридически значимый инструмент, где важен не только результат, но и сам процесс, регламентируемый принципами добросовестности и прозрачности.

Законодательное закрепление понятия «переговоры о заключении договора» породило проблему определения существа переговорного процесса, поскольку действия по проведению переговоров всегда относились к разряду фактических, не порождающих каких-либо правовых последствий. Потребность в переговорах возникает тогда, когда ни одна из сторон, имеющих намерение заключить договор, не определилась с его содержанием. Все действия участников переговорного процесса совершаются в рамках единого организационного правоотношения, возникающего в силу закона, объектом которого выступают переговоры (правоотношения о переговорах) [12, с. 42].

Преддоговорным отношениям в российском гражданском праве уделяется значительно меньше внимания, чем договорным или деликтным, что подтверждается весьма небольшим количеством правовых норм, непосред-

ственно связанных с преддоговорными отношениями, а также отсутствием как такового нормативного определения данного термина [10, с. 85].

Так, А. В. Трояновский справедливо подчеркивает, что «уже многие десятилетия существует значительная неопределенность в отношении возможности привлечения к ответственности сторон, которые участвовали в переговорном процессе по поводу заключения договора, но так и не смогли достичь соглашения и заключить полный юридически обязательный контракт. Причем данный вопрос имеет не только сложный доктринальный, но также и существенный практический аспект, поскольку преддоговорные отношения могут быть сопряжены со значительными организационными расходами, составляющими так называемый негативный интерес, а также иметь и позитивный интерес, выражающийся в несении упущенной выгоды ввиду недействительности договора» [15, с. 20].

Как отмечает в своей работе О. С. Иоффе, «всякое правоотношение существует только как взаимное отношение людей и является общественным отношением, при этом не всякое взаимное отношение людей, не всякое общественное отношение есть в то же время отношение правовое» [7, с. 7].

Феномен преддоговорных отношений давно зарекомендовал себя как важный аспект коммерческой деятельности. Трудно представить ситуацию, в которой формирование договора обходится без предварительного обмена данными или других взаимодействий между сторонами. Эти коммуникации могут варьироваться от простых бесед до более комплексных процедур, охватывающих вопросы санкций, финансовых и налоговых проверок потенциальных партнеров [3, с. 16].

Каждое преддоговорное взаимодействие можно рассматривать как эволюционирующий процесс, который адаптируется и меняется в зависимости от факторов, избираемых сторонами в ходе общения. Именно в этот промежуток преддоговорной активности закладываются ключевые элементы, необходимые для составления основного договора, а также формируются последствия, возникающие после его подписания.

Возвращаясь к преддоговорным отношениям в российском гражданском праве, следует обратить внимание на понятие, которое предлагает О. В. Шполтаков в своей диссертации, в частности «преддоговорное правоотношение — это направленное на заключение договора двустороннее обязательственное организационное правоотношение, в рамках которого происходит процесс согласования договорных условий» [18, с. 15].

Такое понятие также согласуется и с мнением О. А. Кравчинова, который отмечал, что «организационно-правовые отношения как разновидность гражданско-правовых отношений характеризуются тем, что в результате их становления и реализации происходит завязка, а в определенных случаях и последующее развитие имущественно-правовых отношений» [9, с. 56].

Преддоговорные отношения в этом смысле могут рассматриваться как «особое обязательство, возникающее при осуществлении сторонами совместной деятельности, направленной на создание и заключение договора» [10, с. 86].

В свою очередь, К. В. Кольчикова дает им следующее определение: это «организационные правоотношения, содержащие в себе элементы обязательственного характера, направленные на упорядочение действий участников таких правоотношений, в рамках которых происходит согласование договорных условий» [8, с. 12].

Обсуждая концепцию преддоговорных отношений, невозможно не обратить внимание на вопрос их самостоятельности в правовом контексте. Некоторые ученые, например, высказывают мнение о том, что преддоговорные отношения не следует рассматривать как отдельный вид правоотношений. В частности, В. В. Богданов утверждает, что основная цель таких отношений заключается в формировании впоследствии самостоятельного правоотношения, в связи с чем он практически соглашается с мнением о том, что преддоговорные отношения представляют собой специфическую форму обязательств, но не обладают полной самостоятельностью как правовая категория [1, с. 127].

Вызывает поддержку точка зрения, согласно которой преддоговорное правоотношение фактически есть самостоятельный вид правоотношений, имеющий сложную структуру, сочетающую в себе элементы организационных, договорных и внедоговорных обязательств. Данная правовая точка зрения подтверждается отдельными нормами права, определяющими именно преддоговорные отношения; как пример можно рассмотреть ст. 434.1 ГК РФ. Вместе с тем в российском праве есть нормы, подлежащие применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договоров, о чем указано в ст. 1222.1 ГК РФ и что также коррелирует с указанной выше правовой точкой зрения [2, с. 421].

Таким образом, исходя из вышесказанного, целесообразно выдвинуть уникальное определение преддоговорного отношения. Преддоговорное отношение можно рассматривать как двустороннюю обязательственную организацию, в рамках которой стороны активно взаимодействуют с целью заключения договора. Этот процесс включает в себя взаимные действия, направленные на формирование окончательного выбора партнера и согласование существенных условий предстоящего соглашения.

Литература:

1. Богданов, В. В. Гражданско-правовая ответственность в преддоговорных отношениях / В. В. Богданов // Журнал российского права. — 2010. — № 2. — С. 124–135.
2. Галота, Е. Н. Гражданско-правовое содержание преддоговорных правоотношений / Е. Н. Галота // Аллея науки. — 2025. — Т. 1, № 2(101). — С. 420–423
3. Горшкова, А. А. Сущность преддоговорных отношений и их регулирование в правовых системах современности / А. А. Горшкова // Право и экономика. — 2023. — № 6(424). — С. 15–19.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32.
5. Данилов, Т. А. Анализ правовой природы преддоговорных правоотношений / Т. А. Данилов // Интернаука. — 2025. — № 24–5(388). — С. 17–21.
6. Захарова, В. Р. Место преддоговорных отношений в системе гражданских правоотношений / В. Р. Захарова, Д. Р. Захарова // Студенческий вестник. — 2025. — № 32–1(365). — С. 31–33.
7. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права / О. С. Иоффе. — М.: Статут, 2003. — 70 с.
8. Кольчикова, К. В. Преддоговорные отношения в российском гражданском праве: магистерская диссертация / К. В. Кольчикова. — Томск, 2018. — 95 с.
9. Красавчиков, О. А. Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Советское государство и право. — 1966. — № 10. — С. 50–57.
10. Решетников, И. А. Преддоговорные отношения в гражданском праве России: понятие и правовая природа / И. А. Решетников, В. Н. Белоусов // Global and Regional Research. — 2024. — Т. 6, № 3. — С. 84–88.
11. Саркисян, В. В. Переговоры о заключении договора в гражданском праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / В. В. Саркисян. — Ростов-на-Дону, 2022. — 28 с.
12. Соломин, С. К. Переговоры о заключении договора / С. К. Соломин, Н. Г. Соломина // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2023. — Т. 20, № 3. — С. 41–50.
13. Стучка, П. И. Курс советского гражданского права: в 3 т. — М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927–1931. — Т. 2: Общая часть гражданского права. — 1929. — 376 с.
14. Сулейменов, М. К. Преддоговорные отношения / М. К. Сулейменов // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. — 2018. — № 4 (53). — С. 50–64.

15. Трояновский, А. В. Развитие института преддоговорной ответственности в гражданском и общем праве / А. В. Трояновский // Юрист. — 2017. — № 14. — С. 20–25.
16. Шабанов, К. Д. Сущность и пределы переговоров о заключении договора и разграничение их от смежных конструкций / К. Д. Шабанов // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2024. — № 2(90). — С. 185–190.
17. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — 6-е изд. — СПб.: Изд. бр. Башмаковых, 1907. — 815 с.
18. Шполтаков, О. В. Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / О. В. Шполтаков. — Москва, 2015. — 179 с.

Административная ответственность за нарушения общественного порядка

Донгак Айдана Аян-Могеевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье автором рассматриваются вопросы административной ответственности за различные виды нарушений общественного порядка. Особое внимание уделено анализу составов правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а также практике применения соответствующих норм.

Ключевые слова: общественный порядок, административная ответственность, санкции.

Административная ответственность за нарушения общественного порядка представляет собой одну из ключевых областей права, направленную на обеспечение безопасности, спокойствия и упорядоченности в общественной жизни. В этом контексте общественный порядок олицетворяет собой совокупность правил, норм и стандартов, регулирующих поведение людей в общественных местах. Он защищает основные социальные, экономические и культурные права граждан, предотвращая действия, которые могут привести к массовым беспорядкам, нарушениям или несанкционированным собраниям.

В рамках законодательства, нарушения общественного порядка часто охватывают широкий спектр действий, включая выражения агрессии к окружающим, публичное ведение себя, которое мешает нормальной жизнедеятельности других людей, или любые другие действия, разрушающие общественную гармонию и спокойствие. В ответ на такие нарушения государство применяет меры административной ответственности, которые могут включать предупреждения, штрафы, арест или даже принудительные работы в зависимости от тяжести правонарушения и законодательства конкретной страны [2, с.30].

Административные наказания призваны не только наказать нарушителя, но и выполнять воспитательную функцию, предотвращая повторение правонарушений и сохраняя общественное благополучие. Эффективность такого подхода зависит от четкости законодательных рамок, корректности их применения, а также от общественного восприятия справедливости и адекватности наказаний.

Нарушения общественного порядка имеют разнообразные формы и могут быть классифицированы по различным критериям. Основные виды таких нарушений включают мелкое хулиганство, нарушение тишины, упо-

требление алкоголя в запрещенных местах, а также проведение несанкционированных митингов.

Мелкое хулиганство чаще всего охватывает действия, которые выражаются в грубом нарушении общественного порядка и явном неуважении к окружающим, например, использование ненормативной лексики, оскорбление прохожих. Иногда к этой категории относят и малозначительные физические конфликты [5, с.262].

Нарушение тишины, осуществляемое обычно в ночное время, включает громкую музыку, работу строительных машин или другой шум, который может нарушать спокойствие жителей. Законы некоторых регионов предусматривают определенные «тихие часы», во время которых любые шумовые воздействия запрещены.

Употребление алкоголя в общественных местах, таких как парки, улицы или общественный транспорт, во многих странах регулируется строго, поскольку это поведение может привести к более серьезным нарушениям общественного порядка и общественной безопасности.

Несанкционированные митинги и демонстрации могут вызывать значительные сбои в работе городских служб, мешать движению транспорта и создавать напряженность среди населения.

Для каждого из этих нарушений существуют законодательные меры, которые позволяют административным органам применять штрафы, предупреждения или иные санкции в зависимости от степени тяжести проступка и наличия у нарушителя предыдущих административных нарушений. Эффективность регулирования поведения граждан в значительной степени зависит от четкости закона и последовательности его применения [7, с.18].

Механизм привлечения к административной ответственности за нарушения общественного порядка начи-

нается с момента выявления нарушения сотрудниками полиции или иными уполномоченными органами. После зафиксирования нарушения составляется протокол, который должен содержать точное описание события, время, место происшествия, данные свидетелей и сведения о лице, привлекаемом к ответственности.

Для обеспечения законности и объективности ведения дела нарушителю предоставляется право на защиту. Он может воспользоваться услугами адвоката или иного представителя, а также представить доказательства своей невиновности или мотивы, которые могли бы повлиять на мягкость наказания.

Решение о наложении административного взыскания принимается уполномоченным должностным лицом или судом в зависимости от тяжести нарушения. Санкции за нарушения общественного порядка могут варьироваться от штрафов до административного ареста. Важным аспектом является также возможность обжалования решения, что предоставляет нарушителю шанс на пересмотр дела в более высокой инстанции [3, с.80].

На практике эффективность механизма привлечения к ответственности значительно зависит от качества работы правоохранительных органов, способности судебной системы обеспечивать беспристрастное рассмотрение дел и строгости применяемых мер. Более того, широкое просвещение населения о законодательстве считается эффективной профилактикой нарушений, снижая общественное напряжение и уровень преступности.

В соответствии с законодательством, административные санкции за нарушения общественного порядка могут включать штрафы, административный арест, обязательные работы и другие меры воздействия. Штрафы являются наиболее распространённой формой наказания и зависят от тяжести совершённого правонарушения, а также от того, повлекло ли действие нарушителя значительный общественный резонанс или ущерб гражданам. Размер штрафов может колебаться от небольших сумм до значительных величин, что предназначено для воздействия на правонарушителя и предотвращения новых нарушений.

Административный арест применяется в более серьёзных случаях и может длиться от нескольких суток до нескольких недель. Этот вид наказания используется при повторных или особо грубых нарушениях, таких как массовые беспорядки, публичное насилие, хулиганство или активное сопротивление представителям власти [1, с.274].

Обязательные работы назначаются как альтернатива штрафам или аресту для лиц, которые по каким-либо

причинам не могут уплатить штраф или при совершении нарушений, не требующих изоляции от общества. Длительность и характер работ определяются судом и ориентированы на исправление правонарушителя, а также на возмещение вреда обществу.

Кроме того, в зависимости от законодательства конкретного региона, могут применяться иные формы воздействия, такие как предупреждения, лекции о законности и порядке, обязательное посещение курсов повышения законодательной грамотности или медицинская интервенция в случаях, связанных с алкогольным или наркотическим опьянением.

Административная ответственность за нарушения общественного порядка включает в себя широкий спектр санкций, от штрафов до административного ареста. Важным аспектом является не только наказание за совершенное правонарушение, но и профилактика подобных инцидентов в будущем. Практика показывает, что эффективное применение мер административной ответственности требует четкого понимания целей и задач, стоящих перед органами государственной власти [4, с.116].

Одним из ключевых моментов является правильное определение степени общественной опасности деяния. Это влияет на выбор вида наказания и мер по профилактике. Например, легкие нарушения, не повлекшие серьёзных последствий, обычно квалифицируются как административные правонарушения и наказываются штрафами или предупреждениями, что служит скорее предупредительной мерой, чем наказанием.

Профилактика правонарушений играет существенную роль. Органы, отвечающие за порядок, стараются разработать и внедрить программы, которые предотвращают нарушение законодательства. Это включает в себя проведение просветительских кампаний, работу с молодежью, усиление патрулирования в общественных местах, а также взаимодействие с общественными организациями [6].

Часто применяются и инновационные подходы, такие как видеонаблюдение и системы распознавания лиц, что позволяет быстро реагировать на происходящее и точно предотвращать возможные нарушения. Такие меры эффективно снижают уровень преступности и нарушений, однако важно соблюдать баланс между обеспечением безопасности и соблюдением прав граждан.

Применение административной ответственности должно быть сбалансированным и направленным как на наказание, так и на исправление правонарушителя, что в конечном итоге способствует общему укреплению законности и порядка в обществе.

Литература:

1. Иерусалимская, Е. А. Меры административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения общественного порядка и общественной безопасности / Е. А. Иерусалимская, А. К. Лебах. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 21 (468). — С. 273–275. — URL: <https://moluch.ru/archive/468/103109> (дата обращения: 28.01.2026)

2. Косенко О. А., Папикян Д. Г. Административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей. — Шахты, 2022. С. 29–30.
3. Набатникова Е. А., Кузнецова Т. В. Правовой анализ административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность // Модели инновационных решений повышения конкурентоспособности отечественной науки: сборник статей научно-практической конференции. — Уфа, 2022. С. 79–84.
4. Николаев, Д. А. Административная ответственность за нарушение общественного порядка / Д. А. Николаев // Студенческая молодежь — процветанию и развитию дальневосточного региона: межвузовский сб. статей по итогам конференции «Студенческая весна». — Хабаровск: СПб ИВЭСЭП, филиал в г. Хабаровске, 2015. — Вып. 3. — С. 144–149.
5. Николаев, Д. А. Меры административного пресечения нарушений общественного порядка и общественной безопасности при проведении публичных мероприятий / Д. А. Николаев // Студенческая молодежь — процветанию и развитию дальневосточного региона: межвузовский сб. статей по итогам конференции «Студенческая весна». — Хабаровск: СПб ИВЭСЭП, филиал в г. Хабаровске, 2015. — Вып. 2. — Т. 2. — С. 261–265.
6. Овсянников С. А., Мошкина Н. А. Административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок, общественную безопасность и порядок управления. — Саратов, 2019.
7. Рубанов М. А. Административные наказания, назначаемые за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // NovaUm.Ru. 2022. № 38. С. 15–18.

Автономные мобильные средства в городской среде: преодоление доктринального вакуума и разработка комплексной модели административно-правового регулирования

Дорофеев Игорь Алексеевич, курсант
Московский ордена Почета университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Настоящая научно-исследовательская работа посвящена комплексному анализу одной из наиболее актуальных проблем на стыке права и технологий — отсутствию правового статуса автономных роботизированных устройств, действующих в публичном городском пространстве, в частности, роботов-доставщиков.

Цель исследования заключается в преодолении простой констатации существующего правового вакуума и разработке целостной, системной доктринальной модели, интегрируемой в действующую правовую систему Российской Федерации. В работе критически анализируются преобладающие в современной юридической литературе подходы, доказываются их методологическая и практическая ограниченность.

В качестве решения предлагается введение в правовой оборот новой универсальной категории — автономное мобильное средство (далее — АМС). Детально формулируется легальная дефиниция АМС, основанная на технологически нейтральных, но юридически значимых признаках, и проектируется специальный административно-правовой режим его участия в дорожном движении. Отдельно разрабатываются модели административной ответственности оператора АМС по нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и гражданско-правовой ответственности по правилам об источнике повышенной опасности.

В заключении предлагается поэтапный механизм имплементации концепции через инструмент экспериментальных правовых режимов с последующей универсализацией норм. Научная новизна работы заключается в переходе от фрагментарных предложений к созданию целостной, внутренне непротиворечивой правовой конструкции, призванной обеспечить баланс между стимулированием инноваций, безопасностью граждан и стабильностью правоприменения.

Ключевые слова: автономное мобильное средство, робот-доставщик, участник дорожного движения, Правила дорожного движения, КоАП РФ, административная ответственность, источник повышенной опасности, правовой пробел, ЭПР, технологическое регулирование.

Введение

Цифровая трансформация логистики, в особенности сегмента «последней мили», привела к физическому воплощению алгоритмов в форме автономных роботизиро-

ванных устройств, вышедших за пределы закрытых территорий в публичное городское пространство. Их появление на тротуарах, пешеходных и велосипедных дорожках обозначило глубинный конфликт между динамично развивающейся технологической реальностью и консервативной,

антропоцентричной системой правового регулирования безопасности дорожного движения. Данный конфликт проявляется не на уровне частных коллизий, а на уровне системного сбоя: действующее законодательство, в частности, Правила дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД РФ) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), не содержат ни дефиниций, ни правовых режимов для данного класса объектов [12].

Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на очевидность правового вакуума, значительная часть современных научных и аналитических работ в данной сфере ограничивается его констатацией либо предлагает решения, носящие фрагментарный, заимствованный или сугубо отраслевой характер. Отсутствует целостная доктринальная модель, которая:

- 1) давала бы универсальное и технологически нейтральное определение новому явлению;
- 2) создавала бы для него адекватный и безопасный публично-правовой режим взаимодействия с иными участниками движения;
- 3) четко определяла субъекта и состав административного состава;
- 4) органично встраивалась бы в сложившуюся систему российского административного, гражданского и страхового права.

Целью настоящей работы является преодоление указанного методологического разрыва путем разработки и всестороннего обоснования концепции АМС как новой, первичной правовой категории. Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие задачи:

1. Провести критический анализ основных научных и практических подходов к регулированию автономных устройств, выявив их сильные стороны и принципиальные ограничения.
2. Сформулировать легальную дефиницию АМС, определив его существенные, юридически значимые и проверяемые признаки, и обосновать необходимость его выделения в самостоятельную категорию в ПДД РФ.
3. Обосновать специальный административно-правовой режим движения АМС, включая зоны, приоритеты, скоростные ограничения и процедуру взаимодействия с инфраструктурой.
4. Разработать комплексную модель ответственности, объединяющую административно-правовую ответственность оператора по КоАП РФ и гражданско-правовую ответственность как владельца источника повышенной опасности, а также определить необходимость сопутствующего обязательного страхования.
5. Предложить реалистичный механизм имплементации концепции, сочетающий этап экспериментальной апробации и последующую унификацию законодательства.

Методологическую основу работы составляют классические юридические методы: догматический (формаль-

но-юридический) анализ норм ПДД РФ, КоАП РФ, Гражданского кодекса РФ; сравнительно-правовой анализ зарубежных регуляторных моделей; метод правового моделирования при конструировании новых норм. Также применяется метод критического анализа научной литературы для позиционирования предлагаемой концепции в актуальном правовом дискурсе.

1. Критический анализ существующих подходов к регулированию автономных устройств в дорожном движении

Современный массив публикаций по проблеме правового статуса роботов-доставщиков можно условно классифицировать на несколько направлений, каждое из которых вносит вклад в понимание проблемы, но, взятое в отдельности, не предлагает системного решения.

1.1. «Пробельный» (диагностирующий) подход. Данное направление, ярко представленное в работах, а также в коллективных исследованиях [11], выполняет ключевую диагностическую функцию. Авторы скрупулезно анализируют действующие нормы, доказывая, что автономное устройство не может быть квалифицировано ни как «транспортное средство» в силу отсутствия водителя, ни как «пешеход» в силу отсутствия свойства «лица», ни как «средство индивидуальной мобильности» в силу иного целевого назначения. Сильной стороной подхода является безупречная юридическая аргументация, выявляющая саму суть коллизии. Однако его принципиальным ограничением является ориентация на **констатацию проблемы**. Предложения, формулируемые в рамках этого подхода, часто остаются в плоскости общих рекомендаций («необходимо урегулировать», «целесообразно определить») без перехода к проектированию конкретной, детализированной правовой конструкции, готовой для легализации.

1.2. «Технократический» или «отраслевой» подход. К данному направлению можно отнести исследования крупных юридических фирм и работы, сфокусированные на логистических процессах [9]. Их ценность заключается в рассмотрении правового регулирования как элемента более широких бизнес-процессов, технологических стандартов и отраслевого развития. Они учитывают экономический контекст и практические потребности операторов. Слабость подхода, однако, проявляется в **недостаточной догматической проработке именно публично-правового, административно-деликтного статуса** устройства. Внимание сосредоточено на вопросах гражданского оборота, стандартизации, защиты интеллектуальной собственности, в то время как фундаментальные вопросы о том, по каким правилам устройство должно двигаться в городе и кто ответит за нарушение этих правил перед государством, часто остаются на периферии или решаются по аналогии, что методологически некорректно.

1.3. Подход «частного эксперимента». Данная модель, нашедшая практическое воплощение в инициативах

крупных технологических компаний [10], представляет собой прагматичный ответ на законодательный тупик. Ее сила — в быстрой реализуемости в рамках существующего правового инструментария [5]. Она позволяет апробировать технологии и накопить эмпирические данные. Однако критический недостаток этого подхода заключается в способствовании **правового партикуляризма**. ЭПР создает специальный, индивидуальный набор правил для конкретного оператора на ограниченной территории. Это не решает задачу формирования универсальных, общеобязательных и равных для всех участников рынка «правил игры». В перспективе такая модель может привести к формированию «лоскутного» регулирования, где в разных субъектах действуют разные стандарты для одинаковых устройств, что подрывает принципы единства экономического и правового пространства.

Промежуточный вывод. Таким образом, актуальный научный и практический дискурс демонстрирует разрыв между глубокой диагностикой проблемы и отсутствием целостного доктринального проекта ее решения. Существующие подходы либо фиксируют симптомы, либо предлагают ситуативные, несистемные меры. Налицо потребность в концепции, которая, аккумулируя диагностические достижения первого подхода, поднялась бы на уровень **нормативного проектирования**, создав модель, пригодную для прямой имплементации в качестве общей, а не исключительной нормы.

2. Концепция АМС: доктринальные основания и легальная дефиниция

Выход из методологического тупика видится в отказе от попыток субсуммации нового технологического объекта под устаревшие категории. Вместо этого необходимо совершить классический для права шаг — выявить **существенные признаки нового явления** и на их основе сконструировать новое первичное понятие, адекватное его природе. Таким понятием и предлагается считать АМС.

2.1. Философско-правовое обоснование подхода. Создание АМС не является произвольным специальным законом. Это ответ на объективную потребность в правовой формализации класса самоходных устройств, которые:

а) физически взаимодействуют с публичной инфраструктурой, предназначенной для регулируемого движения;

б) осуществляют это взаимодействие без непосредственного, постоянного управления человеком-водителем в классическом правовом смысле;

в) выполняют утилитарные экономические функции. Признание этого нового класса — есть развитие системы права в ответ на вызовы технологического прогресса, аналогичное по своей логике историческому признанию правового статуса механических транспортных средств в эпоху замены гужевого транспорта.

2.2. Формирование легальной дефиниции. Дефиниция АМС должна быть технологически нейтральной

(не привязанной к конкретной конструкции искусственный интеллект или типу двигателя), функционально открытой (не ограничивающейся только доставкой) и содержать юридически значимые, проверяемые критерии. На основе синтеза выявленных потребностей предлагается следующая проектная формулировка для включения в п. 1.2 ПДД РФ:

«**Автономное мобильное средство (АМС)**» — это техническое устройство на колесной, гусеничной или иной шасси-платформе, **приведенное в движение электродвигателем**, с максимальной конструктивной скоростью, не превышающей 10 км/ч, массой в снаряженном состоянии не более 50 кг и габаритной шириной не более 0,8 м, способное к самостоятельному передвижению, навигации и выполнению целевых задач с использованием программного обеспечения и комплекса сенсоров **без непосредственного управления физическим лицом (водителем), находящимся в нем или при нем**, предназначенное для перевозки грузов, выполнения работ или оказания услуг и **не предназначенное для перевозки людей**.

Пояснение ключевых признаков:

— **Параметры (скорость, масса, ширина):** не являются произвольными. Они выполняют три функции:

1) **Сегментация риска:** отделяют легкие низкоскоростные устройства «последней мили» от потенциально более опасной робототехники. Кинетическая энергия устройства в данных параметрах минимальна.

2) **Критерий идентификации:** предоставляют правоприменителю четкий, объективный инструмент отграничения АМС от иных объектов.

3) **Основа для страхования:** позволяют актуариям рассчитывать риски.

— **Электродвигатель:** исключает использование двигателей внутреннего сгорания, что коррелирует с экологической политикой и эксплуатацией в пешеходных зонах.

— **Автономность (отсутствие водителя):** ключевой юридически значимый признак, создающий саму проблему и требующий специального режима. При этом дефиниция допускает дистанционный мониторинг и коррекцию миссии.

— **Целевое назначение:** формулировка «для перевозки грузов, выполнения работ или оказания услуг» является универсальной и охватывает доставку, уборку, патрулирование и иные функции, обеспечивая будущую доказательную устойчивость нормы.

— **Непредназначенность для перевозки людей:** принципиальное отграничение от пассажирских беспилотных транспортных средств, для которых должен существовать отдельный, значительно более строгий правовой режим, максимально приближенный к режиму транспортного средства, но с учетом использования технологий искусственного интеллекта или программного обеспечения, его заменяющего или имитирующего.

Данная дефиниция критически развивает идеи «пробельного» подхода, переводя констатацию «не-транспортное средство и не-пешехода» в позитивное опре-

деление, и учитывает практицизм «технократического» подхода, вводя объективные инженерные параметры.

3. Специальный административно-правовой режим движения АМС: проектирование раздела 24 ПДД РФ

Введение новой категории требует создания для нее специального раздела в ПДД РФ, аналогичного разделам для пешеходов, велосипедистов или водителей гужевых повозок. основополагающим принципом режима для АМС должен стать **принцип наименьшего приоритета и максимальной предосторожности**, вытекающий из его природы как управляемого искусственным интеллектом источника повышенной опасности в среде, предназначенной для людей.

Проект содержания раздела 24 «Движение автономных мобильных средств (АМС)»:

24.1. Движение АМС разрешается преимущественно по тротуарам, пешеходным и велопешеходным дорожкам (на стороне, предназначенной для движения пешеходов). Допускается движение по обочинам и велосипедным дорожкам, если это не создает помех движению велосипедистов.

24.2. Запрещается движение АМС по проезжей части дороги, за исключением случаев пересечения проезжей части по пешеходным переходам для продолжения движения по разрешенным зонам.

24.3. При пересечении проезжей части по нерегулируемому пешеходному переходу АМС **обязано остановиться перед границей перехода**. Продолжить движение АМС может только после того, как его оператор (система) убедится, что дальнейший маневр не создаст помех или опасности для пешеходов, а все приближающиеся транспортные средства остановились и уступают ему дорогу.

(Примечание: Данная норма — «двойное убеждение» — является центральной. Она прямо указывает, что АМС не пользуется преимуществом пешехода, а его проезд носит разрешительный, а не приоритетный характер).

24.4. При пересечении проезжей части по регулируемому пешеходному переходу АМС должно руководствоваться сигналами пешеходного светофора, а при его отсутствии — транспортного светофора.

24.5. Скорость движения АМС не должна превышать **6 км/ч** — при движении в местах с возможным появлением пешеходов (тротуары, пешеходные зоны). Скорость движения АМС не должна превышать **10 км/ч** — при движении по велосипедным дорожкам или обочинам.

24.6. АМС **обязано уступать дорогу всем иным участникам дорожного движения** (пешеходам, велосипедистам, транспортным средствам).

24.7. Запрещается эксплуатация АМС в условиях недостаточной видимости (темное время суток, туман, снегопад) без включенных и исправных фонарей белого цвета спереди и световозвращателей красного цвета сзади.

24.8. АМС должно быть оборудовано **средством оперативной идентификации** (например, QR-кодом), содер-

жащим информацию о владельце (операторе) и средстве экстренной связи с ним.

Данный режим прямо вытекает из технологических ограничений искусственным интеллектом (невозможность полноценного невербального взаимодействия с пешеходами) и правовой логики (возложение повышенных обязанностей на владельца источника повышенной опасности). Он создает предсказуемые и безопасные условия для интеграции АМС в городскую среду.

4. Механизм ответственности: административно-правовая и гражданско-правовая модель

Легализация любого нового участника общественных отношений, особенно в сфере, сопряженной с повышенной опасностью, немыслима без четкого, эффективного и справедливого механизма ответственности. Предлагаемая концепция АМС предполагает создание целостной двухуровневой системы ответственности, устраняющей выявленные коллизии.

4.1. Административная ответственность оператора АМС: модель строгой (безвиновной) ответственности юридического лица.

Ключевая проблема, идентифицируемая в рамках «пробельного» подхода, — отсутствие субъекта ответственности по КоАП РФ. Водителя нет, а привлечение дистанционного оператора требует доказательства его персональной вины в конкретном маневре, что зачастую невозможно. Решение лежит не в расширительном толковании старых норм, а в обосновании специального состава административного правонарушения, адекватного новой реальности.

Предлагается дополнить главу 12 КоАП РФ новой статьей 12.38 следующей содержательной конструкции:

Статья 12.38. Нарушение правил эксплуатации автономного мобильного средства (АМС):

1. Нарушение установленных Правилами дорожного движения правил движения, остановки или стоянки автономного мобильного средства — влечет наложение административного штрафа на юридическое лицо, осуществляющее эксплуатацию такого средства, в размере от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти тысяч рублей.

2. Эксплуатация автономного мобильного средства с нарушением установленных законодательством Российской Федерации требований к его техническому состоянию или оборудованию — влечет наложение административного штрафа на юридическое лицо в размере от ста до двухсот тысяч рублей.

3. Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, повлекшие создание помех в движении иных участников дорожного движения — влекут наложение административного штрафа на юридическое лицо в размере от трехсот до пятисот тысяч рублей.

4. Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, повлекшие причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего либо незначительный материальный ущерб — влекут наложение адми-

нистративного штрафа на юридическое лицо в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей.

Догматическое обоснование конструкции:

Субъект ответственности: Исключительно юридическое лицо (или индивидуальный предприниматель) — оператор АМС. Это снимает проблему поиска «виновного водителя».

Объективная сторона: Факт нарушения правил, установленных для АМС. Ответственность оператора наступает независимо от вины его сотрудников или сбоя программного обеспечения. Это административная ответственность за объективно противоправный результат деятельности, источником которой является эксплуатация АМС. Данная конструкция аналогична принципам, заложенным, например, в ответственности за нарушения в области промышленной безопасности или обращения с отходами, где важен сам факт отклонения от регламента.

Квалифицирующие составы (ч. 3, 4): Устанавливают повышенную ответственность за наступление реальных вредных последствий, создавая мощный экономический стимул для операторов к обеспечению максимальной надежности и безопасности своих систем.

Назначение наказания: Крупные размеры штрафов (для юридических лиц) обусловлены необходимостью компенсировать отсутствие иных мер обеспечения (например, задержания «водителя») и носят превентивно-карательный характер, делая экономически невыгодным пренебрежение правилами.

Данная модель прямо и системно решает проблему, обозначенную А. Ю. Тарасовым, переводя ее из плоскости теоретического тупика в плоскость рабочего правового инструментария.

4.2. Гражданско-правовая ответственность и институт обязательного страхования.

Административная ответственность перед государством не отменяет необходимости компенсации вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу граждан и юридических лиц. Наиболее адекватным и доктринально безупречным основанием здесь является конструкция ответственности владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 Гражданского кодекса РФ).

Обоснование применения ст. 1079 ГК РФ: Деятельность по эксплуатации АМС, несмотря на малую массу и скорость, объективно связана с повышенной опасностью для окружающих в силу автономности устройства. Отсутствие водителя, способного к мгновенной эмоционально-интуитивной реакции, неконтролируемость внешней среды (поведение детей, животных) и потенциальные сбои программного обеспечения создают риск, который не может быть устранен полностью даже при наивысшей степени заботливости. Следовательно, владелец (оператор) АМС должен нести гражданско-правовую ответственность независимо от вины. Это обеспечивает максимальную защиту прав потерпевшего.

Синергия с административной ответственностью: Модель административного наказания (штраф оператору)

и гражданско-правового возмещения (взыскание в пользу потерпевшего с того же оператора) действуют параллельно, не поглощая друг друга, что соответствует общим принципам российской правовой системы.

Необходимость обязательного страхования: Применение режима ст. 1079 ГК РФ делает экономически и социально необходимым введение обязательного страхования гражданской ответственности операторов АМС. Это не аналог ОСАГО (которое привязано к транспортному средству и водителю), а специальный вид страхования, объектом которого является риск ответственности за вред, причиненный при эксплуатации автономного устройства. Наличие полиса должно быть обязательным условием для регистрации АМС в реестре оператора и началом его коммерческой эксплуатации. Четкие технические параметры АМС (скорость, масса) позволят страховым компаниям точно тарифицировать данный риск.

4.3. Смежные правовые риски и межотраслевые аспекты ответственности оператора АМС

Предложенная модель административной и гражданско-правовой ответственности создает основу для регулирования стандартных ситуаций взаимодействия АМС с городской средой. Однако технологическая нейтральность и автономность устройства порождают риски, требующие выхода за рамки деликтного и административного права.

Гражданско-правовая ответственность за вред жизни и здоровью является прямым следствием квалификации АМС как источника повышенной опасности. Предлагаемый институт обязательного страхования гражданской ответственности оператора призван гарантировать финансовое возмещение вреда потерпевшему (например, в случае причинения легкого вреда здоровью ребенка) независимо от вины оператора, что полностью соответствует конструкции ст. 1079 ГК РФ.

Уголовно-правовые риски и вопросы правомерности использования возникают при намеренном использовании АМС в качестве орудия или средства совершения преступления (например, для доставки наркотиков). В данной парадигме субъектом преступления будет являться физическое лицо (организатор, заказчик, пособник), использовавшее устройство умышленно. Ключевой задачей оператора в данном контексте становится проявление должной осмотрительности (*due diligence*): внедрение технических (удаленная блокировка, трекинг), договорных (верификация клиента) и программных (алгоритмы выявления аномальных маршрутов) мер, минимизирующих риск противоправного использования. Непринятие таких разумных и доступных мер может формировать основания для привлечения оператора к уголовной ответственности в качестве соучастника (например, пособничества) по соответствующим статьям УК РФ (ст. 33, ст. 228.1 УК РФ).

Административная ответственность за непринятие мер по предотвращению противоправного использования может стать следующим шагом в развитии регуляторной

модели. В перспективе в КоАП РФ может быть введена норма, обязывающая операторов внедрять базовые меры кибербезопасности и идентификации для исключения анонимного злоупотребления технологией, с установлением штрафа за неисполнение данной обязанности.

Таким образом, правовой статус и комплексная ответственность оператора АМС определяются совокупным действием норм административного, гражданского, уголовного и страхового права. Оператор выступает как субъект административного правонарушения, владелец источника повышенной опасности и лицо, обязанное проявить должную осмотрительность для недопущения криминального использования актива. Финансовой гарантией и неотъемлемым элементом этой системы является обязательное страхование гражданской ответственности, регулируемое нормами страхового права.

5. Пути имплементации концепции: от экспериментальной апробации к универсальной норме

Принятие столь комплексной новеллы требует взвешенного, поэтапного подхода, который минимизирует регуляторные риски и позволит адаптировать нормы по результатам практики.

5.1. Первый этап: Экспериментальный правовой режим (далее — ЭПР) как полигон для отработки модели.

Критика подхода «частного эксперимента» справедлива в части его партикуляризма. Однако в предлагаемой концепции ЭПР меняет свою целевую функцию. Он должен стать не способом создания исключительных правил для отдельной компании, а инструментом апробации будущих общих норм. Инициировать такой ЭПР должно уполномоченный федеральный орган исполнительной власти (например, Министерство транспорта РФ) совместно с профессиональным сообществом операторов и производителей.

Содержание ЭПР: в регламент ЭПР напрямую закладываются проектные нормы: дефиниция АМС, правила раздела 24 ПДД РФ (в адаптированном под эксперимент виде), параметры ответственности и требования к страхованию.

География и срок: эксперимент проводится на территории нескольких субъектов или специально выделенных районах на срок 1,5–2 года.

Задачи ЭПР:

- 1) Проверить на практике адекватность установленных технических параметров (достаточна ли скорость 10 км/ч, соответствует ли масса 50 кг реальным образцам).
- 2) Отработать процедуры идентификации, взаимодействия с ГИБДД, расследования инцидентов.
- 3) Накопить статистику для точного расчета страховых тарифов.
- 4) Выявить возможные скрытые коллизии.

5.2. Второй этап: Внесение системных поправок в федеральное законодательство.

По итогам успешного ЭПР разрабатывается и вносится в Государственную Думу Федерального Собрания РФ пакет законопроектов, включающий изменения в:

— Федеральный закон «О безопасности дорожного движения»: Закрепление базовых принципов регулирования АМС.

— Правила дорожного движения РФ (Постановление Правительства РФ): Введение дефиниции в п. 1.2 и целого раздела 24, как было описано выше.

— Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Введение статьи 12.38.

— Гражданский кодекс РФ (или отдельный федеральный закон): Четкое указание на распространение действия ст. 1079 ГК РФ на владельцев АМС и установление обязанности по обязательному страхованию их гражданской ответственности.

5.3. Ответ на потенциальную критику о «зарегулированности».

Введение жестких параметров и строгой ответственности может быть воспринято как сдерживание инноваций. Однако в контексте правового государства данный подход является не барьером, а легитимирующим основанием. Четкие «правила игры»:

Создают правовую определенность для инвесторов, которые точно знают рамки, в которых может развиваться технология.

Обеспечивают уверенность страховщиков, без участия которых массовая коммерческая эксплуатация невозможна из-за финансовых рисков.

Гарантируют защиту прав граждан (пешеходов, владельцев имущества), что является главным условием социального принятия технологии.

Формируют честную конкурентную среду, где все операторы работают по единым, прозрачным и строгим правилам, а конкурентное преимущество обеспечивается качеством сервиса и надежностью технологии, а не умением обходить правовые туманности.

Таким образом, регулирование выступает не врагом, а необходимым союзником ответственного технологического прогресса.

6. Заключение и научная новизна исследования

Проведенное исследование позволяет констатировать, что правовой вакуум в области регулирования автономных устройств доставки является не только практической проблемой, но и вызовом для отечественной юридической доктрины. Анализ существующих научных и практических подходов («пробельного», «технократического», «частного эксперимента») показал, что они, выполняя важные диагностические и ситуативные функции, не предлагают целостного, системного решения, интегрируемого в ткань российского права.

В качестве такого решения в работе предложена, детально обоснована и спроектирована комплексная концепция АМС. Ее научная новизна заключается в следующем:

Введение новой первичной правовой категории. Впервые в отечественном правоведении осуществлен переход от констатации несоответствия старым понятиям к конструктивному синтезу нового, технологически нейтрального и юридически операционализируемого понятия «АМС», с четко определенными признаками.

Разработка целостного административно-правового режима. Создана детальная модель специальных правил дорожного движения для АМС (проект раздела 24 ПДД РФ), основанная на принципах наименьшего приоритета и максимальной предосторожности, что является прямым нормативным следствием технологических ограничений искусственного интеллекта.

Создание адекватной модели юридической ответственности. Разработана и догматически обоснована двухуровневая система: административная — в форме строгой ответственности оператора юридического лица по специальной статье КоАП РФ, и гражданско-правовая — на основе применения к оператору норм об источнике

повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) с сопутствующим обязательным страхованием. Данная модель системно разрешает ключевую коллизию с субъектом ответственности.

Предложение реалистичного механизма имплементации. Обоснован двухэтапный путь введения регулирования, где ЭПР используется не для создания исключений, а как полигон для апробации будущих универсальных норм с последующей их кодификацией в федеральном законодательстве.

Концепция АМС представляет собой не просто набор разрозненных предложений, а единую, внутренне непротиворечивую доктринальную модель. Она способна стать основой для конкретной законотворческой работы, обеспечивающей безопасную, правовую и социально приемлемую интеграцию автономной робототехники в городскую среду Российской Федерации, устанавливая баланс между поощрением инноваций и защитой фундаментальных прав и интересов граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Собрание законодательства РФ*. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.11.2024) «Уголовный кодекс Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // *Собрание законодательства РФ*. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. — 2020. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5011.
6. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // *Собрание законодательства РФ*. — 1995. — № 50. — Ст. 4873.
7. О Правилах дорожного движения: Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 20.11.2024) // *Собрание законодательства РФ*. — 1993. — № 47. — Ст. 4531.
8. Закон Эстонской Республики «О робототехнике» от 15.05.2023 г. [Электронный ресурс]: [офиц. текст на англ. яз.] // Riigi Teataja. — 2023. — URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/robotics_act (дата обращения: 07.01.2026).
9. Ибрагимов, Ф. Р. Гиперлокальная доставка отправок с использованием роботов-курьеров: правовые аспекты / Ф. Р. Ибрагимов // *Логистика сегодня*. — 2022. — № 4. — С. 20–25.
10. О запуске экспериментального правового режима для тестирования сервиса автономной доставки: пресс-релиз [Электронный ресурс] // *Официальный сайт ООО «Яндекс.Технологии»*. — 2023. — 15 марта. — URL: https://yandex.ru/company/press_releases (дата обращения: 07.01.2026).
11. Перспективы и проблемы роботизации доставки по российским дорогам [Электронный ресурс]: сборник статей / под ред. В. Л. Степанова. — М.: Инфра-М, 2022. — 180 с. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48765432> (дата обращения: 07.01.2026).
12. Тарасов, А. Ю. Перспективы правового регулирования использования роботов-доставщиков / А. Ю. Тарасов, И. А. Тарасова // *Пробелы в российском законодательстве*. — 2023. — № 5. — С. 45–52.

Применение современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве

Дорофеев Игорь Алексеевич, курсант
Московский ордена Почета университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В данной работе рассматривается применение современных информационных технологий, в частности технологий виртуальной реальности в уголовном судопроизводстве, что предопределено и обусловлено необходимостью адаптации правовой системы к современным условиям. Анализируется правовая природа виртуальных реконструкций в контексте российского уголовного процессуального законодательства, включая статьи 74 и 84 УПК РФ, а также их допустимость и относимость в качестве доказательств по уголовным делам. Исследуется проблема достоверности таких симуляций. Подчеркивается, что технологии виртуальной реальности могут значительно расширить возможности доказывания в уголовном судопроизводстве, но требуют тщательного правового регулирования для обеспечения справедливости и объективности судебного процесса.

Ключевые слова: современные цифровые технологии, уголовное судопроизводство, виртуальная реальность, средства доказывания, виртуальная реконструкция, доказательства.

Применение современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве продиктовано временем и является закономерным процессом, отражающим общие тенденции цифровизации. К современным технологиям стоит отнести виртуальную реальность. Для лучшего погружения в данную тему, необходимо ознакомиться с некоторыми определениями, а именно информационные технологии — это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [4]. В свою очередь, виртуальная реальность (VR, англ. virtual reality, VR, искусственная реальность) — созданный технологическими средствами мир, передаваемый пользователю через его восприятие: зрение, слух, осязание. Виртуальная реальность имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие. Для создания убедительного комплекса ощущений реальности компьютерный синтез свойств и реакций виртуальной реальности производится в реальном времени [5; 6]. Также мы считаем необходимым ввести понятие виртуальной реконструкции, основываясь на ранее данных определениях. Под виртуальной реконструкцией, в контексте уголовного судопроизводства стоит понимать процесс воссоздания обстановки и обстоятельств расследуемого события в интерактивной цифровой среде, позволяющий участникам процесса визуализировать и анализировать его динамику, используя технологии виртуальной реальности.

Первоначально сфера применения VR-технологий ограничивалась развлекательной индустрией, однако судебное заседание в округе Брауард (Флорида, США) продемонстрировало потенциал данного инструмента в уголовном процессе. В ходе слушаний судья Эндрю Сигел визуализировал момент преступления с позиции подсудимого. Обвиняемому Мигелю Альбесу было предъявлено обвинение в нападении при отягчающих обстоятельствах с использованием огнестрельного оружия. Защита настаивала на том, что действия подсудимого были продиктованы необходимой обороной. Виртуальная рекон-

струкция наглядно продемонстрировала развитие конфликтной ситуации.

Рассмотрим данную ситуацию с точки зрения российской юриспруденции. На судебном заседании была продемонстрирована виртуальная симуляция произошедших событий. В контексте российского уголовного судопроизводства необходимо определить, к какому виду доказательств можно отнести виртуальные реконструкции. Обратимся к статье 74 УПК РФ, исходя из которой правомерно отнести виртуальную симуляцию к любым сведениям, но здесь проявляется реальная проблема уголовно-процессуального законодательства, к какой категории относить данные цифровые продукты: к показаниям или вещественным доказательствам. В УПК РФ нет прямого запрета на использование в процессе доказывания современных технологий, при том, что наличествует противоположная норма — статья 84 УПК РФ, которая допускает применение научно-технических средств для фиксации обстоятельств дела. Анализируя приведенные выше нормы УПК РФ, справедливо прийти к выводу о том, нет прямых запретов на применение виртуальных симуляций, что в принципе может означать допустимость их применения в уголовном судопроизводстве в РФ.

Определив допустимость применения виртуальной реконструкции и соответствие с нормами УПК РФ, необходимо определить, в каких случаях будет относительно использовать данный инструмент. Одним из самых удачных примеров для демонстрации привлекательности виртуальных симуляций в качестве доказательств будут дела, предусмотренные статьей 264 УК РФ. В случае наезда на пешехода в условиях плохой видимости особую значимость приобретает создание виртуальной реконструкции на основе интеграции объективных данных, включая протокол осмотра места происшествия, заключения автотехнической экспертизы и показания свидетелей, с обязательным учетом метеорологических условий и параметров видимости, а также последовательности моделирования физических характеристик движения транс-

портного средства и пешехода. Такой подход позволяет не только воспроизвести событие в развитии с учётом временных параметров, но и проанализировать различные сценарии развития ситуации, включая детальный анализ параметров видимости и оценку возможностей своевременного реагирования участников движения.

Особую доказательную ценность виртуальные реконструкции представляют по делам о преступлениях, совершенных в состоянии аффекта, то есть статья 107 УК РФ, где они позволяют наглядно продемонстрировать динамику развития конфликтной ситуации и характер противоправных действий потерпевшего, предшествовавших преступлению. В отличие от статичной план-схемы ДТП, составляемой сотрудниками ГИБДД, виртуальная реконструкция обеспечивает принципиально иной уровень наглядности за счет динамического воспроизведения события. В отличие от записи с камер видеонаблюдения, фиксирующей отдельные фрагменты, VR-технология позволяет интегрировать разрозненные данные в целостную пространственно-временную модель.

Анализ Особенной части УК РФ позволяет выделить перспективные для применения виртуальных реконструкций категории дел. Однако, исходя из положений статьи 9 УПК РФ о неприкосновенности частной жизни, а также во избежание нарушения требований статьи 242 УК РФ, использование подобных реконструкций по преступлениям, предусмотренным главой 18 УК РФ, представляется недопустимым.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34181/ (дата обращения: 04.02.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.02.2026).
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.02.2026).
5. Волинов М. М., Китов А. А., Горячкин Б. С. Виртуальная реальность: виды, структура, особенности, перспективы развития // E-SCIO. — 2020. — № 5 (44). — С. 795–812.
6. Виртуальная реальность — параллельная жизнь со своими течениями [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/440148/> (дата обращения: 08.01.26).

Применение технологии виртуальной реальности знаменует новый этап развития доказывания. Ключевой проблемой остается проверка достоверности цифровых реконструкций и их соответствие требованиям уголовно-процессуального закона.

Внедрение технологий виртуальной реальности в уголовное судопроизводство представляет собой объективный и необратимый процесс, открывающий новые горизонты для установления истины. Несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования, правовая основа для их применения заложена в нормах УПК РФ, допускающих использование научно-технических средств в доказывании. Пилотные проекты, подобные реализации в округе Брауард, наглядно демонстрируют уникальную способность VR-реконструкций преодолеть субъективизм традиционных доказательств, обеспечивая суд интуитивно понятной и динамичной моделью события. Однако превращение этого инструмента в полноценный элемент доказательственной базы требует незамедлительного формирования строгих процессуальных стандартов, регламентирующих методику создания, проверки достоверности и оценки виртуальных реконструкций. Только при условии преодоления вызовов субъективности и обеспечения процессуальных гарантий виртуальная реальность сможет реализовать свой потенциал, выводя уголовно-процессуальное доказывание на качественно новый уровень объективности, наглядности и эффективности.

Проблемы взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков на этапе досудебного урегулирования спора

Дюндюкова Юлия Алексеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Исследование посвящено анализу проблем взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками при досудебном обжаловании. Рассмотрены действующие механизмы административного обжалования, выявлены ключевые недостатки процедуры. Предложены меры по совершенствованию досудебного порядка урегулирования налоговых споров через усиление независимости контроля и расширение прав налогоплательщиков. Результаты основаны на статистических данных ФНС России и судебной практике.

Ключевые слова: досудебное урегулирование, налоговые споры, административное обжалование, права налогоплательщиков, налоговый контроль, вышестоящий налоговый орган.

Введение

Досудебное урегулирование налоговых споров представляет собой важный инструмент разрешения конфликтов между государством и хозяйствующими субъектами. Институт административного обжалования призван снизить нагрузку на судебную систему и обеспечить оперативное восстановление нарушенных прав налогоплательщиков. Однако практика применения показывает наличие серьезных проблем в функционировании данного механизма.

Данная проблема была рассмотрена в трудах отечественных специалистов, например, А. В. Брызгалина, Н. П. Кучерявенко, С. Г. Пепеляева, И. А. Цинделиани и др.

Целью статьи является выявление ключевых проблем взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков при досудебном урегулировании споров и формирование предложений по их устранению.

В работе применены методы статистического анализа, изучения судебной практики, обобщения опыта правоприменения налоговых органов.

1. Правовое регулирование и практика досудебного обжалования

Процедура досудебного обжалования регламентируется статьями 137–139.3 Налогового кодекса РФ. Согласно действующему законодательству, налогоплательщик вправе обжаловать акты налоговых органов, действия или бездействие должностных лиц в вышестоящий налоговый орган. Срок подачи жалобы составляет один год со дня,

когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав [3].

Вышестоящий орган обязан рассмотреть жалобу в течение одного месяца. По результатам рассмотрения выносится решение об оставлении жалобы без удовлетворения, об отмене решения налогового органа, об отмене решения и прекращении производства по делу или об изменении решения.

Законодатель установил обязательность досудебного порядка для определенных категорий споров. Так, решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или об отказе в привлечении подлежат обжалованию в вышестоящий налоговый орган до обращения в суд.

2. Выявленные проблемы досудебного урегулирования

Первая проблема связана с формальным характером рассмотрения жалоб налогоплательщиков. Статистика свидетельствует о низкой эффективности административного обжалования. По данным ФНС России, в 2023 году удовлетворены лишь около 8 % жалоб налогоплательщиков [5]. Остальные обращения остались без удовлетворения или были отклонены по формальным основаниям. Динамика рассмотрения жалоб налогоплательщиков представлена в Таблице 1.

Данные Таблицы 1 демонстрируют устойчивую тенденцию снижения доли удовлетворенных жалоб при одновременном росте их общего количества. Подобные показатели указывают на то, что вышестоящие налоговые

Таблица 1. Динамика рассмотрения жалоб налогоплательщиков за 2021–2023 годы

Показатель	2021 год	2022 год	2023 год
Подано жалоб, тыс.	23,5	24,2	25,1
Удовлетворено полностью, тыс.	2,1	2,0	2,0
Удовлетворено частично, тыс.	0,4	0,3	0,3
Доля удовлетворенных жалоб, %	10,6	9,5	9,2

органы зачастую поддерживают позицию нижестоящих инспекций без глубокого анализа обстоятельств дела.

Вторая проблема заключается в отсутствии независимости органа, рассматривающего жалобу. Вышестоящая налоговая инспекция организационно и функционально связана с органом, чье решение обжалуется. Должностные лица обоих органов входят в единую иерархическую систему ФНС России, что создает предпосылки для необъективного рассмотрения споров.

Третья проблема касается недостаточной регламентации процедуры. Налоговый кодекс РФ содержит лишь общие положения о порядке рассмотрения жалоб. Детальная регламентация процедуры отсутствует, что порождает неопределенность и создает почву для злоупотреблений. Закон не устанавливает конкретных требований к содержанию решения по жалобе, не определяет объем прав налогоплательщика при рассмотрении его обращения.

Четвертая проблема связана с ограниченностью полномочий налогоплательщика. В рамках досудебного обжалования права налогоплательщика существенно ограничены по сравнению с судебным разбирательством. Заявитель не может знакомиться с материалами проверки в полном объеме, заявлять ходатайства, участвовать в исследовании доказательств.

Судебная практика подтверждает справедливость опасений налогоплательщиков относительно необъективности административного обжалования. Суды отменяют значительно больше решений налоговых органов по сравнению с вышестоящими инспекциями. По оценкам аналитиков, арбитражные суды удовлетворяют около 25–30 % требований налогоплательщиков, что втрое превышает показатели досудебного урегулирования [2].

Можно сделать вывод о том, что выявленные проблемы носят системный характер и требуют комплексного реформирования механизмов досудебного урегулирования налоговых споров с усилением независимости контроля и расширением прав налогоплательщиков.

3. Рекомендации по совершенствованию досудебного урегулирования

Необходимо создать специализированные подразделения в структуре ФНС России, которые будут рассматривать жалобы налогоплательщиков независимо от территориальных налоговых органов. Данные подразделения должны быть организационно обособлены и подчиняться напрямую центральному аппарату ФНС России. Специалисты указанных подразделений не должны иметь служебной зависимости от руководителей территориальных управлений, чьи решения обжалуются.

Необходимо детально регламентировать процедуру рассмотрения жалоб, закрепив права налогоплательщика на участие в рассмотрении, представление дополнительных доказательств, получение информации о ходе проверки доводов. Целесообразно ввести обяза-

тельное проведение личной встречи налогового органа с заявителем для обсуждения спорных вопросов. Налогоплательщик должен иметь возможность давать устные пояснения по существу спора и отвечать на вопросы проверяющих [1].

Необходимо принять закон, устанавливающий требования к содержанию и обоснованности решений по жалобам. Документ должен предусматривать обязательность подробного анализа доводов налогоплательщика с приведением контраргументов. Решение должно содержать ссылки на нормы права и сложившуюся практику применения законодательства. Закон должен закрепить право налогоплательщика на получение мотивированного решения с развернутым обоснованием выводов вышестоящего налогового органа.

Необходимо внедрить медиативные процедуры при разрешении налоговых споров. Следует законодательно закрепить возможность применения медиации, создать институт налоговых медиаторов, разработать методические рекомендации по проведению примирительных процедур. Медиация позволит сторонам выработать взаимоприемлемое решение с участием независимого посредника. В ходе медиативных процедур налогоплательщик и налоговый орган могут обсудить спорные вопросы, обменяться позициями, найти компромиссный вариант урегулирования [4].

Можно сделать вывод о том, что реализация предложенных мер требует согласованных действий законодательных и исполнительных органов власти, налоговых органов и профессионального сообщества, однако их внедрение существенно повысит эффективность досудебного урегулирования и укрепит доверие бизнеса к налоговым органам.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить системные недостатки в организации досудебного урегулирования налоговых споров в России. Формальный подход к рассмотрению жалоб, отсутствие независимости проверяющих органов, недостаточная регламентация процедуры и ограниченность прав налогоплательщиков снижают результативность административного обжалования. Анализ статистических данных показал устойчивое снижение доли удовлетворенных жалоб при росте их общего количества.

Предложенные меры по созданию специализированных подразделений для рассмотрения жалоб, детальной регламентации процедуры обжалования, установлению требований к обоснованности решений, внедрению медиативных процедур и повышению доступности информации создают основу для качественного изменения ситуации. Совершенствование взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков на стадии досудебного урегулирования должно стать приоритетной задачей налоговой политики.

Литература:

1. Голубитченко, М. А. Досудебное урегулирование налоговых споров: перспективы в эпоху цифровизации / М. А. Голубитченко, И. С. Галанова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2022. — № 2. — С. 39–45. — DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_39 (дата обращения: 27.01.2026).
2. Грищенко, А. В. Особенности досудебного урегулирования налоговых споров / А. В. Грищенко // Финансовый менеджмент. — 2014. — № 5. — С. 23–35. — URL: <https://dis.ru/library/712/36270/> (дата обращения: 27.01.2026).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 27.01.2026).
4. Третьяк, И. Ю. Досудебное урегулирование налоговых споров: российский и зарубежный опыт / И. Ю. Третьяк // Евразийский Союз Ученых. — 2019. — № 8 (65). — С. 59–62. — URL: <https://euroasia-science.ru/pdf-arxiv/59-62-tretyak-i-yu-acceptance-of-tax-disputes-russian-and-foreign-experience/> (дата обращения: 27.01.2026).
5. Федеральная налоговая служба. Статистика и аналитика [Электронный ресурс] / ФНС России. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/ (дата обращения: 27.01.2026).

История развития прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства в России

Клищенко Елизавета Сергеевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается эволюция прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства в Российской Федерации с момента образования прокуратуры до настоящего времени. На основе анализа нормативно-правовых актов, научных публикаций и официальных материалов Генеральной прокуратуры РФ прослежены ключевые этапы формирования института экологического надзора, включая становление природоохранных подразделений, правовое закрепление полномочий и изменение подходов к реагированию на экологические правонарушения. Особое внимание уделено институциональной специализации, развитию законодательной базы и современным вызовам, стоящим перед прокуратурой в сфере экологической безопасности. Установлено, что прокурорский надзор трансформировался от второстепенной функции к системному механизму защиты экологических прав граждан и интересов государства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, экологическое законодательство, охрана окружающей среды, природоохранные прокуратуры, экологическая безопасность, экологические правонарушения, история прокуратуры.

Введение

В условиях растущего антропогенного воздействия на природу обеспечение экологической безопасности становится одной из приоритетных задач государства. Одним из ключевых институтов, призванных защищать окружающую среду и права граждан на благоприятную экологическую среду, является прокуратура Российской Федерации. Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства представляет собой сложную правовую систему, сформировавшуюся в результате длительного исторического развития. Цель настоящего исследования — проанализировать основные этапы становления и эволюции прокурорского надзора в экологической сфере, выявить закономерности его развития и определить современные тенденции.

1. Истоки прокурорского надзора и отсутствие экологической специфики (XVIII — начало XX века)

История прокуратуры в России начинается с указа Петра I от 22 января 1722 года, которым был учреждён

пост Генерал-прокурора Сената, наделённого функциями «глаза государева» и надзора за соблюдением законов [15]. С момента создания прокуратура обладала правом контроля за деятельностью всех государственных органов, что в теории предполагало возможность надзора и за природопользованием. Однако в XVIII–XIX веках экологическая проблематика не выделялась как самостоятельная сфера правового регулирования. Нормы, касающиеся охраны лесов, рыбных запасов и дичи, содержались в Уложении 1649 года, «Уставе лесном» 1888 года и других актах, но они носили разрозненный характер и не были объединены в единую систему экологического законодательства [16].

Прокуратура в этот период не обладала специализированными подразделениями по экологическим вопросам, а контроль за природопользованием осуществлялся в рамках общего надзора за исполнением законов, преимущественно в интересах казны. Экологические интересы общества и природы как таковой в правовом сознании того времени не занимали центрального места.

2. Советский период: первые шаги к системному контролю (1917–1991 гг.)

После Октябрьской революции 1917 года прокуратура была реорганизована. В 1922 году был принят Закон РСФСР «О прокуратуре», который закрепил за прокурорами функцию надзора за единообразным исполнением законов всеми органами государственной власти [10]. Однако вплоть до середины XX века экологическая сфера оставалась на периферии внимания прокуратуры, уступая место приоритетам индустриализации и военно-промышленного комплекса.

Переломным моментом стало принятие в 1972 году Закона РСФСР «Об охране природы» [9]. Этот акт стал первым комплексным правовым документом, регулирующим природоохранные отношения, и заложил основу для развития государственного экологического контроля. В 1974 году был создан Государственный комитет СССР по охране природы, что свидетельствовало о росте значимости экологической тематики на государственном уровне [5].

В 1975 году в системе прокуратуры начали формироваться специализированные группы по надзору за исполнением природоохранных законов. Прокуроры получили право проверять соблюдение норм на предприятиях, в лесном и водном хозяйстве, а также реагировать на факты загрязнения атмосферы и водных объектов [8]. Однако надзор носил фрагментарный характер, часто ограничивался формальными проверками, а отсутствие чёткой нормативной базы и специализированной подготовки кадров сдерживало развитие эффективного контроля [8].

3. Постсоветский этап: правовое закрепление и институциональная специализация (1991–2010 гг.)

Распад СССР и переход к рыночной экономике в 1990-е годы привели к обострению экологической ситуации. Ликвидация государственного контроля, приватизация предприятий и снижение финансирования экологических программ способствовали росту незаконной вырубке лесов, загрязнению рек и атмосферы, незаконной добыче полезных ископаемых [7]. В этих условиях роль прокуратуры как гаранта законности возросла.

Важнейшим шагом стало принятие в 1991 году Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (впоследствии заменён Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1), который закрепил полномочия прокурора по надзору за исполнением законов в различных сферах, включая охрану окружающей среды [2]. В 2002 году был принят Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [3], ставший основным правовым актом в экологической сфере и определивший принципы рационального природопользования, экологической безопасности и ответственности за нарушения.

В этот период началась институциональная специализация. В 1999 году при Генеральной прокуратуре РФ было создано Управление по надзору за исполнением законодательства об охране окружающей среды, природопользовании и экологической безопасности [13]. В регионах стали формироваться природоохранные прокуратуры, действующие на правах межрайонных [5]. Это позволило сосредоточить усилия на наиболее острых экологических проблемах: незаконной рубке лесов, загрязнении водных объектов, нарушениях при размещении отходов и строительстве в охранных зонах.

4. Современный этап: системное усиление и технологическая трансформация (с 2010-х гг.)

С 2010-х годов наблюдается системное усиление прокурорского надзора в экологической сфере. Это связано с ростом общественного внимания к экологическим проблемам, введением новых правовых инструментов и усилением ответственности за экологические правонарушения. В 2013 году был принят Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» [4], в 2014 году — закон о введении экологического контроля за отходами. Уголовный кодекс РФ (статьи 246–262) предусматривает ответственность за экологические преступления [1].

Генеральная прокуратура РФ регулярно проводит целевые проверки по приоритетным направлениям: ликвидация несанкционированных свалок, контроль за состоянием водных объектов, защита особо охраняемых природных территорий (ООПТ), надзор за соблюдением экологических требований при строительстве [13]. Особое внимание уделяется расследованию экологических преступлений, в том числе с участием организованных групп.

В 2021 году был издан Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере», который систематизировал подходы к надзору, определил приоритеты и методы работы [5]. В документе подчёркивается необходимость профилактики нарушений, координации с другими контролирующими органами и защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду.

5. Проблемы и перспективы развития

Несмотря на значительные достижения, в деятельности прокуратуры по экологическому надзору сохраняются вызовы. К ним относятся: недостаточная техническая оснащённость прокурорских подразделений, сложность доказывания экологических правонарушений (особенно в случаях хронического загрязнения), низкий уровень экологической культуры среди населения и бизнеса, а также коррупционные риски при взаимодействии с контролируемыми субъектами [12].

В перспективе необходимо дальнейшее развитие специализации прокурорских кадров, внедрение цифровых

технологий (дистанционное зондирование, анализ данных с дронов, экомониторинг в реальном времени), усиление взаимодействия с общественными организациями и экологическими активистами, а также совершенствование законодательства, в том числе в части установления более строгой ответственности за экологические преступления [11].

Заключение

История развития прокурорского надзора за экологическим законодательством в России отражает эволюцию государственного подхода к охране окружающей среды. От

фрагментарного контроля в советский период до создания сегодня специализированной, правовой обеспеченной системы надзора — этот путь свидетельствует о росте правовой культуры и ответственности государства за экологическую безопасность. Прокуратура превратилась из пассивного наблюдателя в активного защитника экологических прав граждан. Её деятельность способствует не только пресечению нарушений, но и формированию устойчивых механизмов соблюдения экологического законодательства. В условиях растущих экологических угроз роль прокурорского надзора будет только усиливаться, требуя дальнейшего совершенствования правовых, организационных и технологических инструментов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. [Электронный ресурс]. // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 25.01.2026).
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 25.01.2026).
3. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/f1e865542c02c0682ec4090f390cd075b586877d/ (дата обращения: 25.01.2026).
4. Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 N 96-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (дата обращения 25.01.2026).
5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 апреля 2021 года № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» [Электронный ресурс]. // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382487/ (дата обращения 25.01.2025).
6. Брызгалин А. В. Прокурорский надзор: теория, практика, перспективы. М.: Проспект, 2020. С. 215.
7. Винниченко В. В. Экологическое право России: учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 78.
8. Гонгало Б. М. Прокуратура Российской Федерации: история и современность. М.: Норма, 2019. С. 143.
9. Закон РСФСР от 19 декабря 1972 года № 4169-Х «Об охране природы» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1973. № 1. Ст. 1.
10. Закон РСФСР от 24 апреля 1922 года «О прокуратуре РСФСР» // Ведомости ВЦИК. 1922. № 20.
11. Звягинцев А. Г. Экологическое правонарушение: понятие, виды, ответственность // Государство и право. 2021. № 5. С. 50.
12. Козлов Ю. М. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране окружающей среды // Законность. 2022. № 8. С. 15.
13. Генеральная прокуратура РФ Раздел «Структура» [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/about-the-proc-structure> (дата обращения: 25.01.2026).
14. Постановление Верховного Совета СССР от 24 декабря 1974 года «О создании Государственного комитета СССР по охране природы» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 1.
15. Указ Петра I «Об учреждении поста Генерал-прокурора» от 22 января 1722 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. № 4434.
16. Устав лесной. Утверждён 26 мая 1888 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1888. № 24.

Фактическое принятие наследства в российском праве: современные вызовы

Корсакова Алена Алексеевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье приводится анализ института фактического принятия наследства. Особое внимание уделяется новейшим изменениям в законодательстве, в частности, обязанности нотариуса проверить долговую нагрузку наследодателя, и их влиянию на стратегию поведения наследника. Автором предлагаются решения некоторых актуальных проблем института фактического принятия наследства.

Ключевые слова: фактическое принятие наследства, конклюдентные действия, цифровое наследство, наследственное право.

Институт фактического принятия наследства, закрепленный в статье 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) представляет собой уникальный правовой механизм, призванный согласовать формальные требования закона с реальными жизненными ситуациями. Он легитимирует распространенную практику, когда наследник, в силу незнания, заблуждения или простого нежелания взаимодействовать с официальными инстанциями, не обращается к нотариусу в установленный срок, но при этом ведет себя по отношению к наследственному имуществу как к своему собственному.

По своей правовой природе принятие наследства является односторонней сделкой, для совершения которой, согласно общему правилу, требуется подача соответствующего заявления нотариусу. Однако пункт 2 статьи 1153 ГК РФ предусматривает альтернативный, конклюдентный способ выражения воли наследника: совершение действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства. Законодатель исходит из презумпции: если наследник совершил такие действия, то считается, пока не доказано иное, что наследство он принял [1]. Установление направленности воли наследника является ключевым положением для определения принятия им наследства: совершаемые действия должны однозначно указывать на его отношение к наследственному имуществу не как к чужому, оставшемуся безвластным, а как к своему собственному, которым он намерен владеть, пользоваться и распоряжаться. Волеизъявление наследника на принятие данного имущества вытекает и в сроке совершения действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства: шестимесячный срок, втекающий из универсальности наследственного правопреемства [2].

Перечень таких действий, приведенный в Законе, является открытым и носит оценочный характер, что предоставляет нотариусам и судам широкие полномочия по толкованию. По общему правилу, к действиям, свидетельствующим о фактическом принятии наследства, относятся: вступление во владение или управление имуществом, принятие мер по его сохранению, несение расходов на его содержание, оплата долгов наследодателя или получение причитающихся ему средств.

Судебная практика наполняет эти категории конкретным сущностным содержанием. Например, под

вступлением во владение понимается не только вселение в жилое помещение наследодателя, но и простое пользование его вещами [3]. Если до 2024 года сущность таких действий толковалась расширительно, о чём свидетельствуют положения уже утративших силу Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав, то на современном этапе подход к доказыванию совершения таких действий ужесточается. Так, само по себе наличие совместного с наследодателем права общей собственности на имущество не является автоматическим подтверждением фактического принятия наследства после смерти собственника, и для подтверждения требуются иные активные действия, выходящие за рамки обычного пользования имуществом [4].

Хотя сам институт фактического принятия наследства за последние два года не претерпел прямых изменений, в смежное законодательство были внесены важные поправки, меняющие контекст принятия наследником любого решения, в том числе выраженного конклюдентными действиями, что в очередной раз говорит о тенденции ужесточения ранее используемого подхода к фактическому принятию наследства. Теперь, открыв наследственное дело, нотариус в течении трех рабочих дней обязан направить запрос в Центральный каталог кредитных историй для установления факта их наличия у наследодателя, а затем — в конкретное бюро кредитных историй для получения детального отчета. Получив сведения, нотариус в следующие три рабочих дня должен уведомить всех наследников, подавших заявления, наличия и размере долговых обязательств наследодателя [5].

С точки зрения наследника, намеревающегося принять наследство фактически, данное нововведение носит двойственный характер. С одной стороны, оно может создать прецедент информирования — наследник, не обращающийся к нотариусу, лишается важнейшего источника официальной информации о потенциальных обременениях. Он, действуя «вслепую», вместе с активами фактически может принять и пассивы, которые не всегда покроют полученную наследственную массу. Наследник может годами пользоваться имуществом, не подозревая о накоплении пеней и штрафов по непоплаченному кредиту, и столкнуться с требованиями банка уже по истечении значительного времени. С другой стороны, эта

норма косвенно подчеркивает риски, связанные с уклонением от официального оформления. Законодатель, по сути, сигнализирует: процедура взаимодействия с нотариусом — это не только формальность, но и механизм защиты, предоставляющий ключевые сведения для взвешенного решения.

Не создает ли новое правило об информировании о долгах необоснованного неравенства между наследниками, обратившимися к нотариусу, и наследниками, принявшими наследство фактически? С расширительной точки зрения, создаёт. Однако стоит принимать во внимание добровольный характер именно *необращения* к нотариусу. Для обеспечения принципа добросовестности, возможно создание формы публичного доступа к такой информации (например, через запрос в БКИ на основании свидетельства о смерти), однако на законодательном уровне пока такого порядка не разработано.

Соответственно, данное нововведение, не затрагивая напрямую состав действий по фактическому принятию наследства, всё же повышает значимость и привлекательность формального способа принятия наследства как более безопасного.

Возвращаясь к фактическому принятию наследства, поскольку факт принятия наследства не был зафиксирован нотариусом своевременно, наследнику, впоследствии решившему оформить права (например, для продажи квартиры), предстоит процедура его юридической легализации, которая может осуществляться как в нотариальном, так и судебном порядке.

Для обращения к нотариусу за свидетельством о праве на наследство по истечении шестимесячного срока наследник должен предоставить бесспорные доказательства совершения необходимых действий именно в установленный шестимесячный срок. К таким доказательствам могут относиться квитанции об оплате налогов, коммунальных услуг, страховых взносов, паспорта на транспортные средства — главное, чтобы документы были оформлены надлежащим образом, а в случае предоставления платежных документов — имели отметки банков об исполнении. Нотариус самостоятельно оценивает представленный комплекс доказательств и, если те не вызывают сомнений, выдают свидетельство. Однако на практике нотариусы часто занимают более осторожную позицию, особенно при наличии других наследников (или же, безусловно, при недостаточной ясности доказательств), и рекомендуют обращаться в суд. Судебный порядок становится основным, когда нотариус отказал в совершении действия. Исковое заявление подается в районный суд по месту нахождения наследственного имущества или по месту жительства ответчика (если таковым выступает другой наследник или государство в лице Росимущества) [6]. В исковом заявлении необходимо детально изложить обстоятельства дела и привести всю совокупность доказательств.

В случае же, если доказательств о действиях, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, оказалось

недостаточно, такой наследник может обратиться к процедуре восстановления срока принятия наследства. Здесь возможны два пути: согласно первому, внесудебному, все уже принявшие наследство лица выражают письменное согласие на включение «опоздавшего» наследника [7]. Однако, с учетом отсутствия у наследников обязанности объяснять мотивы своего несогласия [8], зачастую в практике данное согласие заявителем не получается. В таком случае, возможно обращение с иском в суд, где будет необходимо доказать уважительную причину пропуска срока принятия наследства. Впрочем, и здесь степень уважительности отнесена на усмотрение суда. В практике зачастую возникают случаи, когда одна и та же причина признается — или не признается — уважительной с учётом конкретных обстоятельств дела.

В этой связи появляется существенный разрыв между формальным и фактическим статусом наследника. Лицо, много лет добросовестно владеющее имуществом и несущее бремя его содержания, оказывается в уязвимом положении при попытке легализовать свои права.

Несмотря на сохранении своего статуса, с учётом цифровой трансформации общества уже можно сделать вывод о том, что институт фактического принятия наследства плохо приспособлен к реалиям цифровой эпохи. Хотя в настоящее время ГК РФ напрямую не регулирует передачу цифровых активов по наследству, сложно представить конструкцию фактического принятия «цифрового наследства» даже с учётом будущего развития положений Гражданского кодекса. Возможно ли в таком случае признать фактическим принятием наследства доступ к социальным сетям наследодателя, продолжение оплаты хостинга для его сайта, управление криптоактивами? Возможна разработка ограничительных оговорок. Например, совершение действий, явно нарушающих правила использования сервиса (взлом аккаунта, подбор пароля), не может считаться добросовестным фактическим принятием. Кроме того, простое знание учетных данных или эпизодический вход в аккаунт без совершения действий по его сохранению и содержанию также не может квалифицироваться как принятие наследства. Однако, точные предложения можно будет выдвигать лишь тогда, когда в Гражданском кодексе будут закреплены общие положения касательно цифрового наследства.

Институт фактического принятия наследства остается востребованным социально-правовым инструментом, сглаживающим жесткость формальных процедур. Он основан на принципах добросовестности и учета реального положения дел. Однако его применение в современных условиях сопряжено с возвращающимися рисками. Наследнику, избравшему путь фактических действий, следует помнить, что это лишь первый шаг. Для получения возможности свободного распоряжения имуществом неизбежна последующая легализация своего статуса. В стратегическом плане новые законодательные тенденции свидетельствуют о движении в сторону повышения прозрачности в сфере наследования, что делает традиционный, фор-

мальный способ обращения не только более безопасным, но и информационно обеспеченным.

Таким образом, фактическое принятие наследства, сохраняя свою значимость, всё отчетливее проигры-

вает в конкуренции с официальной процедурой, которая в свете последних изменений становится инструментом комплексной защиты имущественных интересов гражданина.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2024 № 407-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 48 (часть I). — Ст. 9236.
4. Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования: Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 22.08.2025) // Российская газета. — 2017. — № 202. — 12 сентября.
5. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19) (ред. от 28.07.2025) // Нотариальный вестник. — 2019. — № 6.
6. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 7.
7. Об отказе в передаче дела в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке надзора: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.10.2003 № 22-В03-5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2004. — № 7.
8. Об оставлении без изменения решения суда апелляционной инстанции: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2024 № 5-КГ24-99-К2 // Архив Верховного Суда Российской Федерации. — 2024. — Дело № 5-КГ24-99-К2.

Проблемы разграничения полномочий между органами публичной власти на муниципальном уровне

Кудинова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

В современной российской системе публичной власти одной из наиболее сложных и конфликтных проблем остаётся разграничение полномочий между органами публичной власти на муниципальном уровне. От чёткости распределения компетенции между органами местного самоуправления, а также от характера их взаимодействия с органами государственной власти субъекта Российской Федерации зависит эффективность муниципального управления, устойчивость местных бюджетов и уровень доверия населения к публичной власти в целом [7].

Городской округ Владимир, являясь административным центром Владимирской области, представляет собой репрезентативный пример муниципального образования, в котором проблемы разграничения полномочий между органами публичной власти проявляются особенно наглядно. Анализ практики деятельности органов местного самоуправления города Владимира и их взаимодействия с органами государственной власти субъекта Федерации позволяет выявить устойчивые тенденции

к перераспределению компетенции, размыванию муниципальной автономии и возникновению правовых коллизий, негативно отражающихся на качестве управления на местном уровне [8].

Конституционно-правовую основу разграничения полномочий между органами публичной власти образуют положения статей 12, 130–133 Конституции Российской Федерации. В соответствии со статьёй 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, что предполагает их организационную и функциональную самостоятельность [1].

Конституционно-правовую основу разграничения полномочий между органами публичной власти образуют положения статей 12, 130–133 Конституции Российской Федерации. В соответствии со статьёй 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, что предполагает их организационную и функциональную самостоятельность [1]. Статья 130 Конституции РФ закрепляет

право населения самостоятельно решать вопросы местного значения, а статья 132 определяет основные направления компетенции органов местного самоуправления, включая управление муниципальной собственностью, формирование и исполнение местного бюджета, а также участие в реализации отдельных государственных полномочий [1].

Особое значение для понимания механизма разграничения полномочий имеет часть 2 статьи 132 Конституции РФ, предусматривающая возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых материальных и финансовых средств и установлением государственного контроля за их осуществлением [1].

Несмотря на формальную сбалансированность данной модели, в правоприменительной практике она нередко становится источником диспропорций в системе муниципального управления. Развитие конституционных положений осуществляется в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который закрепляет перечень вопросов местного значения, компетенцию органов местного самоуправления и порядок наделения их отдельными государственными полномочиями [2]. Для городского округа Владимир правовой статус органов местного самоуправления конкретизирован в Уставе муниципального образования, принятом решением Владимирского городского Совета народных депутатов от 29 июня 2005 года № 231 [3].

Согласно статье 8 Устава города Владимира, к вопросам местного значения относятся формирование, утверждение и исполнение местного бюджета; владение, пользование и распоряжение муниципальным имуществом; организация коммунального хозяйства; дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения; создание условий для транспортного обслуживания населения; обеспечение малоимущих граждан жильными помещениями; участие в охране общественного порядка [3]. Таким образом, нормативно-правовая база формально закрепляет значительный объём полномочий органов местного самоуправления и предполагает их самостоятельную реализацию.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает, что фактическое разграничение полномочий между органами публичной власти на муниципальном уровне отличается нестабильностью. Существенной проблемой становится перераспределение функций, при котором органы местного самоуправления сохраняют формальную ответственность за решение вопросов местного значения, но утрачивают реальные управленческие механизмы. Так, в сфере образования перераспределение полномочий приводит к ситуации, когда муниципальные органы продолжают нести обязанность по содержанию объектов образовательной инфраструктуры, однако ключевые решения в области кадровой политики принимаются вне рамок муниципального управления [4].

Аналогичные процессы наблюдаются и в сфере дорожной деятельности, где органы местного самоуправления формально сохраняют ответственность за содержание дорог местного значения, но при этом их участие в формировании приоритетов развития и финансирования дорожной сети существенно ограничивается [5]. Подобное разграничение полномочий формирует модель разделённой ответственности, негативно влияющую на оперативность и эффективность управления.

Широкое распространение получила практика наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями без достаточного финансового обеспечения. Несмотря на прямое требование статьи 19 Федерального закона № 131-ФЗ о передаче субвенций из бюджета субъекта Федерации, фактический объём финансирования часто не покрывает всех сопутствующих расходов муниципалитета, включая административные и организационные затраты [2].

В результате собственные доходы местного бюджета направляются на выполнение функций, не относящихся к вопросам местного значения. Дополнительным фактором, осложняющим разграничение полномочий между органами публичной власти на муниципальном уровне, является правовая неопределённость и размытость формулировок нормативных правовых актов. Это приводит к дублированию функций либо к возникновению «правовых вакуумов», разрешение которых осуществляется в судебном порядке. Судебная практика Владимирской области свидетельствует о регулярных спорах, связанных с оспариванием нормативных актов и действий органов публичной власти в сферах образования, градостроительства и социальной политики [6].

Выявленные проблемы носят системный характер и оказывают негативное воздействие на функционирование муниципального управления. Размывание ответственности между органами публичной власти снижает управленческую эффективность, подрывает доверие населения к органам местного самоуправления и затрудняет долгосрочное социально-экономическое планирование. Муниципальные органы оказываются вовлечёнными в выполнение несвойственных им функций, что способствует бюрократизации управления и демотивации муниципальных служащих [10].

Таким образом, для городского округа Владимир характерен устойчивый комплекс проблем разграничения полномочий между органами публичной власти на муниципальном уровне, выражающийся в перераспределении функций, недостаточном финансовом обеспечении делегированных полномочий и сохранении правовой неопределённости.

Данные проблемы формируют конфликтную модель муниципального управления, в рамках которой органы местного самоуправления всё чаще утрачивают реальную самостоятельность и выступают в роли исполнителей решений, принимаемых за пределами муниципального управления публичной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 21.01.2026).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
3. Устав муниципального образования городской округ город Владимир: утв. решением Владимирского городского Совета народных депутатов от 29 июня 2005 г. № 231 // Официальный сайт органов местного самоуправления города Владимира. — URL: <https://vladimir-city.ru/> (дата обращения: 21.01.2026).
4. О перераспределении между органами местного самоуправления муниципальных образований Владимирской области и исполнительными органами Владимирской области полномочий в сфере образования: Закон Владимирской области от 9 августа 2024 г. № 92-ОЗ // Официальный портал правовой информации Владимирской области. — 2024. — 12 авг.
5. О перераспределении полномочий в области осуществления дорожной деятельности между органами местного самоуправления муниципальных образований Владимирской области и исполнительными органами Владимирской области: Закон Владимирской области от 29 декабря 2022 г. № 150-ОЗ // Официальное опубликование правовых актов. — 2022. — 30 дек.
6. Обзор судебной практики по делам, связанным с разграничением полномочий между органами публичной власти // Материалы судебной практики Владимирского областного суда за 2019–2023 гг.
7. Кутафин О. Е. Местное самоуправление в Российской Федерации: учебник для вузов. — М.: Норма, 2021. — 512 с.
8. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник. — М.: Норма, 2022. — 608 с.
9. Авакьян С. А. Муниципальное право России: учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 816 с.
10. Зырянов С. М. Муниципальное управление в Российской Федерации: проблемы компетенции и ответственности органов местного самоуправления // Муниципальная служба и кадры. — 2021. — № 3. — С. 12–18.

Служебный долг сотрудника правоохранительных органов: правовой аспект

Кузнецова Ксения Анатольевна, студент

Научный руководитель: Хлебунова Светлана Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Челябинский государственный университет

Служебный долг сотрудника правоохранительных органов является ключевым элементом в системе обеспечения законности и правопорядка в государстве. В основе его лежит не только выполнение установленных законом задач, но и строгое соблюдение правовых норм и принципов. Эта ответственность предполагает высокий уровень профессионализма и честности со стороны правоохранителей, которые выступают гарантом безопасности общества.

Однако служебный долг включает в себя не только защиту общественного порядка, но и защиту прав и свобод граждан, что порой ставит сотрудников перед сложными моральными и этическими дилеммами. Правовой аспект служебного долга охватывает ряд законодательных и нормативных актов, регулирующих деятельность правоохранительных органов, и предполагает неукоснительное соблюдение этих норм в повседневной практике.

Ключевые слова: право, правоохранительные органы, служебный долг, правовые акты.

Official duty of a law enforcement officer: a legal aspect

The official duty of a law enforcement officer is a key element in the system of ensuring law and order in the State. It is based not only on the fulfillment of legally prescribed tasks, but also on strict observance of legal norms and principles. This responsibility presupposes a high level of professionalism and honesty on the part of law enforcement officers, who act as guarantors of public safety.

However, official duty includes not only the protection of public order, but also the protection of the rights and freedoms of citizens, which sometimes puts employees in difficult moral and ethical dilemmas. The legal aspect of official duty covers a number of legislative and regulatory acts regulating the activities of law enforcement agencies, and implies strict observance of these norms in daily practice.

Keywords: law, law enforcement agencies, official duty, legal acts.

Изучение существующих научных работ демонстрирует, что значительная часть ученых анализирует профессиональные обязанности работников силовых структур через призму моральных норм, этиче-

ских принципов службы, психологических особенностей и философских концепций. Исследование В. Е. Асцатуровой устанавливает взаимосвязь между нравственным и юридическим мышлением представителей правоохранительной системы, формулируя заключение о существенном влиянии этических факторов на профессиональную деятельность силовиков, невзирая на отсутствие их четкой правовой регламентации.

Е. В. Емельянова совместно с В. В. Батхаевым акцентируют внимание на необходимости законодательного регулирования личностных качеств работников правоохранительной системы, подчёркивая первостепенную значимость данного аспекта. В свою очередь, О. М. Боева в процессе анализа взаимосвязи категорий «нравственность» и «духовность» делает заключение о существенном воздействии этих понятий на профессиональную деятельность в структурах МВД. Автор фактически устанавливает прямую корреляцию между моральными принципами специалиста при вынесении процессуальных и служебных постановлений и эффективностью выполнения им профессиональных функций в правоохранительной сфере [2].

Учебные программы по профессиональной этике в образовательных учреждениях МВД России подчеркивают двойственную природу обязанностей служащих внутренних структур: это одновременно и престижная миссия представителей власти, и объективная общественная необходимость, реализуемая через законодательно закреплённый комплекс принудительных действий при угрозах гражданам, социуму или государственности. Нельзя недооценивать этическую компоненту в понятии служебных обязательств работников силовых ведомств. Именно нравственный аспект играет ключевую роль в определении профессионального предназначения сотрудников правоохранительной системы.

Вопросы собственной защищённости правомерно выходят на первый план, когда представитель силовых структур взвешивает риски выполнения профессиональных обязанностей. Специалисты подчёркивают: стремление блюстителя порядка выполнять возложенные на него функции перед социумом и властью должно быть внутренне мотивированным, а не противоречить его личным установкам. С этической точки зрения, угроза жизни и здоровью становится единственным оправданным фактором, способным повлиять на решение работника органов охраны правопорядка при реализации профессиональных обязательств.

Научная среда уделяет значительное внимание проблематике защиты жизни и здоровья представителей правоохранительной системы. Неоправданное пренебрежение собственной безопасностью может привести не просто к невыполнению профессиональных обязанностей, но и к трагическим последствиям для самого служащего [4, с.333].

Признавая важность нравственного аспекта при выполнении профессионального долга работниками право-

охранения, необходимо подчеркнуть следующее. Данное понятие целесообразнее анализировать через призму правовой науки, опираясь на множество юридических критериев, а не ограничиваться исключительно этико-моральными рамками.

Отдельный ведомственный документ — Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации — содержит частичное регулирование вопросов, касающихся служебного долга, включая нормы этики и правила поведения на службе. Необходимость обеспечения объективности в процессе принятия решений государственными служащими обуславливает то, что при добровольном поступлении на правоохранительную государственную службу гражданин принимает на себя обязанность соблюдать различные запреты и ограничения. Данный нормативный документ устанавливает требования не только к поведению сотрудника во время исполнения служебных обязанностей, но и к его действиям в личное время. Часто при наложении дисциплинарных взысканий на работников правоохранительных структур используется такая формулировка как «совершение проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел».

Статус сотрудника силовых структур напрямую зависит от нормативного регулирования его действий, причем как в рабочее время, так и за пределами исполнения профессиональных обязанностей. Подобное законодательное закрепление представляет собой ключевой компонент профессионального долга [5, с.24].

Кроме того, понятие служебного долга включено в формулировку торжественной Присяги работника российских органов внутренних дел как обязательство сохранять верность государству и его гражданам. Закрепление данной клятвы на уровне федерального законодательства выполняет двойную функцию: продолжает исторически сложившиеся традиции отечественных правоохранительных структур и одновременно, наделяя присягу силой высшего правового документа, устанавливает императивное требование её неукоснительного исполнения.

Законодательство о службе в органах внутренних дел РФ, в частности статья 50 соответствующего Федерального закона, определяет невыполнение служебных обязанностей как дисциплинарное нарушение, за которое предусмотрены соответствующие санкции.

Включение обязательства о верности службе непосредственно в текст присяги создает правовую основу для расторжения трудовых отношений со служащим, а также позволяет привлечь его к различным формам юридической ответственности в случае отступления от данной клятвы и невыполнения служебных обязательств.

Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел»... в статье 47 определяет служебную дисциплину, неотъемлемой частью которой выступает следование Присяге. Следовательно, её несоблюдение квалифицируется как дисциплинарный проступок, влекущий за собой наказание — от наименее сурового в виде замечания до макси-

мально жёсткого, предполагающего расторжение служебного контракта. Кроме того, регулярные или серьёзные отступления от дисциплинарных требований могут повлечь понижение сотрудника в должности.

Служебный долг сотрудников правоохранительных органов представляет собой фундаментальную основу их профессиональной деятельности, определяющую не только повседневные обязанности, но и морально-этические ориентиры в службе обществу. В Российской Федерации эта категория охватывает широкий спектр структур, включая Министерство внутренних дел (МВД), Федеральную службу безопасности (ФСБ), Федеральную службу войск национальной гвардии (Росгвардия), Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС) и другие ведомства, такие как Следственный комитет и Федеральная таможенная служба. Эти сотрудники, независимо от звания или должности, обязаны действовать в строгом соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами и присягами, которые подчеркивают приоритет защиты прав и свобод граждан, обеспечение общественной безопасности и борьбу с преступностью.

Служебный долг проявляется в многообразных формах: от патрулирования улиц и оперативно-розыскных мероприятий до координации чрезвычайных ситуаций и антитеррористических операций. Для представителей Росгвардии это включает охрану общественного порядка, конвоирование и участие в специальных подразделениях, таких как ОМОН и СОБР. Сотрудники ФСБ фокусируются на противодействии угрозам национальной безопасности, разведке и кибербезопасности, часто работая в условиях повышенного риска и конфиденциальности. В МЧС служебный долг связан с ликвидацией последствий стихийных бедствий, спасательными операциями и профилактикой чрезвычайных ситуаций, где каждый день может стать испытанием на преданность долгу.

Статистика подчеркивает масштаб и значимость этой службы. По данным МВД РФ за 2023–2025 годы, в правоохранительных органах насчитывается около 1,2 миллиона сотрудников, из которых свыше 300 тысяч — в Росгвардии. Ежегодно они регистрируют более 2 миллионов преступлений, раскрывая около 60 % из них. ФСБ предотвратила свыше 500 террористических актов за последние пять лет, согласно официальным отчетам. В МЧС статистика впечатляет: в 2024 году спасено более 150 тысяч человек в ходе 40 тысяч чрезвычайных ситуаций, с общим числом выездов — свыше 500 тысяч. Однако служебный долг сопряжен с рисками: ежегодно погибает около 100–150 сотрудников при исполнении, что подчеркивает их героизм.

Несмотря на вызовы, такие как коррупционные скандалы (по данным Генпрокуратуры, в 2024 году возбуждено 1,5 тысячи дел против силовиков) и нагрузка от геополитических конфликтов, служебный долг остается незыблемым стержнем. Он формирует профессиональную идентичность, где личные жертвы уступают общественному благу, обеспечивая стабильность и без-

опасность нации. В эпоху цифровизации и глобальных угроз эта служба эволюционирует, интегрируя технологии, но сохраняет свою суть — преданность долгу перед Родиной и народом.

Служебный долг требует от сотрудников правоохранительных органов постоянного совершенствования профессиональных навыков и знаний. Необходимо непрерывно повышать квалификацию, изучать новые методы и технологии борьбы с преступностью, а также осваивать современные средства защиты и связи. Это позволяет эффективно выполнять поставленные задачи и обеспечивать безопасность граждан.

Важным аспектом служебного долга является поддержание высокого уровня морально-психологической устойчивости. Работа в правоохранительных органах связана с постоянным стрессом, риском и необходимостью принимать сложные решения в экстремальных ситуациях. Поэтому сотрудники должны обладать сильным характером, уметь контролировать свои эмоции и сохранять самообладание в любых обстоятельствах.

Служебный долг предполагает безусловное уважение к правам и достоинству каждого человека. Сотрудники правоохранительных органов должны быть вежливыми, тактичными и внимательными к гражданам, независимо от их социального статуса, национальности или религиозных убеждений. Недопустимо любое проявление грубости, хамства или дискриминации.

Служебный долг — это не просто формальное исполнение обязанностей, а осознанное служение обществу и государству. Это высокая миссия, требующая от каждого сотрудника честности, порядочности и самоотверженности. Только так можно заслужить доверие граждан и обеспечить эффективную защиту их прав и свобод.

Опираясь на вышеизложенные характеристики понятия «Служебный долг работника правоохранительной системы» в качестве юридической категории, предлагается возможным разработать недостающую формулировку и внести предложение по устранению законодательного пробела через корректировку Федерального закона «О службе в органах внутренних дел...» Предлагается дополнить статью 28 примечанием в следующей редакции:

«Служебный долг представляет собой компонент юридического положения работника правоохранительной системы, который предполагает обязательность следования этическим нормам и правилам служебного поведения, включая период нахождения вне исполнения служебных обязанностей, и который закреплен в торжественной присяге на преданность Российской Федерации и её гражданам, при этом за его несоблюдение устанавливается дисциплинарное взыскание.

Включение определения служебного долга сотрудников правоохранительных структур в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» позволит устранить существующие законодательные пробелы и сформирует прочную

юридическую базу для применения дисциплинарных взысканий к должностным лицам, не исполняющим свои обязанности [7].

Трансформация концепции служебного долга работников правоохранительной системы из этической плоскости в юридическую будет содействовать усилению

правопорядка и дисциплинарной культуры в органах правопорядка.

Необходимость обеспечения личной безопасности представляет собой единственное законное обоснование для невыполнения сотрудником правоохранительных структур своих профессиональных обязанностей.

Литература:

1. Боева О. М. К вопросу о духовно-нравственных истоках службы в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3 (23).
2. Емельянова Е. В., Батхаев В. В. Деонтологические основания принятия Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
3. Министерство внутренних дел РФ. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года — URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 27.01.2026)
4. Осипов, И. Г. Служебный долг сотрудника правоохранительных органов как правовая категория / И. Г. Осипов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 50 (549). — С. 333–335. — URL: <https://moluch.ru/archive/549/120507> (дата обращения: 27.01.2026)
5. Сегизбаева Н. А. Служебный долг сотрудника правоохранительных органов: моральный и правовой аспекты: выпускная квалификационная работа: направление 40.03.01 Юриспруденция «Правозащитная деятельность» очной формы обучения / Сегизбаева Назымгуль Аслбековна; науч. рук. Н. А. Ряснянская. — Ставрополь, 2025. — 71 с.
6. Соколов, В. П. Профессиональная этика в правовой деятельности: Учебное пособие/ В. П. Соколов. — Ижевск: Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023.
7. Социальное управление. Электронный научно-практический журнал. Служебный долг сотрудника правоохранительных органов: моральный и правовой аспект. — Статья Зайцева Е. А. — URL: <https://sciup.org/sluzhebnyj-dolg-sotrudnika-pravoohranitelnyh-organovmoralnyj-i-pravovoj-aspekt-14126694> (дата обращения: 27.01.2026)

Требования неимущественного характера, содержащиеся в исполнительных документах: теоретико-правовое осмысление понятия, конститутивных признаков и оснований для их классификации

Куртуков Роман Сергеевич, старший преподаватель

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В статье исследуются требования неимущественного характера как особый вид юридически обязательных для должника предписаний, содержащихся в исполнительных документах. Проводится теоретико-правовой анализ понятия требований неимущественного характера, выявляются их ключевые признаки, предлагаются авторские подходы для классификации.

Ключевые слова: исполнительное производство, исполнительные документы, требования неимущественного характера, неимущественные права.

Современное исполнительное производство характеризуется многообразием требований, которые возлагаются на должников в целях исполнения судебных актов и актов иных юрисдикционных органов. Наряду с имущественными взысканиями значительную долю составляют юридически обязательные предписания, носящие неимущественный характер. Их правовая природа, особенности реализации и теоретическая систематизация по-прежнему остаются предметом научных дискуссий, что об-

уславливает актуальность теоретико-правового осмысления данной категории.

Действующий Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (далее — Закон об исполнительном производстве) [3] не содержит легальной дефиниции понятия требований неимущественного характера, ограничиваясь лишь их перечислением в главе 13. В связи с этим, в доктрине можно встретить множество различных авторских

определений, предлагаемых исследователями-процессуалистами.

В большинстве случаев авторы определяют неимущественные требования как требования, возлагающие на должника обязанность совершить определённые действия либо воздержаться от совершения определённых действий, не связанных с передачей денежных сумм или иного имущества. Стоит отметить, что подобный подход к определению рассматриваемой категории является преобладающим в отечественной юридической науке. Между тем, на наш взгляд, конструируя дефиницию неимущественных требований на основе противопоставления требованиям имущественного характера, вне контуров их правовой интерпретации остаются важнейшие свойства, присущие исполнительному производству в отношении неимущественных требований.

В свете этого, на наш взгляд, более полным и целостным является следующее определение рассматриваемой категории: требования неимущественного характера, содержащиеся в исполнительных документах, — это адресованные должнику юридически обязательные предписания, возлагающие на него обязанность совершить в пользу взыскателя в целях защиты его нарушенных прав действия, не связанные с передачей денежных средств или иного имущества, либо воздержаться от совершения каких-либо действий. При этом обеспечение принудительной реализации таких требований, как и в ситуации с исполнением требований имущественного характера, возложено на судебного пристава-исполнителя, путём совершения предусмотренных законом исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения.

Исходя из анализа неимущественных требований, перечисленных в главе 13 Закона об исполнительном производстве [3], по нашему мнению, можно выделить пять присущих им конститутивных признаков.

Во-первых, содержание требований неимущественного характера не предполагает совершение должником в пользу взыскателя действий, нацеленных на передачу денежных средств или иного имущества. Закон называет восемь разновидностей данных требований: восстановление взыскателя на работе, выселение должника из жилого помещения, отбывание обязательных работ и т. п. Безусловно, с практической стороны требования неимущественного характера зачастую могут быть сопряжены с имущественными требованиями (к примеру, когда решением суда на работодателя возложена обязанность восстановить взыскателя в прежней должности, а также выплатить ему предусмотренные трудовым законодательством выплаты компенсационного характера). В подобных случаях судебный пристав-исполнитель, как правило, возбуждает одно исполнительное производство, в рамках которого в каждом конкретном случае определяется целесообразная совокупность исполнительных действий и мер принудительного исполнения, нацеленных на полное и своевременное исполнение требований исполнительного документа.

Во-вторых, исполнение неимущественных требований может предполагать как совершение должником активных юридически значимых действий (например, отмена приказа (распоряжения) об увольнении работника и его допуск к ранее выполняемым трудовым функциям; удаление из сети «Интернет» информации, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица и пр.), так и его правомерное бездействие (например, нечинение препятствий в пользовании жилым помещением вселённому в него взыскателю; временное прекращение производственных процессов в границах установленных судом сроков административного приостановления деятельности и т. п.).

В-третьих, обязанность исполнить требования неимущественного характера возлагается на самого должника, за исключением прямо установленных законом случаев. Так, к примеру, только должник может отбыть возложенное на него наказание в виде обязательных работ, только должник может покинуть пределы Российской Федерации по судебному решению о выдворении, только должник может принять необходимые действия по отмене приказа (распоряжения) об увольнении работника и обеспечению ему доступа к выполнению прежних трудовых функций и т. д. Между тем, в отдельных случаях закон возлагает на судебного пристава-исполнителя обязанность совершить необходимые действия за должника в ситуации, когда последний не предпринимает должных усилий по выполнению содержащихся в исполнительном документе юридически обязательных предписаний. Так, к примеру, должник может быть выселен из жилого помещения усилиями судебного пристава-исполнителя. Информация в сети «Интернет», от добровольного удаления которой должник отказался, может быть принудительно удалена территориальными органами Роскомнадзора на основании постановления судебного пристава-исполнителя и пр.

В-четвёртых, в отличие от имущественных требований, виды которых не отражены в нормах Закона об исполнительном производстве, перечень требований неимущественного характера прямо закреплён в главе 13 и является исчерпывающим (ст. 106–109.4 Закона) [3].

И, наконец, в-пятых, неисполнению требований неимущественного характера корреспондирует особый характер и виды юридической ответственности. Речь в данном случае идёт об особой последовательности взысканий, применяемых к должнику. По общему правилу, за первым уклонением должника от исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, следует наложение на него исполнительского сбора. Повторное неисполнение требований является основанием для привлечения должника к административной ответственности. В случаях, когда исполнение требований без самого должника не является возможным, все последующие факты уклонения от исполнения возложенных на него обязанностей, по сути, становятся поводом для повторного привлечения его к административной, а в определённых за-

коном случаях — к уголовной ответственности. При этом в нормах Кодекса РФ об административных правонарушениях [1] и Уголовного кодекса РФ [2] предусмотрен ряд специальных составов: ст. 17.15 КоАП, ч. 4 ст. 20.25 КоАП, ст. 315 УК РФ и пр.

Как уже говорилось ранее, в главе 13 Закона об исполнительном производстве содержится закрытый перечень требований неимущественного характера. На наш взгляд, важное практическое и теоретическое значение имеет их классификация на виды. Она позволяет систематизировать разновидности требований, учитывать их особенности и обеспечивать эффективное принудительное исполнение за счёт выбора оптимальных процедур.

Нами выделен ряд критериев для классификации неимущественных требований: во-первых, по содержанию юридически обязательных предписаний (требования, связанные с защитой трудовых прав; требования, связанные с защитой жилищных прав; требования, связанные с защитой семейных прав; требования, связанные с защитой нематериальных благ; а также требования публично-правового (административного) характера); во-вторых, по

субъектному составу (требования, затрагивающие права физических лиц, и требования, затрагивающие права юридических лиц); и, наконец, в-третьих, по продолжительности исполнения (требования, исчерпываемые однократно совершаемым действием, и требования, требующие продолжительного воздержания от совершения определённых действий).

Таким образом, требования неимущественного характера представляют собой самостоятельный правовой феномен в системе исполнительного производства. Их специфика определяется нематериальным объектом воздействия, а также личностным характером их исполнения. Полагаем, что выявленные нами в представленной научной статье конститутивные признаки данных требований и предложенные дополнительные основания для их классификации позволят обеспечить единообразие в подходах к восприятию роли и места неимущественных требований в системе исполнительного производства, а также минимизировать риски появления правовых коллизий в процессе дальнейшего усовершенствования процессуального законодательства.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // Рос. газ. 2001. 31 дек.; 2026. 12 янв.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // Рос. газ. 1996. 18 июня; 2026. 12 янв.
3. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // Рос. газ. 2007. 6 окт.; 2026. 12 янв.

Особенности квалификации ДТП: разграничение ответственности между водителем и лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства: криминологический аспект

Лагуткина Александра Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шепелева Светлана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует сложный комплекс проблем, возникающих при уголовно-правовой и криминологической квалификации дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Исследование сосредоточено на разграничении уголовной ответственности между водителем, нарушившим Правила дорожного движения (ПДД), и лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства (ТС), чье бездействие выразилось в выпуске неисправного ТС на линию.

В контексте криминологического исследования подчеркивается важность использования экспертных заключений, которые должны включать результаты автотехнического моделирования, извлечения данных из бортовых регистраторов (EDR), а также задокументированные данные осмотра места происшествия. Этот инструментальный критически важен для объективной верификации гипотез относительно доминирующего фактора: является ли причиной аварии критическое поведение водителя или же объективен технический отказ ТС. Одновременно с этим, криминологический вектор исследования нацелен на идентификацию системных предпосылок, а именно: организационной дисфункции и недостаточности технической компетентности в структурах, ответственных за эксплуатацию ТС. Исследование доказывает, что именно указанные недостатки на системном уровне служат катализатором для реализации преступного риска, регулируемого нормами статьи 264 УК РФ и смежной статьи 238 УК РФ.

Ключевые слова: *автотранспортные преступления, дорожно-транспортное происшествие, ДТП, транспортное средство, водитель, лицо, контролирующее техническое состояние транспортного средства.*

Преступления, которые связаны с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, занимают весомое место в структуре преступности в Российской Федерации. Квалификация дорожно-транспортных происшествий (далее-ДТП), затрагивающих ответственность водителя транспортного средства, а также лица, контролирующего техническое состояние транспортного средства, требует от правоохранительных органов и судебных органов точности в установлении виновника совершенного преступления, правильного определения причинно-следственной связи, квалификации преступления. Неверная квалификация может привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лица, чья вина носила лишь косвенный характер, или, наоборот, к освобождению от ответственности лица, чьё халатное отношение стало определяющим фактором преступления. Настоящая статья посвящена детальному анализу уголовно-правовых и криминалистических критериев, позволяющих провести чёткую границу между ответственностью водителя и субъекта, ответственного за техническую исправность транспортного средства.

Преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ [1], относятся к категории преступлений, которые совершены по неосторожности. Это означает, что для привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие не прямого умысла, а неосторожной формы вины: легкомыслия или небрежности. Ключевым элементом объективной стороны этих составов является причинно-следственная связь между нарушением правил дорожного движения (либо ненадлежащей эксплуатацией ТС) и наступившими тяжкими последствиями (причинением тяжкого вреда здоровью гражданина либо его смерть). Согласно статистике, опубликованной на официальном сайте МВД России, за период с января по ноябрь 2024 года было зарегистрировано 18 261 преступление вышеуказанного состава, с января по ноябрь 2025 года было зафиксировано 14 976 преступлений [2]. Налицо видно снижение показателя, однако стоит обратить внимание на общее количество данного рода преступлений. Необходимо продолжать выявлять и совершенствовать методику расследования данных преступлений, анализировать данные и предупреждать совершение новых аналогичных деяний.

В контексте ДТП с участием транспортного средства выявляются два источника общественной опасности, которые исходят от двух разных субъектов: водитель несёт ответственность за нарушение правил дорожного движения (ПДД), связанное с процессом управления, а лицо, ответственное за техническое состояние (механик, диспетчер), несёт ответственность за нарушение правил эксплуатации транспортного средства, выразившееся в выпуске неисправного автомобиля на линию. Оба этих деяния совершаются по неосторожности, и, поскольку от-

сутствует общий умысел, они не могут быть квалифицированы как соучастие; их следует рассматривать отдельно друг от друга. Основная сложность при квалификации заключается в определении причинно-следственной связи совершенного деяния, установлении всех факторов, приведших к преступлению. Если, к примеру, водитель, даже соблюдая все ПДД, не смог избежать аварии из-за критического технического отказа (например, отказ тормозов на высокой скорости), то доминирующей причиной признается неисправность ТС, и основная ответственность ложится на ответственное лицо, допустившее ТС в рейс. И наоборот, если водитель допустил грубое нарушение ПДД (например, движение в состоянии сильного опьянения), и совершил аварию, то ответственность должен понести именно тот, кто управлял транспортным средством.

В ряде случаев возникает необходимость разграничения компетенции между статьей 264 УК РФ и статьей 238 УК РФ (Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности) [1]. Статья 264 УК РФ акцентирует внимание на безопасности дорожного движения как таковой и касается водителя. Статья 238 УК РФ защищает более широкий объект — общественную безопасность в сфере предоставления услуг. Действия механика или диспетчера, выпустившего неисправное ТС, квалифицируются по ст. 238 УК РФ, так как они нарушили свои профессиональные обязанности по обеспечению безопасности услуг перевозки. Если доказано, что водитель нарушил ПДД, а ответственное лицо выпустило неисправное ТС, и оба этих обстоятельства в конечном счете привели к преступлению, то данные действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений (ст. 17 УК РФ) [1], что позволит справедливо оценить степень общественной опасности каждого из деяний. Для достижения этой цели критически важны криминалистические методы: комплексные автотехнические экспертизы должны моделировать сценарии с исключением одного из факторов, а тщательный сбор технической документации и опрос персонала необходимы для установления степени небрежности лица, ответственного за техническое обслуживание. Таким образом, правильное разграничение ответственности зависит от установления приоритета причинно-следственной связи, подтвержденной научными данными, что гарантирует законность и обоснованность итоговой квалификации.

При расследовании преступлений, связанных с ДТП, осмотр места происшествия и дальнейшая фиксация на цифровой носитель обязательны. Необходимо зафиксировать последнее положение транспортного средства, оставленные трасологические следы, определить их длину и ширину, сплошной или прерывистый характер дорожки следов. Данные показатели важны для определения ско-

рости транспортного средства до начала торможения, а также для оценки работы самой тормозной системы. Следует обратить внимание на следы возможного скольжения или заноса средства передвижения. Они обозначают траекторию движения, указывают на попытки стабилизации, маневра водителя, демонстрируют момент отклонения транспортного средства от первоначального маршрута (занос). Также, имеет место обратить внимание на следы удара, деформацию транспортных средств и на окружающую обстановку. Важно определение места наезда, характер повреждений не только транспортного средства, но и следы удара на различных объектах инфраструктуры, например, заборы, ограждения, столбы, дорожные знаки, так как данные немаловажные факторы помогают установить угол столкновения, определить, какое транспортное средство было инициатором удара. Также, влияние погодных условий (дождь, снег, гололед), время дня (освещенность), наличие тумана (видимость) и другие препятствия, все должно быть выявлено и задокументировано для составления эффективной оценки объективной возможности соблюдения водителем ПДД.

При наличии современных средств фиксации стоит воспользоваться лазерной съемкой, методом 3D сканирования и др. Как указывает в своем исследовании Несмиянова И. О.: «Первый работающий 3D-сканер появился в 60-х гг. прошлого столетия, его усовершенствование произошло в 80-е гг. Изначально он не обладал широким спектром возможностей, однако это был настоящий 3D-сканер, полноценно справляющийся с основной функцией — передачей объемного изображения. <...> Принцип работы усовершенствованного сканирующего устройства заключался в применении различных спектров лазера, а также источников белого света и затемнения». Устройство 3D-сканера позволяет детально фиксировать физическое состояние объекта (следа), после чего воссоздается его точная модель в цифровом формате. [3] Таким образом, несмотря на первоначальные ограничения функционала ранних моделей, базовая технология 3D-сканирования доказала свою высокую эффективность в выполнении ключевой задачи — топографической фиксации объемных объектов.

При дальнейшем расследовании дорожно-транспортного происшествия, когда поднимается вопрос о технической неисправности транспортного средства, необходимо уделить особое внимание тщательному исследованию поврежденного автомобиля. По мнению Алиева М. М., «роль транспортно-трасологической экспертизы в настоящее время велика. Знания и профессионализм экспертов-трасологов оказывают большое влияние на успешное определение механизма ДТП и установление всех обстоятельств уголовного дела» [4]. Мы согласны с мнением данного автора, но также следует отметить, что необходимо проверить не только видимые повреждения, полученные в результате ДТП, но и первичное состояние систем, отказ которых мог послужить причиной аварии (до столкновения). Это включает в себя:

1) тормозная система. Надлежит проверить износ тормозных колодок, состояние тормозных дисков/барабанов, герметичность гидравлической системы. Отказ тормозов до столкновения — это фундаментальный признак, переносящий часть вины на лицо, ответственное за эксплуатацию.

2) рулевое управление. Требуется проверить люфт рулевого колеса, состояние рулевых тяг, целостность рулевых наконечников.

3) шины. Следует проверить глубину протектора, наличие повреждений, соответствие типа шин сезону и дорожным условиям. Выявленное использование летних шин в зимний период может быть квалифицировано как грубое нарушение эксплуатации. В своем исследовании Сутакуев М. Р. обозначил этапы правильного заполнения протокола осмотра места происшествия при обнаружении следов шин:

- «вид и состояние поверхности, на которой обнаружены следы;
- вид следов (статический, динамический, поверхностный, объемный и т. п.);
- место расположения следов;
- количество дорожек следов и их относительное размещение;
- ширина каждой беговой дорожки (ширина следа протектора);
- ширина колеи передних и задних колес;
- строение рисунка протектора (ромбы, треугольники, квадраты, прямоугольники, многоугольники или их сочетание);
- форма и размеры особенностей протектора, наличие дефектов (трещин, выбоин, заплат и т. п.);
- расстояние между двумя отпечатками одной и той же особенности (длина следа одного оборота колес, длина следов торможения);
- признаки направления движения». [5]

По нашему мнению, данный вариант к документированию следов шин является неоспоримым положительным фактором в процессе доказывания, поскольку он минимизирует вероятность ошибки при сопоставлении следов с шинами изъятых ТС, значительно повышая эффективность и доказательственную ценность данного вида следов в уголовном процессе.

Различные современные транспортные средства могут быть оснащены бортовыми регистраторами (EDR, «черные ящики»), фиксирующими параметры движения за несколько секунд до и после удара (скорость, обороты двигателя, работа ABS (антиблокировочная система), положение дроссельной заслонки). Данные сведения являются неопровержимыми объективными доказательствами фактического поведения водителя, а также состояния систем ТС в момент, предшествующий аварии. Их изъятие и последующее исследование должно проводиться с соблюдением всех процессуальных норм.

Как было указано выше, в рамках криминалистического исследования ДТП главной задачей является реконструкция механизма происшествия, основой выступает анализ объ-

ективных данных (материальных следов) о техническом состоянии участников с целью идентификации главного фактора возникновения дорожно-транспортного происшествия. Данный процесс требует строгого соблюдения принципов уголовно-процессуального доказывания и использования специализированных экспертных познаний.

1. Анализ адекватности действий водителя в условиях возникшего дефекта.

Необходимо провести верификацию действий водителя на предмет их соответствия объективно сложившейся дорожной-транспортной обстановке, даже при наличии объективного технического дефекта ТС. Если водитель, столкнувшись с отказом критической системы (например, тормозов), не продемонстрировал должной реакции, которая должна быть выражена в попытках увода ТС в сторону или экстренного маневрирования, его неосторожное поведение, хотя и вторичное по отношению к дефекту, может быть признано сопутствующим фактором, обуславливающим наступление тяжких последствий. В таком случае, его вина по статье 264 УК РФ сохраняется, хотя степень ответственности может быть скорректирована в сторону понижения при назначении наказания (смягчающее обстоятельство). Как отмечают в своем исследовании Рябикин А. А., Гавриленко Л. В., «психофизиологическая экспертиза является в своем роде необходимым средством, которое помогает разобраться в работе такой «системы» (органов чувств), определить, насколько согласованно взаимодействуют между собой психическая и физиологическая составляющие организма водителя, а также позволяет правоприменителю оценить границы психофизиологических возможностей конкретного человека, определить их ограниченность, уметь различать ошибки водителей, допущенные ими вследствие халатности, преступной самонадеянности или небрежности. <...> назначение судебной психофизиологической экспертизы водителя транспортного средства — это исключение из правил, нежели правило судебного процесса. [6] Мы считаем, что сотрудникам правоохранительной системы при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ необходимо использовать данный инструмент, помогающий наиболее точно квалифицировать деяние подозреваемых в совершении преступления.

2. Определение первопричины ДТП.

Если в ходе расследования и экспертизы устанавливается, что ТС было введено в эксплуатацию при наличии заведомо критического технического состояния, которое являлось устранимым и подлежащим контролю в рамках планового технического обслуживания (например, критический износ тормозных колодок или неисправность рулевого механизма), вывод эксперта-криминалиста должен акцентировать внимание на первичности и преобладающем характере данного нарушения. В данном контексте следователь обязан обеспечить сбор доказательств, подтверждающих халатность ответственного лица: выявить и изъять документацию по ТО, внутренние регламенты, а также показания свидетелей, подтверждающие

наличие организационного давления или игнорирование норм безопасности в транспортном предприятии.

3. Верификация гипотез посредством компьютерного моделирования.

Для объективной проверки выдвинутых версий о доминирующей причине используются передовые криминалистические методы моделирования. Как отмечают в своем исследовании Саботченко С. Е., Акапьев В. Л., «возникновение идеи представления картины дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП) с помощью технологий компьютерной визуализации и анимации связано с низкой продуктивностью функционирования метода, осуществляемого с помощью бумажных носителей, то есть заключений экспертов. Эта особенность обусловлена тем, что работа сотрудников органов внутренних дел перегружена формулированием больших описательных предложений, сложных речевых оборотов, которые трудно воспринимаются обычными гражданами и могут ввести в заблуждение участников дорожно-транспортного происшествия или субъектов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. На практике выясняется, что при чтении текста, распечатанного на десятке или более страниц формата А4, человек со временем все хуже представляет картину произошедшего, что непосредственно связано с запутанностью текста вследствие его большого объема и трудностью восприятия. [7] Мы согласны с мнением авторов, но также считаем, что компьютерные симуляции ДТП позволяют с высокой точностью проверить гипотезы о различном исходе события при устранении одного из факторов (например, моделирование траектории при штатной работе тормозной системы или при строгом соблюдении водителем скоростного режима). Результаты такого моделирования представляют собой весомое объективное доказательство, служащее основой для разграничения юридической ответственности между водителем и субъектом, ответственным за техническую безопасность.

Таким образом, особенности квалификации ДТП, вызванных сочетанием нарушений со стороны водителя и технического персонала, требуют от правоприменительной системы гибкости и строгого следования принципу законности. Разграничение ответственности между водителем и лицом, ответственным за техническое состояние ТС, лежит в плоскости установления доминирующей причинно-следственной связи. Если таковая не является, а оба фактора были необходимыми условиями, применение института совокупности преступлений позволяет справедливо оценить общественную опасность каждого неосторожного деяния. Правильное применение норм уголовного закона в этих сложных случаях напрямую зависит от качества и глубины экспертного исследования, позволяющего объективно восстановить картину произошедшего и точно определить, где заканчивается ответственность, связанная с актом управления транспортным средством, и где начинается ответственность, связанная с обеспечением безопасности эксплуатации транспортного средства.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 264.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации — Текст: электронный // Состояние преступности. — URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 23.12.2025).
3. Несмиянова, И. О. Современные методы фиксации и изъятия трасологических следов как эффективное средство идентификации личности / И. О. Несмиянова. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 6. — С. 239–242.
4. Алиев, М. М. Транспортно-трасологическая экспертиза при расследовании дорожно-транспортных происшествий / М. М. Алиев. — Текст: непосредственный // Академическая мысль. — 2022. — № 2 (19). — С. 13–15.
5. Рябикин, А. А. Значение и оценка психофизиологического состояния водителя как участника дорожно-транспортного происшествия / А. А. Рябикин, Л. В. Гавриленко. — Текст: непосредственный // Евразийская адвокатура. — 2022. — № 1. — С. 67–69.
6. Сутакуев, М. Р. Обнаружение и фиксация следов на месте дорожно-транспортного происшествия / М. Р. Сутакуев. — Текст: непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. — 2022. — № 1. — С. 91–93.
7. Савотченко, С. Е. Цифровые технологии визуализации информации при моделировании дорожно-транспортных происшествий / С. Е. Савотченко, В. Л. Акапьев. — Текст: непосредственный // Вестник Белгородского юридического института МВД России. — 2025. — № 1. — С. 17–23.

Ответственность за пытки в современном российском уголовном праве

Макаренко Ирина Андреевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье исследуются особенности уголовно-правовой ответственности за пытку в современном российском уголовном праве. Анализируется правовая природа пытки, проблемы квалификации соответствующих деяний и сложности их доказывания. Рассматривается влияние международных стандартов в сфере защиты прав человека на формирование национального уголовно-правового механизма противодействия пыткам. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: пытки, уголовная ответственность, насилие, должностные преступления, права человека.

Запрет пыток занимает особое место в системе фундаментальных принципов современного правового государства и рассматривается как важнейшая гарантия защиты человеческого достоинства. Применение пыток представляет собой крайнюю форму противоправного насилия, несовместимую с идеями гуманизма и уважения личности [1, 4]. В этой связи уголовное право выступает ключевым инструментом обеспечения защиты человека от подобных посягательств.

В российской правовой системе ответственность за пытки формировалась постепенно и на протяжении длительного времени не имела самостоятельного нормативного выражения. Данное обстоятельство обусловило наличие пробелов в правоприменении и способствовало неоднозначному толкованию признаков соответствующих деяний [2]. Несмотря на наличие уголовно-правовых запретов на жестокое обращение, проблемы квалификации пытки сохраняют свою актуальность.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость комплексного анализа уголовно-правовых норм,

регулирующих ответственность за пытки, с учетом современных требований защиты прав и свобод человека.

Пытка как юридическая категория представляет собой особую форму насилия, характеризующуюся целенаправленным причинением физических либо психических страданий. Ее специфика заключается не только в интенсивности воздействия, но и в наличии определенной цели, направленной на подавление воли потерпевшего, получение информации либо принуждение к определенному поведению [3, 4].

Уголовно-правовое значение пытки определяется ее высокой степенью общественной опасности. В отличие от иных форм насильственных посягательств, пытка затрагивает одновременно физическое и психическое состояние человека, а также посягает на его человеческое достоинство, что обуславливает необходимость усиленной уголовно-правовой защиты [5].

В национальном уголовном праве использование понятия пытки преимущественно в качестве квалифицирующего признака не всегда позволяет обеспечить аде-

кватную уголовно-правовую оценку содеянного, что обуславливает необходимость дальнейшего научного осмысления данного института.

Уголовная ответственность за пытку в российском праве, как правило, связана с совершением насильственных действий должностными лицами при осуществлении ими служебных полномочий. Использование властных возможностей существенно повышает степень общественной опасности деяния, поскольку затрагивает основы законности в деятельности органов публичной власти [2, 6].

Ключевым элементом квалификации является установление цели причинения страданий, что позволяет отграничить пытку от иных форм незаконного насилия. На практике это вызывает определенные сложности, поскольку мотивы поведения виновного лица могут быть внешне обусловлены служебной необходимостью либо исполнением приказов.

Дополнительные трудности связаны с доказыванием факта причинения психических страданий. Отсутствие объективно фиксируемых последствий требует комплексной оценки доказательств, включая анализ обстоятельств совершения деяния и использование специальных знаний.

Реализация указанных уголовно-правовых положений в правоприменительной деятельности нередко сопровождается определёнными затруднениями, что обуславливает необходимость анализа практики привлечения к ответственности за применение пытки.

Анализ правоприменительной практики показывает, что уголовно-правовые нормы об ответственности за пытку применяются сравнительно редко. В правоприменительной практике встречаются ситуации, при которых деяния, содержащие отдельные признаки пытки, получают иную уголовно-правовую оценку, что актуализирует вопрос о точности квалификации [7].

Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие четких критериев, позволяющих однозначно разграничить пытку и иные формы незаконного насилия. Кроме того, существенное влияние оказывает сложность доказывания субъективной стороны преступления, в частности направленности умысла виновного.

Запрет пыток занимает центральное место в системе международной защиты прав человека и закреплён в ряде универсальных и региональных правовых актов. Международные стандарты рассматривают пытку как недопустимое деяние независимо от обстоятельств, включая чрезвычайные ситуации и борьбу с преступностью [3, 4].

Российская Федерация, участвуя в международных договорах в сфере защиты прав человека, взяла на себя обязательства по обеспечению эффективного уголовно-правового преследования за применение пыток. Это предполагает не только нормативное закрепление запрета, но и его реальную реализацию в правоприменительной практике.

Одной из наиболее сложных задач при расследовании преступлений, связанных с применением пытки, является

процесс доказывания. Специфика данного деяния заключается в том, что оно нередко совершается в условиях закрытости, при отсутствии посторонних лиц и с использованием методов воздействия, не всегда оставляющих явные телесные повреждения. Это существенно осложняет сбор и оценку доказательственной базы.

Особую сложность представляет установление факта причинения психических страданий. В отличие от телесных повреждений, психические последствия не всегда поддаются объективной фиксации и могут проявляться спустя значительное время после совершения противоправных действий. В подобных случаях особое значение приобретают заключения специалистов в области психологии и психиатрии, а также анализ поведения потерпевшего до и после инкриминируемых событий [5].

Дополнительные трудности связаны с доказыванием цели применения насилия, которая является обязательным признаком пытки. На практике виновные лица нередко ссылаются на необходимость выполнения служебных задач, поддержание дисциплины либо исполнение приказов. В этой связи особую роль играет всесторонний анализ обстоятельств дела, включая характер применяемых методов воздействия, их продолжительность и соразмерность заявленным целям [5, 6].

Кроме того, проблематичным является получение достоверных показаний потерпевших, которые могут находиться в состоянии психологического давления или опасаться негативных последствий в случае дачи показаний. Это требует от правоохранительных органов применения дополнительных гарантий защиты прав потерпевших и использования процессуальных механизмов, направленных на обеспечение объективности расследования.

Анализ действующего уголовного законодательства и практики его применения позволяет выделить ряд направлений, способствующих повышению эффективности противодействия пыткам. В первую очередь следует отметить необходимость уточнения уголовно-правовых критериев, позволяющих более четко разграничивать пытку и иные формы незаконного насилия, совершаемого должностными лицами.

В научной литературе обоснованно указывается на целесообразность более детального нормативного закрепления признаков пытки, включая формы причинения психических страданий и способы воздействия, не связанные с физическим насилием. Это позволило бы снизить риск неоднозначного толкования уголовно-правовых норм и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Важным направлением совершенствования является развитие судебной практики, основанной на комплексной оценке обстоятельств дела и учете международных стандартов защиты прав человека. Использование правовых позиций международных органов способствует формированию более устойчивых подходов к квалификации преступлений, связанных с применением пыток.

Не менее значимым является повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохрани-

тельных органов. Формирование у правоприменителей устойчивого понимания недопустимости пыток и жестокого обращения, а также развитие навыков расследования подобных преступлений, способствуют укреплению законности и профилактике противоправного насилия [5, 6].

Особое значение в контексте уголовной ответственности за пытку имеет вопрос соотношения национального законодательства и практики международных судебных органов. Применение международных правовых позиций способствует формированию более эффективных механизмов защиты прав личности [3, 4].

Учет зарубежного опыта и международных подходов позволяет выявить направления дальнейшего развития уголовно-правового регулирования и минимизировать

риски неправомерного применения насилия со стороны должностных лиц.

Таким образом, ответственность за пытку в современном российском уголовном праве является важным элементом механизма защиты прав и свобод личности. Несмотря на определенные позитивные изменения в законодательстве, проблемы квалификации, доказывания и правоприменения сохраняют свою актуальность.

Эффективная реализация уголовной ответственности за пытку возможна при комплексном подходе, включающем совершенствование законодательства, развитие судебной практики и учет международных обязательств Российской Федерации. Усиление уголовно-правовой охраны личности будет способствовать укреплению законности и доверия общества к системе правосудия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм. и доп.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая).
3. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята 10 декабря 1984 г.) // Международные акты о правах человека.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.).
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. — М.: Юрайт, 2023.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: учебник. — М.: Норма, 2022.
7. Судебная практика по делам о преступлениях против личности // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.

Проблемы уголовно-правовой оценки превышения должностных полномочий

Макаренко Ирина Андреевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой оценки превышения должностных полномочий как одного из наиболее сложных составов преступлений против государственной власти и интересов государственной службы. Анализируется специфика установления пределов служебной компетенции должностных лиц, раскрывается оценочный характер отдельных признаков состава преступления, а также выявляются трудности их применения в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется разграничению превышения должностных полномочий и иных форм неправомерного служебного поведения. Формулируются предложения, направленные на повышение определенности уголовно-правовой оценки и обеспечение единообразия квалификации.

Ключевые слова: уголовно-правовая оценка, превышение должностных полномочий, должностное лицо, служебная компетенция, квалификация преступлений.

Уголовно-правовая оценка деяний должностных лиц занимает особое место в системе противодействия преступлениям против государственной власти и интересов государственной службы. Это обусловлено тем, что служебная деятельность по своей природе связана с реализацией властных полномочий и предполагает возможность существенного воздействия на права и законные интересы граждан и организаций [1].

Превышение должностных полномочий относится к числу составов преступлений, вызывающих наи-

большие затруднения в правоприменительной практике. Причиной этого является необходимость соотнесения уголовно-правовых норм с положениями административного и служебного законодательства, а также оценочный характер отдельных признаков состава преступления [2].

Актуальность исследования обусловлена отсутствием устойчивых критериев уголовно-правовой оценки превышения должностных полномочий. Анализ правоприменительной практики показывает, что аналогичные по своему содержанию действия должностных лиц могут получать

различную правовую оценку, что негативно отражается на принципе законности [3].

Целью настоящей статьи является анализ проблем уголовно-правовой оценки превышения должностных полномочий и формирование предложений по совершенствованию квалификации данных деяний.

1. Уголовно-правовая оценка как элемент квалификации должностных преступлений

Уголовно-правовая оценка представляет собой процесс установления соответствия фактических обстоятельств дела признакам состава преступления, предусмотренного уголовным законом. В сфере должностных преступлений данный процесс осложняется необходимостью учёта норм, регламентирующих служебную деятельность должностных лиц [4].

Специфика уголовно-правовой оценки превышения должностных полномочий заключается в том, что противоправность деяния определяется через сопоставление фактического поведения лица с объёмом его служебной компетенции. При этом уголовный закон не содержит исчерпывающего перечня действий, образующих превышение полномочий, что обуславливает использование оценочных критериев [5].

Важно подчеркнуть, что не каждое нарушение должностных инструкций образует состав уголовного преступления. Уголовно-правовая оценка предполагает установление такого характера и степени нарушения, которые свидетельствуют о посягательстве на охраняемые уголовным законом общественные отношения [4].

2. Проблемы уголовно-правовой оценки объективных признаков превышения должностных полномочий

2.1. Установление пределов служебной компетенции

Одной из ключевых проблем уголовно-правовой оценки превышения должностных полномочий является определение пределов служебной компетенции должностного лица. На практике данные пределы формируются совокупностью нормативных правовых актов и локальных документов, что нередко приводит к их неоднозначному толкованию [3].

В условиях недостаточной конкретизации служебных обязанностей возрастает риск субъективного подхода к уголовно-правовой оценке деяния. Это может привести как к необоснованному привлечению к уголовной ответственности, так и к необоснованному освобождению от неё [2].

2.2. Оценочный характер признака превышения полномочий

Использование в уголовном оценочных формулировок предопределяет сложность уголовно-правовой оценки

превышения должностных полномочий. Отсутствие нормативного раскрытия признака «выхода за пределы полномочий» обуславливает неоднозначность его толкования [5].

В правоприменительной практике это выражается в отсутствии единообразных подходов к квалификации аналогичных деяний, что негативно отражается на реализации принципа равенства всех перед законом [6].

3. Проблемы оценки субъективных признаков состава преступления

Субъективная сторона превышения должностных полномочий предполагает наличие прямого умысла. Однако на практике доказывание данного элемента состава преступления вызывает значительные затруднения, связанные с возможным заблуждением должностного лица относительно объёма своих полномочий [4].

В подобных ситуациях уголовно-правовая оценка должна основываться на анализе совокупности обстоятельств дела, включая характер служебных функций, уровень профессиональной подготовки лица и систематичность допущенных нарушений [3].

4. Разграничение превышения должностных полномочий и иных форм служебных нарушений

Разграничение превышения должностных полномочий и злоупотребления должностными полномочиями представляет собой одну из наиболее сложных задач уголовно-правовой оценки. Несмотря на внешнее сходство, данные составы преступлений имеют принципиальные различия [7].

Ошибки в квалификации по указанному основанию нередко приводят к отмене судебных решений и изменению правовой оценки деяния на последующих стадиях судопроизводства [6].

5. Проблемы правоприменительной практики

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что уголовные дела о превышении должностных полномочий нередко прекращаются в связи с отсутствием состава преступления либо переквалифицируются на дисциплинарные правонарушения [6].

К числу основных причин относятся сложности установления объёма полномочий должностного лица и недостаточная доказанность субъективной стороны преступления [3].

Заключение

Проблемы уголовно-правовой оценки превышения должностных полномочий обусловлены оценочным характером отдельных признаков состава преступления и отсутствием чётких критериев определения пределов

служебной компетенции. Формирование единообразных подходов к квалификации данных деяний является необходимым условием обеспечения законности в сфере государственной службы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации.
2. Наумов А. В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. — Москва: Норма, 2023.
3. Иногамова-Хегай Л. В. Должностные преступления в уголовном праве России: монография. — Москва, 2022.
4. Кудрявцев В. Н. Проблемы квалификации преступлений: монография. — Москва, 2021.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. — Москва, 2023.
6. Обзор судебной практики по делам о должностных преступлениях // Российский судья. — 2023. — № 6.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий.

Основные принципы организации исполнительной власти субъектов Российской Федерации

Миронова Кристина Сергеевна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются основные принципы организации исполнительной власти субъектов Российской Федерации как важнейшего элемента системы публичной власти. Анализируется правовая основа функционирования региональной исполнительной власти, базирующаяся на Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Представлена классификация принципов организации исполнительной власти на конституционно-правовые, организационные и функциональные группы, раскрыто их содержание и значение для обеспечения единства системы государственной власти и эффективности регионального управления.

Большое внимание уделено механизмам реализации принципов организации исполнительной власти субъектов РФ, включающим правовые, организационные, финансовые, кадровые и контрольные инструменты. Рассмотрены современные вызовы, стоящие перед системой исполнительной власти субъектов РФ, и определены направления дальнейшего совершенствования принципов её организации.

Ключевые слова: исполнительная власть, субъекты Российской Федерации, принципы организации власти, публичная власть, государственное управление, разграничение полномочий, механизмы реализации, региональная власть.

Исполнительная власть в субъектах Российской Федерации — важный элемент системы публичной власти, обеспечивающий реализацию государственной политики на региональном уровне. Организация исполнительной власти субъектов РФ основывается на конституционных основах и федеральном законодательстве, определяющих ключевые принципы её функционирования. Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью понимания механизмов взаимодействия федеральной и региональной власти в условиях современного государственного устройства России.

Правовую основу организации исполнительной власти субъектов Российской Федерации составляет Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который закрепляет основополагающие принципы построения и функционирования региональных органов исполнительной власти [1]. Этот нормативный правовой акт устанавливает единые требования к организации исполнительной власти во всех субъектах

Федерации, обеспечивая тем самым единство системы государственной власти в России.

Систему основных принципов организации исполнительной власти субъектов РФ можно классифицировать по различным основаниям. Самыми значимыми являются конституционно-правовые принципы, организационные принципы и функциональные принципы. К конституционно-правовым принципам относятся единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами и органами субъектов РФ, самостоятельность органов исполнительной власти субъектов в пределах своих полномочий. Организационные принципы включают принцип законности, принцип подконтрольности и подотчётности, принцип профессионализма государственной службы [2].

Для более полного понимания структуры принципов организации исполнительной власти субъектов РФ надо рассмотреть их систематизацию в табличной форме (таблица 1).

Таблица 1. Классификация принципов организации исполнительной власти субъектов РФ

Группа принципов	Наименование принципа	Содержание принципа
Конституционно-правовые	Единство системы государственной власти	Согласованность деятельности всех органов власти, недопустимость противоречий
Конституционно-правовые	Разграничение предметов ведения и полномочий	Чёткое распределение компетенции между уровнями власти
Конституционно-правовые	Самостоятельность в пределах полномочий	Независимость субъектов при осуществлении собственных полномочий
Организационные	Законность	Строгое соблюдение Конституции РФ и федерального законодательства
Организационные	Подконтрольность и подотчётность	Ответственность перед вышестоящими органами и населением
Функциональные	Эффективность и результативность	Достижение поставленных целей с оптимальным использованием ресурсов
Функциональные	Открытость и прозрачность	Обеспечение доступности информации о деятельности органов власти

Конституционно-правовые принципы образуют фундаментальную основу, определяя место региональной исполнительной власти в общей системе государственной власти России. Принцип единства системы государственной власти обеспечивает координацию действий федеральных и региональных органов, предотвращая возникновение противоречий в государственном управлении. Разграничение предметов ведения и полномочий позволяет чётко определить сферы ответственности каждого уровня власти, что особенно важно для эффективного решения вопросов совместного ведения Российской Федерации и её субъектов [3].

Организационные принципы определяют внутреннее устройство и механизмы функционирования органов исполнительной власти субъектов РФ. Принцип законности является основополагающим для всей системы государственного управления, требуя от региональных органов власти строгого соблюдения правовых норм во всех сферах деятельности. Подконтрольность и подотчётность обеспечивают механизмы проверки деятельности исполнительных органов, что способствует предупреждению злоупотреблений и повышению качества государственных услуг. Принцип профессионализма государственной службы предполагает наличие у государственных служащих необходимой квалификации и компетенций для эффективного исполнения должностных обязанностей.

Функциональные принципы ориентированы на результативность деятельности органов исполнительной власти и их взаимодействие с населением. Принцип эффективности и результативности требует от региональных органов власти достижения максимальных результатов при оптимальном использовании материальных, финансовых и человеческих ресурсов. Открытость и прозрачность деятельности обеспечивают возможность общественного контроля и способствуют формированию доверия населения к органам власти, что является важнейшим условием легитимности государственного управления [4].

Важное значение в современных условиях приобретает принцип взаимодействия органов исполнительной власти субъектов РФ с федеральными органами исполнительной власти. Данный принцип реализуется через систему соглашений о передаче полномочий, создание совместных координационных органов и проведение согласованной политики в сферах совместного ведения. При этом сохраняется баланс между необходимостью единства государственной политики и учётом региональной специфики.

Механизмы реализации принципов организации исполнительной власти субъектов РФ включают правовые, организационные и финансовые инструменты. Правовые механизмы представлены системой нормативных правовых актов, определяющих структуру, компетенцию и порядок деятельности региональных органов исполнительной власти. Организационные механизмы включают формирование оптимальной структуры органов власти, распределение полномочий между ними, создание системы координации и контроля. Финансовые механизмы обеспечивают материальную базу для реализации полномочий органов исполнительной власти субъектов РФ.

Для детального анализа механизмов реализации принципов организации исполнительной власти представим их характеристику в табличной форме (таблица 2).

Анализ представленных механизмов показывает нам, что реализация принципов организации исполнительной власти субъектов РФ требует комплексного подхода и использования всего арсенала управленческих инструментов. Правовой механизм создаёт нормативную основу, определяя рамки деятельности региональных органов власти и гарантируя соблюдение законности. Организационный механизм обеспечивает рациональное построение системы органов исполнительной власти, исключая избыточность функций и дублирование полномочий. Финансовый механизм предоставляет материальную базу для осуществления полномочий, при этом зависимость большинства субъектов РФ от федеральных трансфертов со-

Таблица 2. Механизмы реализации принципов организации исполнительной власти субъектов РФ

Вид механизма	Инструменты реализации	Ожидаемый результат
Правовой	Конституции (уставы) субъектов РФ, законы субъектов РФ, правовые акты высшего должностного лица и органов исполнительной власти	Правовое обеспечение деятельности органов исполнительной власти, законность принимаемых решений
Организационный	Утверждение структуры органов исполнительной власти, распределение полномочий, создание координационных органов	Оптимизация системы управления, исключение дублирования функций
Финансовый	Бюджет субъекта РФ, межбюджетные трансферты, целевые программы	Обеспечение финансовой самостоятельности в пределах полномочий
Кадровый	Система отбора и назначения государственных служащих, программы повышения квалификации	Профессионализм государственных служащих, эффективность управления
Контрольный	Прокурорский надзор, судебный контроль, общественный контроль, внутриведомственный контроль	Предупреждение нарушений законодательства, повышение качества управления

здаёт определённые ограничения для реализации принципа самостоятельности.

Кадровый механизм направлен на формирование профессионального корпуса государственных служащих, способных эффективно решать задачи государственного управления на региональном уровне. Система отбора кадров, основанная на принципах меритократии и профессионализма, позволяет привлекать к государственной службе наиболее квалифицированных специалистов. Программы повышения квалификации обеспечивают постоянное развитие компетенций государственных служащих в соответствии с изменяющимися требованиями государственного управления.

Контрольный механизм играет основную роль в обеспечении соблюдения принципов организации исполнительной власти субъектов РФ. Многоуровневая система контроля, включающая прокурорский надзор, судебный контроль, внутриведомственный контроль и общественный контроль, позволяет своевременно выявлять и устранять нарушения законодательства, злоупотребления должностными полномочиями и неэффективное использование ресурсов. Развитие институтов общественного контроля способствует повышению открытости и подотчётности органов исполнительной власти перед населением.

Современные вызовы, стоящие перед системой исполнительной власти субъектов РФ, требуют дальнейшего совершенствования принципов её организации. К числу таких вызовов относятся необходимость цифровизации

государственного управления, повышение качества и доступности государственных услуг, обеспечение устойчивого социально-экономического развития регионов в условиях внешних ограничений. Реализация данных задач требует развития принципов инновационности, адаптивности и проактивности в деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ.

Мы можем сделать вывод о том, что принципы организации исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют целостную систему, обеспечивающую эффективное функционирование региональной власти в рамках единого федеративного государства. Конституционно-правовые принципы определяют место региональной исполнительной власти в общей системе государственной власти, организационные принципы регулируют внутреннее устройство и процедуры деятельности органов власти, а функциональные принципы ориентируют их деятельность на достижение конкретных результатов и удовлетворение потребностей населения. Механизмы реализации этих принципов включают правовые, организационные, финансовые, кадровые и контрольные инструменты, комплексное применение которых обеспечивает эффективность государственного управления на региональном уровне. Дальнейшее развитие принципов организации исполнительной власти субъектов РФ должно учитывать современные тенденции государственного строительства и вызовы, стоящие перед российским государством.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ: принят Государственной Думой 08.12.2021: одобрен Советом Федерации 15.12.2021. — Текст: электронный // Официальный сайт Правительства России. — URL: <https://government.ru/docs/all/138399/> (дата обращения: 05.01.2026).
2. Нечкин, А. В. Организация государственной власти в субъектах Российской Федерации: учебник для вузов / А. В. Нечкин. — Москва: Юрайт, 2020. — 130 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-11070-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/456855> (дата обращения: 05.01.2026).

3. Белоконь, А. В. Научные основы деятельности органов исполнительной власти: учебник для вузов / А. В. Белоконь, А. А. Долгополов, А. Н. Жеребцов. — Москва: Юрайт, 2025. — 127 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14224-2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/567808> (дата обращения: 05.01.2026).
4. Макарейко, Н. В. Административное право: учебное пособие для вузов / Н. В. Макарейко. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 309 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16267-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/535391> (дата обращения: 05.01.2026).
5. Система государственного управления: учебник для среднего профессионального образования / под редакцией С. Е. Прокофьева, О. В. Паниной, С. Г. Еремина, Н. Н. Мусиновой. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 134 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-19231-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/563171> (дата обращения: 05.01.2026).

Проблемы реализации принципов правового государства в России

Невзгодин Андрей Алексеевич, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

Статья посвящена анализу ключевых проблем, препятствующих полной реализации конституционных принципов правового государства в современной России. Рассматриваются системные противоречия между формальным провозглашением верховенства права и фактическим состоянием правоприменительной практики. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения реального разделения властей, независимости судебной системы, эффективности механизмов юридической ответственности должностных лиц и гарантий прав человека. На основе анализа работ современных российских правоведов выявляются основные вызовы и предлагаются направления для совершенствования государственно-правового строительства.

Ключевые слова: правовое государство, верховенство права, разделение властей, юридическая ответственность, коррупция, Конституция РФ, правовая система.

Правовое государство определяется как такая форма организации публичной власти, при которой само государство, его органы и должностные лица связаны правом, действуют строго на основе и во исполнение закона, а права и свободы человека признаются высшей ценностью и реально гарантируются. Конституция Российской Федерации в статье 1 провозглашает Россию правовым государством, что задает стратегический вектор развития всей политико-правовой системы страны.

Как отмечает Н. С. Волкова, это провозглашение представляет собой не просто декларацию, а нормативную цель, достижение которой требует последовательной и сложной работы по гармонизации законодательства и правоприменительной практики с фундаментальными принципами верховенства права [2, с. 81].

Однако между конституционным идеалом и социально-правовой реальностью сохраняется значительный разрыв, порождающий комплекс устойчивых проблем. Одной из центральных проблем является непоследовательная реализация принципа верховенства права (верховенства закона). На практике нередко наблюдается подмена закона ведомственными инструкциями, указаниями, а в некоторых случаях — неправовыми решениями, продиктованными политической целесообразностью. Это ведет к правовому нигилизму как со стороны граждан, так

и со стороны самих государственных служащих, которые могут воспринимать закон как формальность, а не как непреложное правило.

Второй фундаментальной проблемой выступает деформация принципа разделения властей. Формально в России закреплена система сдержек и противовесов между ветвями власти. Однако в реальном политическом процессе доминирующая роль часто принадлежит исполнительной вертикали, что может приводить к дисбалансу. Законодательная власть, призванная быть выразителем народного представительства и создателем законов, порой ограничивается в своих контрольных функциях. Судебная власть, являющаяся ключевым гарантом правосудия, сталкивается с проблемами, подрывающими общественное доверие к ее полной независимости. А. Л. Бредихин прямо указывает на то, что становление правового государства в России тормозится именно слабостью системы реальных противовесов, что позволяет сосредотачивать властные полномочия в одних руках [1, с. 98].

Проблема независимости судебной системы тесно связана с предыдущей и имеет критическое значение. Правовое государство немыслимо без сильного суда, способного эффективно защищать права человека даже в спорах с могущественными государственными структурами. На практике же суды часто испытывают давление, что ставит

под вопрос равенство сторон в процессе. Процедурные нарушения, а в отдельных случаях и предвзятость судебных решений формируют у граждан ощущение недоступности правосудия, заставляя их искать неправовые способы решения конфликтов.

Чрезвычайно острой остается проблема коррупции, которая разъедает основы правового государства изнутри. Коррупция представляет собой прямое отрицание принципов законности. Она превращает государственные институты из инструментов служения обществу в инструменты извлечения личной выгоды. Как справедливо отмечает А. С. Мордовец, эффективная юридическая ответственность должностных лиц является одним из важнейших средств противодействия коррупции [4, с. 179]. Однако существующие механизмы привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения часто носят избирательный характер и не обеспечивают неотвратимости наказания для всех виновных, независимо от их должностного положения. Это подрывает авторитет власти.

Серьезным вызовом является состояние гарантированности прав и свобод человека и гражданина. Конституция РФ содержит обширный каталог прав, соответствующий международным стандартам. Однако их реализация на практике сталкивается с множеством барьеров: от бюрократических проволочек и непрозрачности процедур до прямых злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Сама возможность получить справедливый суд часто становится предметом публичных дискуссий и жалоб в международные инстанции. Правовая система не всегда обеспечивает эффективные средства защиты нарушенных прав, что вынуждает граждан годами доказывать свою правоту.

Еще одной проблемой является недостаточный уровень правовой культуры гражданского общества. Правовое государство — это не только обязанность власти

соблюдать законы, но и способность общества требовать этого соблюдения, участвовать в правотворчестве. В России традиционно сильна патерналистская модель отношений между государством и гражданином, где последний ожидает решения проблем «сверху», а не активно отстаивает свои права. Низкая правовая грамотность формирует пассивную гражданскую позицию, что, в свою очередь, ослабляет общественный контроль над властью и снижает ответственность чиновников перед народом.

Проблема обеспечения юридической ответственности, о которой пишут А. В. Малько и Р. С. Маркунин, также является системной [3, с. 9]. В правовом государстве ответственность должна быть всеобщей. На практике же можно наблюдать ситуации, когда закон применяется избирательно, в зависимости от статуса лица. Создание экстерриториальных органов, чьи решения сложно обжаловать в рамках обычной судебной системы, также противоречит духу правового государства. Механизмы ответственности государства перед гражданином за незаконные действия его органов (например, институт компенсации) работают недостаточно эффективно и не всегда восполняют причиненный ущерб.

Таким образом, реализация принципов правового государства в России представляет собой противоречивый процесс. Страна имеет прочную конституционную основу для построения правового государства, что отмечается исследователями [2]. Однако на пути полного воплощения этого идеала в жизнь стоят глубокие системные проблемы: от практического обеспечения верховенства закона и реального разделения властей до искоренения коррупции. Преодоление этих проблем требует не точечных изменений, а последовательной политики, направленной на укрепление всех институтов, гарантирующих верховенство права. Только в этом случае конституционная норма о правовом государстве из декларативной цели превратится в повседневную реальность.

Литература:

1. Бредихин, А. Л. Проблемы становления правового государства в современной России / А. Л. Бредихин // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2020. — № 5. — С. 96–100.
2. Волкова, Н. С. Развитие концепции о правовом государстве: доктрина и нормативное закрепление / Н. С. Волкова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 45 (283). — С. 81–83.
3. Малько А. В., Маркунин Р. С. Правовая система общества и юридическая ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2 (52). С. 6–13.
4. Мордовец А. С. Юридическая ответственность должностных лиц по российскому законодательству как средство борьбы с коррупцией: XXI век. 2018. № 18–2. С. 179–181.

Правовые основы обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий

Никифорова Ольга Викторовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье автор рассматривает правовые основы обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий.

Ключевые слова: массовые мероприятия, публичные мероприятия, зрелищные мероприятия, религиозные мероприятия, общественный порядок.

Эффективность обеспечения охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий зависит от правового регулирования рассматриваемой деятельности органов внутренних дел. Полномочия должностных лиц полиции при осуществлении охраны общественного порядка, их обязанности, организационные и тактические особенности, а также вопросы иного характера закрепляются в нормативных правовых актах. Эффективная система правового регулирования позволяет избежать нарушений законности со стороны самих должностных лиц полиции, осуществляющих охрану общественного порядка [2, с. 32].

В Конституции Российской Федерации [1] закреплено право на свободу самовыражения, путем проведения мирных массовых мероприятий, в форме митинга, собрания, шествия, демонстрации или пикетирования (ст. 31), а также иных публичных мероприятий (ст. 28, 29, 37, 44 Конституции РФ). При этом отмечено, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ).

В законодательстве Российской Федерации предусмотрен ряд требований к организации и проведению массовых мероприятий.

На период действия чрезвычайного положения может запрещаться или ограничиваться проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования, а также иных массовых мероприятий согласно положений ст. 11 Федерального Конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [3].

Запрет (ограничение) проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования, а также иных массовых мероприятий, согласно ст. 7 Федерального Конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [4], устанавливается на территории, где введено военное положение.

На основании Конституции Российской Федерации, федеральных законов субъекты РФ и органы местного самоуправления принимают свои нормативно-правовые акты, регулирующие порядок проведения массовых мероприятий на их территории. Так, например, в Санкт-Петербурге действует Закон Санкт-Петербурга от 21 июня 2011 г. № 390–70 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях в Санкт-Петербурге» [5]

(закон субъекта Федерации), регулирующий проведение публичных мероприятий, где в ч. 3 ст. 1 отмечено, что его действие не распространяется в том числе на проведение религиозных обрядов и церемоний, а также на проведение культурно-массовых, спортивных и иных мероприятий, проводимых по конкретным перечисленным основаниям. Подзаконный акт регионального уровня — Распоряжение Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга [6] — до 31 декабря 2026 года регулирует порядок проведения организациями (индивидуальными предпринимателями) культурных и зрелищных мероприятий, численностью более 300 человек (в ходе ретроспективного анализа установлено, что в 2020 году в Распоряжении было указано ограничение — 50 человек), предусматривает порядок согласования мероприятия ав зданиях, строениях, сооружениях (помещениях в них) В п. 1.2 Распоряжения приведен исчерпывающий список форм проведения культурных и зрелищных мероприятий.

Как отметили Р. Ю. Аврутин и А. Ю. Шихалов [7, с. 127], «обеспечение безопасности граждан и общественного порядка при проведении массовых мероприятий различного характера и направленности за последние годы стало одним из основных направлений деятельности территориальных органов МВД России». Взаимодействие полиции и иных субъектов при обеспечении охраны общественного порядка во время проведения массовых мероприятий должны осуществляться, в том числе, с соблюдением принципа равноправия. Мнение А. В. Равнюшкина о том, что «полиция является наиболее доступной государственной структурой для граждан» [8, с. 244] не означает наличия у иных субъектов второстепенной роли.

Полиция, являясь органом государственной власти, обеспечивает общественную безопасность и охрану общественного порядка в период подготовки и проведения массовых мероприятий. От правового урегулирования участия полиции в данных мероприятиях зависит согласованность и благоприятное проведение массовых мероприятий. В Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342 «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] в ст. 12 прописаны основные обязанности сотрудника органов внутренних дел, где первым пунктом указано знание и соблюдение законодательства Российской Федерации.

При подготовке к осуществлению деятельности по обеспечению охраны общественного порядка в период проведения массовых мероприятий сотрудниками органов внутренних дел изучаются правовые основы с целью обеспечения законности предпринимаемых действий, планируется комплекс профилактических мероприятий, направленных на противодействие совершению противоправных деяний.

Противоправное деяние, согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [10], представляет собой преступление или административное правонарушение (действие, бездействие), влекущее уголовную и ли административную ответственность. Одно из ключевых мест в системе органов государственной власти, обеспечивающих профилактику и предупреждение совершения противоправных деяний, занимает полиция, как элемент системы органов внутренних дел Российской Федерации.

О. И. Бекетов [11, с. 4] усматривает, что основное содержание деятельности органов внутренних дел во время массовых мероприятий заключается в «создании наиболее благоприятных условий для их проведения и в недопущении ослабления охраны общественного порядка на территории, где такие мероприятия не проводятся».

Одним из важных направлений при подготовке и проведении мероприятий, особенно международного уровня, является противодействие террористической угрозе в общей системе обеспечения безопасности. Основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма установлены Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [12].

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» [13] в процессе подготовки к массовому мероприятию сотрудниками органов внутренних дел тщательно исследуется территория его проведения.

Межведомственной комиссией, в состав которой включаются представители территориального органа ФСБ России, МВД России, Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, МЧС России, составляется акт обследования и категорирования места проведения массового мероприятия. Особое внимание при проведении массовых мероприятий уделяется вопросам пожарной безопасности, что является основным направлением деятельности государственной противопожарной службы МЧС России.

На подготовительном этапе обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий опе-

ративные подразделения в соответствии с Федеральным законом от 5 июля 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [14] планируют оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление лиц, намеренных совершить правонарушение либо преступление.

Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [15] в ст. 4 установлено ограничение на посещение мест проведения массовых и иных мероприятий и участие в них отдельных категорий граждан.

Действующее административное законодательство Российской Федерации предусматривает основания привлечения к административной ответственности лиц, совершающих правонарушения при проведении массовых мероприятий. Так, статьей 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [16] (далее — КРФ об АП) установлена административная ответственность за нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.

При подготовке массовых мероприятий необходимо учитывать статью 5.38 КРФ об АП, предусматривающую административную ответственность за воспрепятствование организации или проведению санкционированных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований. В научных публикациях А. Г. Бачурин [17, с. 103] особо отметил, что урегулирование административным законодательством Российской Федерации вопросов, касающихся собраний, митингов, демонстраций, шествий, осуществлено в достаточном объеме, однако присутствуют правовые пробелы в отношении иных массовых мероприятий, которые также нуждаются в административно-правовом регулировании.

Уголовный Кодекс РФ [18] содержит специальные нормы, связанные с массовыми мероприятиями, предусматривающие уголовную ответственность. К таковым относятся ст. 212 и 212.1 УК РФ. Стоит отметить, что ст. 212.1 УК РФ является административной преюдицией к ст. 20.2 КРФ об АП, о чем говорится в примечании к ст. 212.1 УК РФ. Вовлечение несовершеннолетних в такую деятельность может образовать состав преступления, предусмотренного статьями 150 и 151.2 УК РФ. Противоправные действия несовершеннолетних лиц, не достигших возраста привлечения к административной и уголовной ответственности, могут являться основанием для привлечения к административной ответственности родителей и законных представителей по ст. 5.35 КРФ об АП.

Меры административной ответственности за правонарушения при проведении официальных спортивных мероприятий установлены: ст. 20.31 при нарушении правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований и ст. 20.32 КРФ об АП при нарушении правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований. Сотрудники полиции обеспечивают охрану общественного порядка

при проведении спортивного массового мероприятия, подходящего под требования указанных в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [19] определений.

Процедуры организации и проведения спортивных массовых мероприятий регламентированы в том числе Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2014 г. № 353 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований» [20]; Приказом МВД России от 25 июня 2011 г. № 724 «Об утверждении Положения об Управлении по обеспечению безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий Министерства внутренних дел Российской Федерации» [21]; Приказом МВД России от 17 ноября 2015 г. № 1092 «Об утверждении требований к отдельным объектам инфраструктуры мест проведения официальных спортивных соревнований и техническому оснащению стадионов для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности» [22].

В качестве правовой базы сохранения и развития культуры России Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-1 были приняты «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [23]. Нововведением в части правового регулирования зрелищных массовых мероприятий является введение в указанный Закон статьи 52.2 [24], закрепляющей правовые основы обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении зрелищного мероприятия, и статьи 52.3, где указаны права и обязанности контро-

леров-распорядителей при проведении зрелищного мероприятия на спортивном сооружении. А также ч. 1 ст. 39 Закона дополнена требованием об информировании органов внутренних дел и других заинтересованных органов и учреждений в целях реализации возложенных на них законодательством Российской Федерации полномочий, относящихся к охране общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, о тематике зрелищных мероприятий, месте, дате и времени их проведения, планируемом количестве посетителей, планируемых мерах по организации обеспечения общественного порядка, общественной безопасности в случаях и порядке, которые определяются утвержденными Правительством Российской Федерации правилами обеспечения общественного порядка, общественной безопасности при проведении зрелищных мероприятий, в срок не позднее чем за 10 дней до дня их проведения либо незамедлительно в случае получения в более короткий срок информации о проведении зрелищного мероприятия или об изменении его тематики, места, даты и времени его проведения или о его отмене.

В статье рассмотрены нормативные правовые акты, используемые сотрудниками полиции и иными субъектами для обеспечения общественного порядка в период проведения массового мероприятия. Некоторые основы взаимодействия закреплены в нормативных правовых актах, однако конкретизации форм они не отражают. Законодательные пробелы, имеющиеся в регламентации деятельности по обеспечению общественного порядка при проведении массовых мероприятий, необходимо устранять и обеспечивать слаженную работу всех субъектов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями от 4 октября 2022 года) [Электронный ресурс] // Российская газета. 1993. 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6 октября 2022 года № 0001202210060013 (дата обращения: 30.01.2025).
2. Желтобрюх, А. В., Егоров, В. Ю. Организационно-правовые и тактические основы несения службы по охране общественного порядка: учебно-методическое пособие. Иркутск, 2020.
3. Федеральный Конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ (ред. от 2 ноября 2023 года) «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 7978.
4. Федеральный Конституционный закон от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ (ред. от 13 декабря 2024 года) «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375; СЗ РФ. 2024. № 51. Ст. 7842.
5. Закон Санкт-Петербурга от 21 июня 2011 года № 390-70 (ред. от 21 декабря 2022 года) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс] // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2011. 4 июля. № 24; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 23 декабря 2022 года № 7800202212230007 (дата обращения: 30.01.2025).
6. Распоряжение Комитета по культуре Санкт-Петербурга от 12 ноября 2020 года № 1001 (ред. от 29 декабря 2025 года) «О Порядке согласования комитетом по культуре Санкт-Петербурга проведения организациями (индивидуальными предпринимателями) культурных и зрелищных мероприятий, численностью более 300 человек [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 16 ноября 2020 года № 7801202011160002; Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга (www.gov.spb.ru/norm_baza/npa) от 30.12.2025 (дата обращения: 30.01.2025).
7. Аврутин, Р. Ю., Шихалов, А. О. Проблемы правового регулирования охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении культурно-зрелищных мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90).

8. Равнюшкин, А. В. О проблемах взаимоотношений полиции и общества на современном этапе // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2016. № 1–1.
9. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342 (ред. от 29 декабря 2025 года) «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные // *СЗ РФ*. 2011. № 49. Ст. 7020; *СЗ РФ*. 2025. № 52. Ч. 1. Ст. 8320.
10. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2016. № 26. Ч. 1. Ст. 3851; *СЗ РФ*. 2024. № 33. Ч. 1. Ст. 4928.
11. *Правовые основы и организация деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий: учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. — Омск: Омская академия МВД России, 2018.*
12. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 года) «О противодействии терроризму» // *СЗ РФ*. 2006. № 11. Ст. 1146; *СЗ РФ*. 2025. № 9. Ст. 845.
13. Постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 (ред. от 24 октября 2023 года) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» // *СЗ РФ*. 2015. № 14. Ст. 2119; *СЗ РФ*. 2023. № 44. Ст. 7886.
14. Федеральный закон от 5 июля 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 1 апреля 2025 года) «Об оперативно-розыскной деятельности» // *СЗ РФ*. 1995. № 33. Ст. 3349; *СЗ РФ*. 2025. № 14. Ст. 1574.
15. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 года) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // *СЗ РФ*. 2011. № 15. Ст. 2037; *СЗ РФ*. 2024. № 15. Ст. 1962.
16. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года (ред. от 29 декабря 2025 года) № 195-ФЗ // *СЗ РФ*. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1; *СЗ РФ*. 2025. № 52. Ч. 1. Ст. 8349.
17. Бачурин, А. Г. Административная ответственность за воспрепятствование организации или проведению собрания, митинга, демонстрации или пикетирования / А. Г. Бачурин // *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения): в 3-х томах / под ред. Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова. — СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016.*
18. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года (ред. от 29 декабря 2025 года) № 63-ФЗ // *СЗ РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954; *СЗ РФ*. 2025. № 52. Ч. 1. Ст. 8321.
19. Федеральный закон от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ (ред. от 28 ноября 2025 года) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2007. № 50. Ст. 6242; *СЗ РФ*. 2025. № 48. Ч. 3. Ст. 7251.
20. Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2014 года № 353 (ред. от 14 августа 2025 года) «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований» // *СЗ РФ*. 2014. № 18. Ч. 4. Ст. 2194; *СЗ РФ*. 2025. № 33. Ст. 5032.
21. Приказ МВД России от 25 июня 2011 года № 724 (ред. от 28 декабря 2021 года) «Об утверждении Положения об Управлении по обеспечению безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий Министерства внутренних дел Российской Федерации» // *СТРАС «Юрист»*
22. Приказ МВД России от 17 ноября 2015 года № 1092 «Об утверждении требований к отдельным объектам инфраструктуры мест проведения официальных спортивных соревнований и техническому оснащению стадионов для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности» [Электронный ресурс] // *Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru)* от 12 января 2016 года № 0001201601120015 (дата обращения: 30.01.2025).
23. Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 года № 3612-1 (ред. от 24 июня 2025 года) «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // *Российская газета*. 1992. 17 ноября. № 248; *СЗ РФ*. 2025. № 26. Ч. 1. Ст. 3498
24. Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и статьи 20.2 и 37 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2025. № 17. Ст. 2116.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 6 (609) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.02.2026. Дата выхода в свет: 25.02.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.